

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

•••

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

•••

КАФЕДРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

•••

КЛУБ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

(ежегодник)

ВЫПУСК 6

Пермь 2023

PERM STATE UNIVERSITY

• • •

FACULTY OF LAW

• • •

DEPARTMENT OF ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

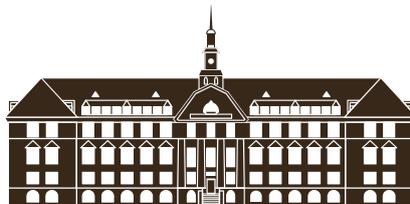
• • •

THE CLUB OF ENTREPRENEURSHIP LAW

URGENT ISSUES

OF THE ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

ISSUE 6

Perm 2023

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

А43

Ответственные редакторы: В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов

А43 **Актуальные** проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : сборник научных статей (ежегодник) / отв. ред. В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2023. – 176 с.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3986-1 (вып. 6)

В сборник входят работы молодых ученых (студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей), представленные на ежегодной всероссийской научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса». Мероприятие организовано кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ.

К публикации в сборнике принимаются оригинальные исследовательские работы по актуальным проблемам предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, одобренные научными руководителями авторов статей.

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

*Печатается по решению кафедры
предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Г. Голубцов – заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, заместитель председателя оргкомитета Пермского конгресса ученых-юристов, доктор юридических наук, профессор.

Д. Н. Латыпов – доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, кандидат юридических наук.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3986-1 (вып. 6)

© Пермский государственный
национальный исследовательский университет, 2023

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

Chief Editors: V. G. GOLUBTSOV, D. N. LATYPOV

Urgent issues of the entrepreneurship law, civil litigation and arbitration: collection of academic articles (annual issue) / chief editors V. G. Golubtsov, D. N. Latypov; Perm State University. – Perm, 2023. – 176 p.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3986-1 (issue 6)

The collection includes the articles of young scientists (undergraduates, graduate students, postgraduates and professors) presented at the scientific conferences organized by the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University. Original research papers focused on current issues of the law of obligations, arbitration process are accepted after they are approved by the scientific supervisors of the authors.

This publication is recommended for scholars and practitioners. The main goal of the collection is to popularize the studies of young lawyers.

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

*The proceedings is published according to the decision
of the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process,
Perm State University*

EDITORIAL TEAM:

V. G. Golubtsov – Head of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at Perm State University, Deputy Chairperson of the Organizing Committee of the Perm Congress of Lawyers, Doctor of law, Professor.

D. N. Latypov – Associate Professor of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at Perm State University, Candidate of Law Sciences.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3986-1 (issue 6)

© Perm State University, 2023

Содержание

Агафонова А. А. Правовые последствия одностороннего отказа зарубежных правообладателей от исполнения потребительских договоров на территории РФ	9
Антонян А. К. К вопросу о некоторых проблемах правового режима единой информационной системы в сфере закупок	13
Аудах Р. Я. К вопросу о правовой природе исполнительного производства	18
Банников Д. П. Злоупотребление правом в гражданском процессе	22
Бисс А. Р. Принятие наследства должником в деле о банкротстве: право или обязанность	25
Богданов А. А. Коррупция и злоупотребление полномочиями в административном праве	29
Гаврюсов А. В. Скрытые формы минимизации судом негативного влияния последствий частного процессуального бездействия на примере новых доказательств в суде второй инстанции	35
Глухова А. В. Преюдициальное решение суда в теории юридических фактов	40
Глухова А. В. Реализация принципа res judicata в отечественном гражданском процессе на примере преюдиции	44
Гомзякова К. А. Налог для самозанятых лиц: проблемы и пути их разрешения	47
Горшкова П. А. Использование искусственного интеллекта как способ снижения нагрузки на арбитражные суды РФ	50
Горшкова П. А. Недостатки медиативного соглашения	55
Горюнов К. М. Проблемные аспекты законодательного регулирования института возмещения убытков, причиненных обеспечением иска, в гражданском судопроизводстве	60
Грачев Е. С. Правовая природа цифровых акций	63
Данильцева И. В. Иск как средство судебной защиты в гражданском процессе	68
Дятлов К. В. История развития предпринимательской деятельности в российском праве	71
Евлампыева А. В. Право быть выслушанным в арбитражном процессе	76
ЗВЕРЕВА Д. Э. К вопросу о распределении бремени доказывания в случае привлечения должника к субсидиарной ответственности во внебанкротном порядке	80
Короткина А. С. Информационная система как объект гражданских прав	84
Коротовских А. А. К вопросу о круге лиц, имеющих право обжаловать решение общего собрания хозяйственного общества	89

Кочева В. В. К вопросу о практике применения мер административной и гражданско-правовой ответственности к финансовому управляющему в делах о несостоятельности (банкротстве)	92
Лунева А. Ю. Банкротство физических лиц: проблемы и тенденции правового регулирования	196
Лунева А. Ю., Старовойтова Е. Ю. Тенденции развития предпринимательского права на современном этапе	100
Мамаева А. Г., Михайленко Д. А. Технический представитель в арбитражном процессе ...	104
Мартьянова Е. Ю. Проведение судебных заседаний в метавселенной: зарубежный опыт правоприменения	108
Махмутова А. З. Некоторые аспекты принятия плана о финансовом оздоровлении без согласия кредиторов, как неизбежность введения института cram-down	111
Мельников Н. О. Особенности становления института досудебного урегулирования споров в России	115
Миненко С. Ф. Взыскание убытков с директора при привлечении юридического лица к налоговой ответственности	121
Михалева А. Н. Консультация специалиста как средство доказывания по гражданским делам	124
Мохова К. И. Подсудность дел о защите прав потребителей в законах государств – членов евразийского экономического союза: сравнительно-правовая характеристика ...	128
Мустаева Д. Р. Приказное производство через призму информационных технологий ...	131
Мяснянкина В. С., Потапова Д. В. Проблемы и перспективы развития института коллекторской деятельности в РФ и зарубежных странах	135
Назаров М. Ю. Использование «умного» контейнера как способа локализации повреждения груза	141
Покровская М. С. Непотизм и ответственность единоличного исполнительного органа юридического лица	144
Самкова П. Ю. К вопросу о признаках трансграничной несостоятельности	148
Старовойтова Е. Ю. Цифровизация нотариальной деятельности	152
Сухих П. С. Понятие и специфика судебного усмотрения в арбитражном процессе	156
Тихов Н. Е. Проблемы соотношения неустойки и заранее определенных убытков	159
Федяев Д. А. Законодатель против снижения судебной нагрузки	163
Царапкин Д. П., Жиличкина И. А. NFT – проблемы правового регулирования	170
Черкашина Ю. К. К вопросу о мерах поддержки предпринимательства в условиях нестабильной экономической ситуации	173

Content

AGAFONOVA A. A. Legal Consequences of the Unilateral Refusal of Foreign Right Holders from the Performance of Consumer Contracts in the Territory of the Russian Federation	9
ANTONYAN A. K. To the Question of Some Problems of the Legal Regime of the Unified Information System in the Field of Procurement	13
AUDAKH R. Y. On the Legal Nature of Enforcement Proceedings	18
BANNIKOV D. P. Abuse of the Right in Civil Proceedings	22
BISS A. R. Acceptance of Inheritance by an Insolvent Debtor: Right or Obligation	25
BOGDANOV A. A. Corruption and Abuse of Power in Administrative Law	29
GAVRYUSOV A. V. Hidden Forms of Minimizing the Negative Impact of the Consequences of Private Procedural Inaction by the Court on the Example of New Evidence in the Second Instance Court	35
GLUKHOVA A. V. Prejudicial Decision of the Court In Legal Fact Theory	40
GLUKHOVA A. V. Implementation of Res Judicata In Domestic Civil Procedure by Example of Prejudice	44
GOMZYAKOVA K. A. Tax for Self-Employed Persons: Problems and Ways to Solve Them	47
GORSHKOVA P. A. The Use of Artificial Intelligence as a Way to Reduce the Burden on the Arbitration Courts of the Russian Federation	50
GORSHKOVA P. A. Disadvantages of the Mediation Agreement	55
GORYUNOV K. M. Problematic Aspects of Legislative Regulation of the Institute of Recovery of Damages Due to Interim Measures in Civil Proceedings	60
GRACHEV E. S. The Legal Nature of Digital Shares	63
DANILTSEVA I. V. Action as a Remedy in Civil Proceedings	68
DYATLOV K. V. History of the Development of Business Activities in Russian Law	71
EVLAMPEVA A. V. The Right to Be Heard in the Arbitration Process	76
ZVEREVA D. E. On the Issue of the Distribution of the Burden of Proof in the Case of Bringing the Debtor to Subsidiary Liability in an Out-Of-Bankruptcy Procedure	80
KOROTKINA A. S. Information System as an Object of Civil Rights	84
KOROTOVSKYKH A. A. To the Question of Subjects with the Right to Appeal Against a Resolution of the Business Entity General Meeting	89
KOCHEVA V. V. On the Question of the Practice of Applying Administrative and Civil Responsibility to a Financial Manager in Insolvency (Bankruptcy) Cases	92

LUNEVA A. Y. Bankruptcy of Individuals: Problems and Trends in Legal Regulation	196
LUNEVA A. Y., STAROVOITOVA E. Y. Trends in the Development of Business Law at the Present Stage	100
MAMAEVA A. G., MIKHAILENKO D. A. Technical Representative in the Arbitration Process	104
MARTYANOVA E. Y. Conducting Court Sessions in the Metaverse: Foreign Law Enforcement Experience	108
MAKHMUTOVA A. Z. Some Aspects of the Adoption of a Plan of Financial Rehabilitation Without the Consent of Creditors, as the Inevitability of the Institution of Cram-Down	111
MELNIKOV N. O. Features of the Formation of the Institute of Pre-Trial Dispute Settlement in Russia	115
MINENKO S. F. Recovery of Losses from the Director When Bringing a Legal Entity to Tax Liability	121
MIKHALEVA A. N. The Role of the Specialist in the Expert's Conclusion	124
MOKHOVA K. I. Judgment of Cases on Consumer Rights Protection in the Laws of the Member States of the Eurasian Economic Union: Comparative Legal Characteristics	128
MUSTAIEVA D. R. Order Production Through the Prism of Information Technologies	131
MYASNYANKINA V. S., POTAPOVA D. V. Problems and Prospects of Development of the Institute of Collection Activity in the Russian Federation and Foreign Countries	135
NAZAROV M. Yu. Using a Smart-Container as a Way to Localize Cargo Damage	141
POKROVSKAYA M. S. Nepotism and Responsibility of the Sole Executive Body of a Legal Entity	144
SAMKOVA P. Y. On the Concept of Signs of Cross-Border Insolvency	148
STAROVOITOVA E. Y. Digitalization of Notary Activity	152
SUKHIKH P. S. The Concept and Specifics of Judicial Discretion in the Arbitration Process	156
TIHOV N. E. PROBLEMS of the Correlation of Penalty and Liquidated Damages	159
FEDYAEV D. A. Legislator Against Reducing the Burden on the Judiciary	163
TSARAPKIN D. P., ZHILICHKINA I. A. NFT – Issues of Legal Regulation	170
CHERKASHINA Yu. K. On the Issue of Measures to Support Entrepreneurship in an Unstable Economic Situation	173

А. А. Агафонова

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Е. Ю. Мартыанова

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ДОГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ РФ

Проведен анализ судебных актов по спорам, связанным с отказом зарубежных организаций от исполнения потребительских договоров. Выявлено, что односторонний отказ иностранной организации, заявленный по политическим причинам, по договору, заключенному непосредственно с российским потребителем, суды признают незаконным. Для отечественных продавцов, закупувших иностранные товары с целью их перепродажи российским потребителям, отказ зарубежных организаций от сотрудничества расценивается судами как действие непреодолимой силы, освобождающее отечественного продавца от ответственности перед потребителем.

Ключевые слова: потребительский договор, односторонний отказ, недружественные организации, иностранные правообладатели, санкции.

A. A. Agafonova

Student, Perm State University

Supervisor: E. Yu. Martyanova

LEGAL CONSEQUENCES OF THE UNILATERAL REFUSAL OF FOREIGN RIGHT HOLDERS FROM THE PERFORMANCE OF CONSUMER CONTRACTS IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The analysis of litigation on disputes related to the refusal of foreign organizations from the implementation of consumer contracts was carried out. It was revealed that the unilateral refusal of a foreign organization, declared due to the identified reasons, under an agreement related to a large consumer, is recognized by the courts as illegal. For domestic sellers pursuing foreign goods with their resale and private consumers, the refusal of foreign organizations to cooperate is regarded by the courts as an act of force majeure, protecting domestic trade from being sold to the consumer.

Keywords: consumer contract, unilateral refusal, unfriendly organizations, foreign copyright holders, sanctions.

С февраля 2022 года наблюдается сложная геополитическая ситуация, ввиду которой многие иностранные организации-правообладатели заявили о прекращении деятельности на российском рынке, присоединившись к множественным санкциям, введенным в отношении Российской Федерации (далее – РФ). По количеству введенных санкций Россия теперь занимает первое место в мире (ранее в данном рейтинге «лидировал» Иран), а их число, по некоторым оцен-

кам, составляет 5532¹. Указанное не могло не сказаться на российской экономике в целом, правах отдельных граждан и судебной практике. Иностранные организации, не расторгнув заключенные ранее договоры на поставку своих товаров в Россию, прекратили исполнять свои обязательства. Подобные действия нарушают интересы как российских контрагентов, так и отечественных граждан-потребителей. Представляется важным определить, какой правовой эффект оказывают односторонние отказы иностранных правообладателей от договоров на права потребителей.

В сложившейся судебной практике заявления иностранных компаний о прекращении деятельности в России не признаются обстоятельством непреодолимой силы или основанием освобождения от ответственности. Так, суд признал незаконными действия IT-компании «Google Inc» по блокировке Google-аккаунта и канала на YouTube футбольной команды, так как они противоречат сверхимперативным нормам и публичному порядку РФ, а также основополагающим нормам международного права в области защиты прав человека, обеспечения независимости и автономии спортивного движения². Однако представляется возможным констатировать, что в нынешних условиях подобные решения российских судов не будут исполняться иностранными компаниями ни добровольно, ни в порядке принудительно исполнения.

Вместе с тем, применительно к отечественным организациям, отказ иностранных компаний от деятельности в России суды признают обстоятельством непреодолимой силы, защищая тем самым интересы российских предпринимателей. Так, истец обратился в Московский городской суд с требованием о понуждении продавца заключить договор розничной купли-продажи смартфона, который был оформлен на сайте и впоследствии оплачен. В ответ на претензию продавец вернул уплаченные денежные средства и сообщил об отсутствии товара в продаже. Суд в иске отказал, указав на невозможность исполнения продавцом обязательства вследствие непреодолимой силы в виде временной приостановки поставки товаров иностранными предприятиями³.

Аналогичным образом было решено схожее дело, в котором потребитель требовал передачи заказанного на сайте смартфона Samsung. В трех инстанциях устояло решение суда в части отказа потребителю в удовлетворении требования об обязанности ответчика передать ранее оформленный товар, который не был поставлен продавцу из-за санкций. Суд кассационной инстанции также указал на невозможность взыскания в данном случае неустойки, морального вреда и судебных расходов и направил дело на новое рассмотрение, фактически освободив продавца от ответственности⁴. Таким образом, в условиях невозможности предъявления требований непосредственно к производителям, потребители предъявляют иски к продавцам. Складывающаяся судебная практика, тем не менее, старается ограничить ответственность российских предпринимателей.

Отказ иностранных правообладателей от поставок в Россию также сопровождается отключением российских пользователей от программного обеспечения, что существенно влияет на права потребителя. Последние, в случае нарушения своих прав, согласно Закону РФ «О защите прав потребителей», вправе предъявить требования как к производителю (иностранному правообладателю), так и к российскому импортеру-продавцу⁵. В марте 2022 года истица предъявила требования о безвозмездном устранении недостатков в смартфоне к ООО «Эпл Русс» (недостаток заключался в отключении системы «Apple Pay»). Суд первой и апелляционной инстанции, однако, разграничил ответственность иностранного правообладателя «Apple Inc» и российского импортера ООО «Эпл Русс» и отказал в иске, указав, что действия продавца не нарушают прав потребителя и не содержат признаков недобросовестности, а ответчиком в данном случае будет являться американское юридическое лицо «Apple Inc».

Абсолютно противоположное решение принял районный суд во Владимирской области. Иностранная компания Sony также отключила свое программное обеспечение на территории РФ, в связи с чем пользователи утратили возможность использования игровых приставок и приобретения новых продуктов (игр) на онлайн-площадках. Потребитель обратился с требованием к российскому импортеру о замене товара ненадлежащего качества. Суд отметил: «довод о том, что АО «Сони Электроникс» является ненадлежащим ответчиком, судом отклоняется, поскольку АО «Сони Электроникс» является импортером товара, к которому потребитель вправе предъявить требования о замене товара»⁶. Такой правоприменительный подход не учитывает сложившейся политической и экономической ситуации и является несправедливым по отношению к российским импортерам: объективная возможность исполнения такого решения отсутствует, так как качественных товаров (с исправным программным обеспечением) на территории РФ нет.

Односторонний отказ иностранных правообладателей от потребительских договоров на территории РФ нарушает как заключенные с российскими импортерами договоры, так и нормы Закона «О защите прав потребителей», а также не соответствует принципу добросовестного исполнения гражданских обязанностей. Указанное дает все основания для привлечения таких организаций к ответственности. Однако в сложившейся ситуации участие иностранных правообладателей в судебных процессах на территории РФ и исполнение подобных решений представляется маловероятным, в связи с чем бремя обеспечения прав потребителей ложится на отечественных предпринимателей-импортеров. Российским судам еще предстоит формировать единую судебную практику по данным вопросам. Тем не менее, уже сейчас судебной системой применяются гибкие подходы, основанные не на формальном критерии, а на основе анализа фактических обстоятельствах конкретного дела, и защищающие, в первую очередь, интересы российских организаций и потребителей.

Литература

1. URL: <https://www.forbes.ru/society/458287-rossia-stala-mirovym-liderom-po-kolicestvu-vvedennyh-protiv-nee-sankcij> (дата обращения: 15.05.2023 года).
2. Решение Арбитражного суда города Москвы от 28 марта 2022 г. по делу № А40-132383/2021.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 марта 2023 г. по делу № 33-14128/ 2023.
4. Определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2023 г. № 88-5268/2023 по делу № 2-774/2022.
5. О защите прав потребителей: Закон Рос. Федерации от 7 февр. 1992 г. № 2300-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 140.
6. Решение Петушинского районного суда Владимирской области от 30 мая 2022 г. по делу № 2-645/2022.

А. К. Антонян
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Д. А. Формакидов

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЗАКУПОК

Рассматриваются проблемные вопросы, связанные с действующим правовым режимом функционирования единой информационной системы в сфере закупок (далее – ЕИС). Обозначены пробелы правового регулирования контрактных отношений с участием уполномоченного за функционирование и обслуживание ЕИС государственного органа. Сформулированы предложения к совершенствованию законодательства о контрактной системе в части регулирования правового статуса уполномоченного за ведение ЕИС органа и порядка обжалования действий (бездействия) субъектов контроля в сфере закупок.

Ключевые слова: единая информационная система в сфере закупок (ЕИС), функционирование ЕИС, контрактная система в сфере закупок.

A. K. Antonyan
Master's Student, Perm State University
Supervisor: D. A. Formakidov

TO THE QUESTION OF SOME PROBLEMS OF THE LEGAL REGIME OF THE UNIFIED INFORMATION SYSTEM IN THE FIELD OF PROCUREMENT

The article deals with problematic issues related to the current legal regime of functioning of the unified information system in the field of procurement (hereinafter – UIS). The gaps in the legal regulation of contractual relations with the participation of the state body authorized for the functioning and maintenance of the EIS are identified. Proposals have been formulated to improve the legislation on the contract system in terms of regulating the legal status of the body authorized to conduct the EIS and the procedure for appealing actions (inaction) of subjects of control in the field of procurement.

Keywords: unified information system in the field of procurement (UIS), functioning of the UIS, contract system in the field of procurement.

Единая информационная система в сфере закупок (далее – ЕИС) представляет собой единое информационное пространство, конституирующее в цифровой среде порядок осуществления публичных закупок и всех связанных с этим порядком действий субъектов контрактной системы. На сегодняшний день подавляющее большинство закупок товаров, работ, услуг, осуществляемых по правилам Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и

муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) осуществляются посредством использования ЕИС. В связи с чем единая информационная система выступает в качестве важнейшей организационно-правовой формы проведения закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Кроме того, ЕИС способствует соблюдению установленных законом императивных правил, в ряде случаев настройки ЕИС не позволят заказчикам совершить действия, противоречащие Закону о контрактной системе.

Права и обязанности участников контрактной системы на всех этапах сложного правоотношения по обеспечению публичных нужд, начиная с определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и заканчивая исполнением обязательств сторонами контракта могут быть реализованы только через ЕИС. Так, Закон о контрактной системе предписывает заказчикам совершать все юридически значимые действия через ЕИС, как то: размещение извещения о проведении закупки и изменений в него, ответов на запросы разъяснений положений извещения, протоколов подведения итогов аукционов (конкурсов), подписанного контракта, документов приемки, претензионной переписки, документов, связанных с расторжением контракта. При этом совершение указанных действий без использования ЕИС по смыслу закона приравнивается к их несовершению и не влечет за собой юридических последствий. В связи с чем в современных условиях роль ЕИС как единственной легализованной формы реализации субъективных прав и обязанностей участников контрактных правоотношений чрезвычайно высока. Надежность функционирования ЕИС имеет непосредственное влияние на возможность надлежащей и беспрепятственной реализации заказчиками, участниками закупок, иными субъектами контрактной системы своих прав и обязанностей.

Закон о контрактной системе содержит безусловное положение о том, что информация, предусмотренная Законом о контрактной системе и размещенная в единой информационной системе, должна быть полной и достоверной (ч. 3 ст. 7). Полнота и достоверность указанной информации обеспечивается в силу вышеописанной особой роли ЕИС не только силами заказчика, но и во многом зависит от качества информационного обеспечения проведения закупки с помощью технических средств ЕИС, ответственность за состояние которой несет уполномоченный Правительством РФ федеральный орган исполнительной власти. Так, в соответствии с частью 6 статьи 4 Закона о контрактной системе Правительство РФ определило Федеральное казначейство (далее также – ФК РФ) в качестве органа, осуществляющего функции по выработке функциональных требований к ЕИС, по созданию, развитию, ведению и обслуживанию ЕИС, по установлению порядка регистрации участников контрактной системы в сфере закупок (за исключением участников закупок) в ЕИС и порядка пользования ЕИС (п. 1 постановления Правительства РФ от 13.04.2017 № 442).

Однако в Законе о контрактной системе отсутствует положение о том, что на уполномоченный орган за ведение ЕИС возложена обязанность обеспечи-

вать непрерывность проведения электронных процедур, надежность функционирования программно-аппаратных средств, используемых для их проведения, равный доступ заказчиков и участников закупок к технологиям ЕИС по аналогии с частью 13 статьи 24.1 Закона о контрактной системе. В указанной норме соответствующие обязанности возложены на оператора электронной площадки, который, выступая в роли посредника, обеспечивает взаимодействие участников закупок с заказчиками на стадии подачи и рассмотрения заявок участников конкурентных закупок. По существу единая информационная система также опосредует проведение закупки на всех ее этапах. В связи с чем имеющийся опыт законодательного регулирования отношений с участием оператора электронных торговых площадок может быть применен и для совершенствования правового режима функционирования ЕИС.

В силу указанного правового пробела уполномоченный за ведение ЕИС орган не может быть привлечен к какой-либо разновидности предусмотренной законом юридической ответственности. Описанная невозможность привлечения к юридической ответственности Федерального казначейства как участника контрактной системы значительно ослабляет защищенность других субъектов контрактных правоотношений – заказчиков и участников закупок от неправомερных действий и бездействий со стороны единой информационной системы.

В соответствии с частью 1 статьи 107 Закона о контрактной системе лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Кроме того, согласно пункту 3 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) информационная система (далее – ИС) – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. В соответствии с пунктом 9 статьи 3 Закона о контрактной системе единая информационная система в сфере закупок – совокупность информации, предусмотренной Законом о контрактной системе и содержащейся в базах данных, информационных технологий и технических средств, обеспечивающих формирование, обработку, хранение такой информации, а также ее предоставление с использованием официального сайта единой информационной системы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Исходя из анализа двух легальных определений приходим к выводу, что дефиниция ЕИС основана на понятии ИС, содержащемся в Законе об информации¹ и относится к разновидности государственных информационных систем (далее – ГИС). В соответствии с частью 9 статьи 14 Закона об информации государ-

ственные органы, определенные в соответствии с нормативным правовым актом, регламентирующим функционирование ГИС, обязаны обеспечить достоверность и актуальность информации, содержащейся в данной ИС. При этом согласно части 1 статьи 17 Закона об информации установлено, что нарушение требований закона влечет за собой дисциплинарную, гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, систематическое толкование приведенных положений Закона об информации и Закона о контрактной системе позволяет сделать вывод о том, что установление обязанности на ФК РФ аналогичной оператору электронной площадки станет достаточной законодательной мерой для привлечения данного органа либо его должностных лиц к юридической ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей как по обеспечению надежности функционирования ЕИС, так и за обеспечение достоверности содержащейся в ЕИС информации, предусмотренной Законом о контрактной системе, поскольку ФК РФ является участником одновременно двух правоотношений: по поводу осуществления закупок и более широких отношений по применению информационных технологий и обслуживанию ГИС.

Вместе с тем, специфика правового регулирования отношений по удовлетворению публичных нужд требует разграничения субъектов обязанности, закрепленной в части 3 статьи 7 Закона о контрактной системе, по обеспечению полноты и достоверности информации, размещенной в ЕИС, в зависимости от того, кто включил данные в ЕИС, поскольку большая часть информации и документов в ЕИС размещают заказчики, но из-за технических сбоев, вмешательств извне эта информация может подвергнуться серьезным изменениям. В таких случаях ответственность должен нести оператор ЕИС в лице ФК РФ.

Между тем действующим правовым регулированием в полной мере не обеспечивается привлечение Федерального казначейства к юридической ответственности не только в силу невозложения на него законом соответствующих обязанностей, но и в силу установленного законодательством порядка осуществления контроля в сфере закупок. Глава 6 Закона о контрактной системе содержит исчерпывающий круг лиц, действия (бездействия) которых можно оспорить в судебном или административном порядке, к которым относятся: заказчики, уполномоченные органы, уполномоченные учреждения, специализированные организации, комиссии по осуществлению закупок, ее члены, должностные лица контрактной службы, контрактные управляющие, операторы электронной площадки.

Федеральное казначейство к обозначенным субъектам контроля в сфере закупок, осуществляемого антимонопольными органами и иными компетентными органами, не относится. Важно отметить, что именно механизм администра-

тивного контроля со стороны ФАС России является в наши дни наиболее популярным для участников закупочных процедур в силу его простоты (достаточно подать жалобу через ЕИС без соблюдения каких-либо формальных требований), удобства рассмотрения жалоб (посредством видеоконференцсвязи) и быстроты (жалоба рассматривается не позднее 5 рабочих дней со дня ее поступления). Полномочия антимонопольного органа по выдаче предписаний позволяют эффективно и своевременно восстанавливать нарушенные права. В силу наличия описанного правового пробела в правоприменительной практике встречаются случаи, когда комиссия ФАС России в мотивировочных частях решений указывает об установленных нарушениях, не называя при этом виновное лицо – субъекта нарушения².

При этом сложность решения данного правового пробела состоит в том, что Федеральное казначейство само наделено полномочиями по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере в отношении закупок для обеспечения федеральных нужд, а также закупок для обеспечения нужд субъектов Российской Федерации, муниципальных нужд, финансовое обеспечение которых частично или полностью осуществляется за счет субсидий, субвенций, иных межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, из федерального бюджета (п. 1 ч. 9 ст. 99 Закона о контрактной системе). Полномочия ФК РФ и ФАС России в сфере контроля закупок не пересекаются, в связи с чем антимонопольные органы могут обеспечить контроль и за действиями должностных лиц Федерального казначейства.

Учитывая изложенное, для решения обозначенных проблем предлагается дополнить статью 4 «Информационное обеспечение контрактной системы в сфере закупок» Закона о контрактной системе частью 16 со следующим содержанием: «Уполномоченный за функционирование ЕИС орган обязан обеспечивать непрерывность проведения электронных процедур, надежность функционирования программно-аппаратных средств, используемых для их проведения, равный и безвозмездный доступ заказчиков и участников закупок к технологиям ЕИС, а также своевременность размещения информации в случаях, предусмотренных законодательством о контрактной системе в сфере закупок, а также полноту и достоверность такой информации. Главу 6 Закона о контрактной системе дополнить новым субъектом контроля в лице уполномоченного за функционирование ЕИС государственного органа.

Литература

1. *Андреева Л. В.* Правовой режим функционирования единой информационной системы в сфере государственных и муниципальных закупок // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 8 (117). С. 136–145.
2. Решение ФАС России по делу № 28/06/105-177/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Р. Я. Аудах
Студент СЗИУ РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)
Научный руководитель: О. А. Лонгиненко

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Анализируется правовая природа института исполнительного производства. Рассматривается классификация исполнительного производства в качестве стадии гражданского процесса, подотрасли административного права, а также самостоятельной отрасли права. Автором выявляются преимущества и недостатки различных доктринальных взглядов на исполнительное производство. На основании проведенного исследования, автор приходит к выводу о целесообразности классификации исполнительного производства как самостоятельной комплексной отрасли права.

Ключевые слова: судебный пристав, исполнительное производство, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс, правосудие, исполнительное право.

R. Y. Audakh
Student, RANEPА St. Petersburg
Supervisor: O. A. Longinenko

ON THE LEGAL NATURE OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS

The legal nature of the institute of enforcement proceedings is analyzed. The classification of enforcement proceedings as a stage of civil proceedings, a sub-branch of administrative law, as well as an independent branch of law is considered. The author identifies the advantages and disadvantages of various doctrinal views on the enforcement proceedings. On the basis of the study, the author concludes that it is expedient to classify executive proceedings as an independent complex branch of law.

Keywords: bailiff, enforcement proceedings, civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings, justice, enforcement law.

Одной из причин, затрудняющих оптимизацию работы органов принудительного исполнения, а следовательно – показатель реальной эффективности правосудия, является неоднозначность правовой природы исполнительного производства. Имеющиеся статистические данные показывают крайне низкий уровень эффективности единственного органа принудительного исполнения в стране – Федеральной службы судебных приставов. Это подрывает как авторитет государства, так и веру граждан в органы судебной власти. И несмотря на столь важное положение института исполнительного производства, вопрос о его пра-

вовой природе по-прежнему остается дискуссионным, что негативно сказывается на качестве законотворческой деятельности, необходимой для его совершенствования в интересах участников правоотношений.

Концепцию исполнительного производства как завершающей части гражданского процесса можно считать господствующей в советский период времени. Подобный подход представляется оправданным, учитывая существующий на тот момент характер общественных отношений, а также нормативное регулирование принудительного исполнения судебных решений нормами ГПК РСФСР. Тем не менее, подобная точка зрения весьма распространена и в современной России. В ее обоснование, например, А. Т. Боннер приводил такие аргументы, как отсутствие самостоятельного предмета правового регулирования, фактическое замещение судебным приставом-исполнителем места суда¹. Подобную точку зрения можно встретить и в постановлениях высших судов, классифицирующих исполнительное производство, возбужденное на основании судебного акта, непосредственно стадией соответствующего процесса². В качестве контраргументов данной позиции, можно привести следующее:

1) В 2022 году количество исполнительных производств, возбужденных на основании судебных актов, составило только 49,3 % от общего количества³;

2) Нормы гражданского процессуального и арбитражного процессуального кодексов Российской Федерации в настоящий момент регулируют не сам процесс исполнительного производства, а сугубо деятельность судов по его контролю;

3) Несоответствие исполнительного производства принципам гражданского и арбитражного процессуального права – отсутствие состязательности сторон и существенное ограничение диспозитивности;

Здесь стоит также вспомнить и процесс принятия в 1997 году Федеральных законов от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» и № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения», в пояснительной записке к которым прямо указывалось на то, что выполнение собственных решений – «несвойственная для судов функция, от которой суды будут освобождены в соответствии с принципом разделения властей»⁴.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что рассмотрение исполнительного производства как завершающей части гражданского и арбитражного процессов не соответствует современной действительности.

Иной точкой зрения является рассмотрение исполнительного производства как элемента административного права, что, в том числе, разделял и ряд дореволюционных правоведов, рассматривавших исполнительное производство в качестве «полицейского права». Так, по мнению А. Х. Гольмстена, организация суда сводится исключительно к санкционированию прав, в то время как дело ис-

полнения решений представляет собой простое явление и может быть вверено лицам «с малым образовательным цензом»⁵. В современное время в поддержку подобного взгляда приводятся такие аргументы как отнесение ФССП к органам исполнительной власти, регулирование судебного оспаривания действий их должностных лиц нормами административного судопроизводства, а также тесное взаимодействие с другими органами исполнительной власти. Однако предмет правового регулирования административного права не соответствует отношениям, складывающимся в исполнительном производстве. Дополнительным контраргументом будет являться и наличие в законодательстве об исполнительном производстве норм диспозитивного характера – так, должник вправе самостоятельно принимать решение об инициировании исполнительного производства, отозвать исполнительный лист и т.д.

Последней из представленных точек зрения является выделение исполнительного производства в отдельную отрасль – «исполнительное право». Так, М. К. Юков, хоть и считал исполнительное право вторичным образованием гражданского процессуального права и включал судебные органы в перечень субъектов правоотношений, утверждал, что указанная отрасль имеет свои специфические принципы, предмет и метод правового регулирования⁶. Несколько иную точку зрения высказывает О. В. Исаенкова, считая исполнительное право автономной отраслью, находящейся в процессе своего становления, предметом регулирования которой являются общественные отношения, складывающиеся в процессе исполнительного производства⁷. В поддержку теории о существовании исполнительного права также косвенно свидетельствуют попытки создания единого кодифицированного акта – Исполнительного кодекса⁸, работа над которым с переменным успехом ведется уже более пятнадцати лет и вызывает множество дискуссий среди правоведов.

Выделение исполнительного производства в самостоятельную отрасль права, несмотря на свою тесную связь со смежными отраслями, представляется автору наиболее оправданным подходом из представленных в настоящей статье. Помимо несоответствия исполнительного производства формальным критериям для отнесения его к стадии гражданского процесса или элементу административного права, статус самостоятельной отрасли позволит законодателю оперативнее реагировать на потребности общества, внося соответствующие изменения в законодательство об исполнительном производстве, которое в настоящий момент не способно обеспечить действенных механизм принудительного исполнения требований судебных и иных актов, и, соответственно, удовлетворить потребности участников соответствующих правоотношений.

Литература

1. *Боннер А. Т.* Нужно ли принимать Исполнительный кодекс? // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М. К. Треушникова. М., 2004. С. 291–304.
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.05.2011 № 17962/10 по делу № А42-10976/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов за 2022 год // Федеральная служба судебных приставов. URL: <https://fssp.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 11.05.2023).
4. *Малешин Д. Я.* Комплексная отрасль права исполнительного производства // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 58–88.
5. *Гольмстен А. Х.* Юридическая квалификация гражданского процесса. Казань, 1916. С. 12–13.
6. *Горбунова Я. П.* Предпосылки развития и сущности концепции исполнительного права в Российской Федерации // JSRP. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-razvitiya-i-suschnosti-kontseptsii-ispolnitelnogo-prava-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 11.05.2023).
7. *Исаенкова О. В.* Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 93.
8. Проект Федерального закона «Исполнительный кодекс Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 31.05.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2023).

Д. П. Банников
Студент ТГУ им. Г. Р. Державина (г. Тамбов)
Научный руководитель: В. В. Харин

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматривается злоупотребление процессуальными правами как явления деструктивного характера, причины его существования, перспективы устранения и борьбы с ним. Определяются необходимые действия со стороны законодателя по противодействию злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, недобросовестность гражданский процесс.

D. P. Bannikov
Student, Derzhavin Tambov State University
Scientific supervisor: V. V. Kharin

ABUSE OF THE RIGHT IN CIVIL PROCEEDINGS

The abuse of procedural rights is considered as a destructive phenomenon, the reasons for its existence, the prospects for eliminating and combating it. The necessary actions on the part of the legislator to counteract the abuse of law are determined.

Keywords: abuse of law, dishonesty civil procedure.

Современная демократическая правовая парадигма закрепляет права и свободы высшей ценностью, а равно с этим – возможность отстаивать свои права. В ст. 46 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан на восстановление его нарушенных прав путем судебной защиты¹. В свою очередь суд, в данном контексте, будучи полем для разрешения тех или иных конфликтов обладает упорядоченной внутренней системностью с установлением определенного порядка судебного производства, предоставлением прав и обязанностей каждого участника процесса, в широком толковании – определяются права и возможности уже внутри этого процесса. Сопоставление этого с человеческим фактором закономерно приводит к возможности использования тех или иных прав, и порой обязанностей лиц, участвующих в деле в свою пользу.

Злоупотребление правом свойственно всем процессуальным отраслям права. Его последствия ведут к затягиванию судебного разбирательства, а соответственно статистически ведет к общему падению эффективности судебных разбирательств, и самое критичное – к угрозе для качественного осуществления правосудия.

Право на судебную защиту не подразумевает собой упорядоченного процесса, в той степени, что свойственна процессуальным действиям с предметами окружающего мира. Ключевое что обеспечивает возможность существования данного права, но в тоже самое время ведет к его внутреннему разложению и негативному влиянию на процесс и его участников.

Деструктивность данного явления проявляется не только по вышеописанным проявлениям, но и через прямое нарушение принципа добросовестности – принцип гражданского судопроизводства, закрепленного в части 1 статьи 35 ГПК РФ². Под добросовестностью понимается определенный образец или эталон действий и надлежащего поведения субъекта правоотношений, который учитывается и на который рассчитывают и контрагенты этого субъекта. Другими словами, лица имеют право пользоваться своими правами, однако это не должно приносить ущемления прав других лиц.

Подразумевая наличие человеческого фактора при обеспечении необходимого права граждан на судебную защиту, и вместе с этим порождаемые возможные негативные последствия, можно прийти к закономерному выводу о невозможности полной ее ликвидации. Вместе с этим, центральным здесь встает необходимость мер воздействия на лиц, злоупотребляющих своими процессуальными правами. Но в связи с тем, что формально на практике, злоупотребление выглядит как правомерное действие, что осложняет задачу по противодействию данному явлению.

Так как злоупотребление процессуальными правами внешне выражается в форме вполне правомерного действия, но на самом деле это недобросовестное поведение сторон процесса, а универсального критерия злоупотребления процессуальным правом как оценочного понятия не существует, в каждом конкретном случае, принимая во внимание обстоятельства дела, суд по своему усмотрению оценивает формальный судебный иск, определяет, превысила ли сторона разрешенные пределы при реализации своего права, и решает, применять ли неблагоприятные последствия, установленные законодательством Российской Федерации³.

Так же, выявить и доказать недобросовестное поведение достаточно сложно, в силу отсутствия четкой разработанности подходов к данному понятию, его сущности, признакам, а также по причине отсутствия законодательного закрепления ответственности за процессуальную недобросовестность⁴.

Делая вывод из полученных сведений, считаем особо важным в данной ситуации создание мер противодействия законодателем злоупотреблением процессуальных прав, что может выражаться в формировании отдельной новой главы в ГПК, посвятив данной проблеме и раскрыть в ней понятия «недобросовестность» и «злоупотребление процессуальными правами»⁵, а также виды злоупотреблений и конкретные меры процессуальной ответственности. Четкое законодательное определение данных категорий, их разновидностей, способов выявления, позволит создать фундамент для создания мер процессуального пресечения данного явления

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.05.2023).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 07.05.2023).
3. *Тащян Г. Г.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе // Молодой ученый. 2020. № 43 (333). С. 256–258.
4. *Ананьин Д. М.* Процессуальная активность суда в противодействии злоупотребления процессуальными правами // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2019. № 4. С. 87–91.
5. *Степаненко М. Ю.* Гражданская процессуальная ответственность за злоупотребление процессуальными правами // Наука. Общество. Государство. 2020. №4 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-protsessualnaya-otvetstvennost-za-zloupotreblenie-protsessualnymi-pravami> (дата обращения: 07.05.2023).

А. Р. Бисс
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Т. В. Шершень

ПРИНЯТИЕ НАСЛЕДСТВА ДОЛЖНИКОМ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ: ПРАВО ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ

Освещается проблема фактического запрета на отказ от наследства наследнику, в отношении которого введена процедура банкротства. Особое внимание уделяется анализу судебной практики по оспариванию отказа от наследства как сделки, нарушающей права кредиторов по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)».

Ключевые слова: банкротство, наследственная масса, конкурсная масса, отказ от наследства.

A. R. Biss
Student, Perm State University
Supervisor: T. V. Shershen

ACCEPTANCE OF INHERITANCE BY AN INSOLVENT DEBTOR: RIGHT OR OBLIGATION

The article highlights the problem of the actual prohibition on the refusal of inheritance by the heir, in respect of whom the bankruptcy procedure has been introduced. Particular attention is paid to the analysis of judicial practice on challenging the rejection of inheritance as a transaction that violates the rights of creditors on the grounds provided for by the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)".

Keywords: bankruptcy, hereditary mass, bankruptcy estate, refusal of inheritance.

Гарантированное статьей 35 Конституции РФ право наследования включает в себя право наследника принять наследство или отказаться от него¹. Ключевым в данном случае является то, что никто не вправе принудить наследника сделать выбор в пользу одного из предусмотренных законом правомочий. Однако если в отношении наследника возбуждено дело о банкротстве, ситуация коренным образом меняется.

Так, суд признал недействительной сделкой отказ должника от наследства в пользу своей сестры². Соглашаясь с позицией нижестоящих судов, Верховный Суд РФ указал, что сделка совершена после возбуждения дела о банкротстве с целью причинения вреда кредиторам, а в результате ее совершения в конкурсную массу не поступило имущество, за счет которого было возможно погасить требования кредиторов³. Учитывая, что фактически имущество осталось в

распоряжении семьи, суды отметили, что такой отказ от наследства представляет собой злоупотребление правом.

Согласно пункту 9 статьи 213.9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)⁴, гражданин обязан сообщать финансовому управляющему любые сведения о составе своего имущества, обязательствах и иные сведения, относящиеся к делу о банкротстве. В соответствии с пунктом 1 статьи 213.25 Закона о банкротстве, в конкурсную массу гражданина включается все его имущество, имеющееся на день принятия арбитражным судом решения о признании гражданина банкротом и введении процедуры реализации имущества, а также имущество, выявленное или приобретенное после принятия указанного решения.

Таким образом, должник обязан сообщить финансовому управляющему об открытии наследства и принять наследство для включения его в конкурсную массу. Именно такое поведение ожидается от добросовестного должника, но, как правило, он в этом не заинтересован. С целью защиты наследственной массы от притязаний кредиторов должники или отказываются от наследства или не совершают действий, направленных на его принятие.

Подобные ситуации стали основой для формирования судебной практики, при которой отказ от наследства признается недействительной сделкой по основаниям, предусмотренным статьями 61.2 и 61.5 Закона о банкротстве. При этом отказ от наследства может быть оспорен и в случае его совершения до процедуры банкротства, если в этот период должник уже был неплатежеспособен.

Т. Д. Чепига считает, что вопрос принятия наследства зависит только от воли самого должника, поэтому нельзя понудить к принятию наследства или оспорить отказ от наследства⁵.

На наш взгляд, ситуация, когда должник намеренно скрывает факт открытия наследства от финансового управляющего и отказывается от наследства именно с целью сокрытия имущества от притязаний кредиторов, требует решения. Однако выработанный судебной практикой механизм оспаривания отказа от наследства, противоречит содержанию положений Закона о банкротстве.

Согласно статье 213.25 Закона о банкротства, с даты введения процедуры реализации имущества гражданина финансовый управляющий от имени гражданина осуществляет все права в отношении имущества, составляющего конкурсную массу, сделки, совершенные в отношении такого имущества гражданином лично ничтожны.

Ссылаясь на указанную статью, суды исходят из того, что в процедуре реализации имущества принять наследство и отказаться от него от имени должника может только финансовый управляющий. Но в судебной практике есть случаи, когда должник самостоятельно принимает наследство, что не принимается во внимание судами⁶.

Между тем, имущество в составе наследственной массы не является имуществом должника до момента принятия наследства, а значит не относится к конкурсной массе должника. Следовательно, по смыслу статьи 213.35 Закона о банкротстве финансовый управляющий не вправе принять наследство от имени должника или оспорить отказ от наследства.

О. С. Сизина считает, что оспаривание отказа от наследства в принципе не способно восстановить нарушенные права кредиторов, так как признание отказа недействительным не означает автоматическое принятие наследства⁷. В настоящее время при признании отказа от наследства недействительной сделкой, суды указывают на необходимость возвратить унаследованное имущество в конкурсную массу должника⁸.

Если же в отношении должника введена процедура реструктуризации долга, то принять наследство должник может только с предварительного письменного согласия финансового управляющего (п. 5 ст. 213.11 Закона о банкротстве). При этом не удалось обнаружить судебные акты, в которых оспаривалось принятие наследства без такого согласия.

Не менее важным является вопрос о возможности оспаривания непринятия наследства, который следует отличать от отказа от наследства.

И. В. Заикина и Р. М. Рамазанов выделяют следующие отличия непринятия наследства и отказа от наследства: отказ от наследства – действие, непринятие наследства – бездействие; непринятие наследства не требует юридического оформления; в отличие от непринятия наследства, отказ от наследства может быть направленным или абсолютным; отказ от наследства может быть оспорен в судебном порядке, непринятие наследства – нет, так как не является сделкой⁹.

Так, в рамках дела о банкротстве гражданина, финансовый управляющий обратился с заявлением о признании недействительным факта непринятия наследства, ссылаясь на то, что действия должника по непринятию наследства являются односторонней сделкой, нарушающей права и интересы кредиторов¹⁰.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований, указав, что непринятие наследства – это фактическое бездействие наследника, у которого нет желания отказаться от наследства или принять его, при этом в отсутствие юридического оформления непринятие наследства не приобретает форму отказа от наследства, а потому не может рассматриваться в качестве сделки, поскольку не влечет каких-либо правовых последствий. Суд кассационной инстанции также указал, что надлежащим способом защиты при противоправном бездействии должника является не его оспаривание как сделки, а понуждение должника к волеизъявлению, либо его совершение за должника финансовым управляющим¹¹.

Таким образом, непринятие наследства не может быть оспорено, однако, распространенной является практика, при которой финансовый управляющий от имени должника подает заявление нотариусу о принятии наследства^{12, 13}. В такой

ситуации должники обращаются в суд с заявлением об оспаривании указанных действий, но суды отказывают в удовлетворении требований, указывая, что оспариваемые действия не выходят за пределы полномочий финансового управляющего¹⁴. Более того, непринятие финансовым управляющим мер по выявлению факта открытия наследства и принятия такого наследства может быть основанием для взыскания убытков с финансового управляющего¹⁵.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 мая 2018 г. №Ф05-1105/2018 по делу №А41-42616/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда РФ от 14 сент. 2018 г. № 305-ЭС18-13167 по делу № А41-42616/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.
5. *Чепига Т. Д.* Обзор VII Ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора С. Н. Братуся // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 63.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 сент. 2020 г. № Ф05-14284/2020 по делу № А40-80262/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. *Сизина О. С.* Отказ от принятия наследства несостоятельным наследником // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 167–168.
8. Определение Арбитражного суда города Москвы от 20 нояб. 2020 г. по делу №А40-196047/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. *Заикина И. В., Рамазанов Р. М.* Отказ от наследства как способ осуществления права наследования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 7. С. 26–28.
10. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 28 окт. 2022 г. по делу №А60-2592/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 марта 2023 г. № Ф09-775/23 по делу №А60-2592/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 июля 2022 г. №Ф09-3862/22 по делу № А34-12305/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 дек. 2021 г. №Ф01-7599/2021 по делу №А17-2245/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
14. Определение Верховного Суда РФ от 14 нояб. 2022 г. №309-ЭС22-20617 по делу №А34-12305/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 сент. 2020 г. № 17АП-17538/2016-АК по делу № А60-14919/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. А. Богданов
Студент, Северный институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Петрозаводск)

КОРРУПЦИЯ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

В статье исследуется проблема коррупции и злоупотребления полномочиями в области административного права в России, анализируются причины и последствия этих явлений и предлагаются меры по их противодействию. Работа призвана способствовать созданию эффективной системы противодействия коррупции и злоупотреблению полномочиями в административной сфере России.

Ключевые слова: коррупция, злоупотребление полномочиями, административное право, Россия, причины, последствия, меры противодействия, эффективная система, государственное управление.

A. A. Bogdanov
Student, North Branch (city Petrozavodsk)
RLA of the Ministry of Justice of Russia

CORRUPTION AND ABUSE OF POWER IN ADMINISTRATIVE LAW

This article examines the problem of corruption and abuse of power in the field of administrative law in Russia. The author analyzes the causes and consequences of these phenomena and proposes measures to counteract them. The work is intended to contribute to the creation of an effective system of combating corruption and abuse of power in the administrative sphere of Russia.

Keywords: corruption, abuse of power, administrative law, Russia, causes, consequences, countermeasures, effective system, public administration.

Коррупция и злоупотребление полномочиями являются серьезными проблемами в области административного права в России. Эти явления наносят значительный ущерб правовому государству, экономике и обществу в целом. Коррупция и злоупотребление полномочиями приводят к нарушению справедливости, искажению равноправия граждан, ограничению экономического развития и доверия к государственным институтам. Для обеспечения эффективного функционирования административной системы необходимо понять причины и последствия этих явлений, а также разработать меры по их противодействию.

Актуальность и значимость исследования обусловлены необходимостью создания эффективной системы противодействия коррупции и злоупотреблению полномочиями в административной сфере России. Это является одной из при-

оритетных задач для обеспечения справедливости, прозрачности и эффективности государственного управления. Результаты исследования могут послужить основой для разработки и внедрения соответствующих мер и механизмов, а также повысить осведомленность общества о проблеме коррупции и злоупотребления полномочиями.

Целью данной работы является исследование проблемы коррупции и злоупотребления полномочиями в области административного права в России с целью разработки рекомендаций по ее противодействию. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- Определить и классифицировать коррупцию и злоупотребление полномочиями в административной сфере.
- Проанализировать различные теории и концепции, связанные с коррупцией и злоупотреблением полномочиями.
- Коррупцию можно классифицировать по различным критериям, включая субъекты, объекты, сферы и методы.
- По субъектам: государственная коррупция (связанная с государственными органами и должностными лицами) и частная коррупция (связанная с частными лицами и предприятиями).
- По объектам: финансовая коррупция (связанная с деньгами и финансовыми операциями), политическая коррупция (связанная с политической властью и процессом принятия решений), административная коррупция (связанная с административными процедурами и службой), и другие формы коррупции, такие как судебная и полицейская коррупция.
- По сферам: экономическая коррупция (связанная с экономическими отношениями и предпринимательством), социальная коррупция (связанная с образованием, здравоохранением и социальными услугами), и культурная коррупция (связанная с культурной сферой и наследием).
- По методам: активная коррупция (связанная с предложением и предоставлением взятки), пассивная коррупция (связанная с принятием взятки), и фасилитационная коррупция
- Изучить причины и факторы, способствующие коррупции и злоупотреблению полномочиями.
- Исследовать воздействие коррупции и злоупотребления полномочиями на систему административного права и права граждан.
- Обозреть основные методы и механизмы борьбы с коррупцией и злоупотреблением полномочиями.

Коррупция и злоупотребление полномочиями являются серьезными проблемами, с которыми сталкиваются многие страны. Для того чтобы эффективно бороться с этими явлениями, необходимо иметь четкое определение и классификацию.

Коррупция может быть определена как злоупотребление доверием или должностным положением в целях получения неправомерной выгоды или лич-

ной выгоды. Это может включать в себя взяточничество, мошенничество, подкуп, неправомерное использование ресурсов или информации, а также другие действия, которые нарушают закон или этические нормы¹.

Анализ различных теорий и концепций, связанных с коррупцией и злоупотреблением полномочиями, позволяет лучше понять и объяснить эти явления. Вот некоторые из них:

Теория «агент-принципал». Эта теория рассматривает коррупцию как результат агентурной проблемы, возникающей между «принципалом» (например, государством) и «агентом» (чиновником). Агенты имеют информацию и ресурсы, необходимые для выполнения своих обязанностей, но они могут злоупотреблять своим положением, если принципал не может контролировать их действия должным образом.

Теория «культурной» коррупции. Согласно этой теории, коррупция может быть обусловлена культурными факторами, такими как ценности, нормы и поведение общества². Некоторые культуры могут способствовать появлению коррупции, например, когда взятки воспринимаются как обычная практика или средство решения проблем.

Теория «рентного» взятка. Согласно этой теории, коррупция возникает в ситуациях, когда существует доступ к рентным ресурсам, таким как природные ресурсы, контроль над которыми дает значительную экономическую выгоду. Люди, обладающие полномочиями, могут злоупотреблять своим статусом, чтобы получить личную выгоду от этих рентных ресурсов.

Концепция «системной» коррупции. Эта концепция подчеркивает, что коррупция не является проблемой отдельных индивидуумов, а скорее результатом дисфункциональных системных структур и процессов. Факторы, такие как слабые институты, отсутствие прозрачности, недостаточный контроль и наказание, способствуют распространению коррупции.

Теория «коллективной действительности». Согласно этой теории, коррупция возникает из-за социальных конструкций и взаимодействий, которые формируют коллективную действительность. Люди могут вовлекаться в коррупционные практики из-за ожиданий со стороны других людей, социального давления или норм, которые существуют в определенной группе или обществе.

Изучение причин и факторов, способствующих коррупции и злоупотреблению полномочиями, помогает понять, какие условия и обстоятельства могут привести к возникновению этих негативных явлений. Некоторые из ключевых причин и факторов включают:

Низкий уровень прозрачности и открытости: Отсутствие прозрачности и доступа к информации о деятельности государственных органов и должностных лиц способствует возможности злоупотреблений и скрытой коррупции.

Слабые институты и правоохранительные органы: если система правоохранительных органов и институтов не функционирует должным образом или под-

вержена влиянию коррупции, то преследование и наказание коррупционеров становится затруднительным.

Низкий уровень заработной платы и финансовая нестабильность: если чиновники и государственные служащие получают низкую заработную плату, возникает мотивация искусственно увеличивать свой доход через коррупционные практики.

Культурные факторы: Некоторые культурные факторы, такие как традиции взяток, недоверие к системе правосудия или распространение клиентелизма и патронажных отношений, могут способствовать распространению коррупции.

Политическая нестабильность и конфликты интересов: Временные политические изменения, слабость правового государства или наличие конфликтов интересов между государственными и частными интересами могут создавать условия для коррупции и злоупотреблений полномочиями.

Коррупция и злоупотребление полномочиями имеют серьезное воздействие на систему административного права и права граждан. Вот некоторые из основных аспектов этого воздействия:

Подрыв законности и доверия: Коррупция и злоупотребление полномочиями нарушают законность и порядок, что ведет к утрате доверия граждан в правовую систему и государственные институты. Это может ослабить юридическую защиту прав и интересов граждан.

Искажение правосудия: Коррупция и злоупотребление полномочиями могут исказить процесс правосудия. Взятки или неправомерное влияние могут приводить к несправедливым решениям в суде, позволять уклоняться от ответственности или получать преимущества в судебных процессах. Это ведет к несправедливости и ущемлению прав граждан.

Нарушение равенства перед законом: Коррупция может создавать неравные условия для граждан в доступе к услугам, преимуществам или справедливом разрешении правовых вопросов. Это противоречит принципу равенства перед законом и создает неравенство и несправедливость.

Ослабление эффективности и эффективности административной системы: Коррупция и злоупотребление полномочиями ведут к деградации административной системы. Чиновники, занимающиеся коррупцией, могут быть некомпетентными или неспособными выполнять свои обязанности, что приводит к снижению качества предоставляемых услуг и негативно влияет на развитие общества.

Нарушение прав граждан: Коррупция и злоупотребление полномочиями могут приводить к нарушению прав граждан³. Это может включать неправомерные аресты, произвольные задержания, отказ в доступе к услугам или дискриминацию на основе взяток или личных интересов.

Коррупция и злоупотребление полномочиями представляют серьезные вызовы для справедливости, развития и устойчивости общества. В нашем теоретическом обзоре мы рассмотрели определение и классификацию коррупции

и злоупотребления полномочиями, а также проанализировали различные теории и концепции, связанные с этими явлениями.

Изучение причин и факторов, способствующих коррупции и злоупотреблению полномочиями, позволяет нам лучше понять их истоки и обстоятельства, которые способствуют их распространению. Низкий уровень прозрачности, слабые институты, низкий уровень заработной платы и культурные факторы – все это является основными факторами, способствующими этим негативным явлениям⁴.

Более того, коррупция и злоупотребление полномочиями оказывают серьезное воздействие на систему административного права и права граждан. Они подрывают законность, искажают правосудие, нарушают равенство перед законом, ослабляют эффективность административной системы и приводят к нарушению прав граждан.

Однако существуют методы и механизмы борьбы с коррупцией и злоупотреблением полномочиями. Укрепление правового фундамента, повышение прозрачности и открытости, создание независимых и эффективных институтов, а также осуществление антикоррупционных мер и контроль – все это важные шаги для преодоления этой проблемы.

Для создания более справедливого и развитого общества необходимо мобилизовать усилия всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, гражданское общество и международное сообщество. Только совместными усилиями мы сможем успешно бороться с коррупцией и злоупотреблением полномочиями и строить более справедливое и этичное общество.

Однако важно помнить, что борьба с коррупцией является длительным и постоянным процессом. Необходимо устранить коррупцию не только на поверхности, но и в ее корнях, а это требует системных изменений, антикоррупционных реформ и изменения культуры и ценностей в обществе.

Для успешной борьбы с коррупцией необходимо обеспечить независимость судебной системы, сформировать эффективные контрольные механизмы, повысить прозрачность и ответственность государственных органов и должностных лиц, а также активно вовлекать гражданское общество и СМИ в мониторинг и обнаружение коррупционных случаев⁵.

Борьба с коррупцией и злоупотреблением полномочиями – это общественная задача, которая требует коллективных усилий и планомерной работы. Каждый гражданин должен осознать свою роль в этом процессе и неуклонно противодействовать коррупции в своей сфере деятельности.

В заключение отметим, что коррупция и злоупотребление полномочиями оказывают негативное воздействие на общество, правовую систему и гражданские права. Однако с помощью эффективных мер и совместных усилий мы можем противостоять этим явлениям и строить более справедливое и честное общество. Борьба с коррупцией – это постоянный процесс, который требует участия и поддержки всех членов общества.

Литература

1. *Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н.* Право против коррупции // Журнал российского права. 2007. №. 5 (125). С. 39–52.
2. *Спектор Е. И., Севальнев В. В., Матулис С. Н.* Запреты и ограничения в праве и коррупция // Журнал российского права. 2014. №. 10 (214). С. 158–167.
3. *Едкова Т. А.* Обсуждение доктрины запретов в административном праве // Журнал российского права. 2013. №. 8 (200). С. 137–144.
4. *Краснов М. А., Талапина Э. В., Южаков В. Н.* Коррупция и законодательство: анализ закона на коррупциогенность // Журнал российского права. 2005. №. 2 (98) С. 77–88.
5. *Алексеев А.* Презумпции против коррупции // Законность. 2008.– №. 4. С. 2–8.
6. *Вершицкая Г. В.* Особенности правовой квалификации коррупционных правонарушений // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. №. 1. С. 18–24.

СКРЫТЫЕ ФОРМЫ МИНИМИЗАЦИИ СУДОМ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ЧАСТНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО БЕЗДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ НОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДЕ ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ

В статье исследуется проблема отступления судей от процессуальной формы в гражданском процессе в целях минимизации негативного последствия процессуального бездействия лица, участвующего в деле. На примере частного процессуального бездействия в виде непредставления доказательств в суд первой инстанции показывается различие в последствиях бездействия для сторон процесса, которое, как представляется, исходит от различной правоприменительной практики судов.

Ключевые слова: гражданский процесс, процессуальное бездействие, новые доказательства, принципы гражданского процесса.

A. V. Gavryusov
Postgraduate student, Perm State University

HIDDEN FORMS OF MINIMIZING THE NEGATIVE IMPACT OF THE CONSEQUENCES OF PRIVATE PROCEDURAL INACTION BY THE COURT ON THE EXAMPLE OF NEW EVIDENCE IN THE SECOND INSTANCE COURT

The article examines the problem of judges' deviation from the procedural form in the civil process in order to recess the negative consequences of the procedural inaction of the person participating in the case. On the example of private procedural inaction in the form of failure to present evidence to the court of first instance, the difference in the consequences of inaction for the parties to the process, which seems to come from different law enforcement practice of the court, is shown.

Keywords: civil process, procedural inaction, new evidence, principles of civil process.

Иногда суды могут отступить от жестких правил о процессуальной форме, используя весомость в деле иной ценности, нежели чем формализм. С учетом того, что в большинстве случаев последствия частного процессуального бездействия лиц, участвующих в гражданском процессе России, предусмотрены процессуальным законом, отступление от формализма, с точки зрения такого закона, должно рассматриваться как форма минимизации негативного влияния процессуального бездействия на непроцессуальное (материальное) положение лица.

Основным отложенным последствием такого частного процессуального бездействия как непредставление доказательств в суд первой инстанции является-

ся блокирование судом апелляционной инстанции возможности приобщения таких доказательств при пересмотре дела во второй инстанции.

На примере указанного процессуального бездействия покажем, как суд находит пути такой минимизации.

Основным условием принятия новых доказательств в суде второй инстанции является уважительность причин непредставления доказательств в суд первой инстанции.

Результаты краткого исследования новейшей судебной практики по вопросу применения части 2 статьи 268 Арбитражного процессуального кодекса России (далее – АПК РФ) и части 1 статьи 327.1 Гражданского процессуального кодекса России (далее – ГПК РФ) возможно представить в виде схемы ранжирования подходов от формализма до либерального подхода:

Ранжирование позиций судов России (кассационная инстанция, суды общей юрисдикции и арбитражные суды) относительно принятия новых доказательств в суде апелляционной инстанции

Интерпретация результатов этого небольшого исследования следующая.

Первый подход, который на схеме обозначен как «КФ» (крайний формализм), сводится только к оценке причин непредставления доказательств в суд первой инстанции на предмет уважительности. Иные критерии при разрешении ходатайства стороны о приобщении новых доказательств в суде второй инстанции не рассматриваются. Строго формальный подход применялся, например, Арбитражным судом Уральского округа при рассмотрении дела № А71-1551/2019, в котором суды оценивали соответствующее ходатайство заявителя только на предмет наличия уважительности в бездействии стороны, тогда как заявитель указывал, что документы важны для определения наличия оснований для процессуального правопреемства оппонента по делу¹. Из информации по делу на сайте картотеки арбитражных дел (kad.arbitr.ru) видно, что разрешение спора судами в отсутствие доказательств, неприобщенных к материалам дела, породило

новые споры между лицами, участвующими в деле. В системе судов общей юрисдикции, например, Седьмым кассационным судом рассматривался один спор из договора займа (дело № 88-1564/2022), в котором суды проверочных инстанций сфокусировали внимание только на обосновании невозможности заявить ходатайство о приобщении рассматриваемых документов в суде первой инстанции. Влияние новых доказательств (переписка сторон в WhatsApp) на результат разрешения спора не оценивалось судами².

Мягкий отход от крайнего формализма в сторону сущностного рассмотрения влияния доказательств на правильность рассмотрения спора судом первой инстанции – следующий этап, который обозначен на схеме как «КП» (комплексный подход). В новейшей практике судов арбитражной системы такой подход утвердился на уровне Верховного суда России. Так, Верховным судом установлено, что заявитель не участвовал в судебных заседаниях суда первой инстанции и доказательства такому суду не представлял, что прямо отражено в судебном акте. Верховный суд России указал, что указанные доказательства являются существенными и могли серьезно повлиять на результат рассмотрение дела, поэтому суд второй инстанции, не приобщив указанные документы к материалам дела, формально верно разрешив ходатайство заявителя, все-таки нарушил процессуальное законодательство³. Подход получил развитие и в иных делах, посвященных смежным вопросам (например, в деле № А40-246941/2021, которое рассматривал Арбитражный суд Московского округа, указанный выше подход Верховного суда России применялся к вопросу необходимости мотивированного обоснования лицами, участвующими в деле, невозможности перехода из предварительного судебного заседания в основное⁴). В практике судов общей юрисдикции также обнаружены следы такого подхода⁵.

Следующим можно выделить материальный подход, который на схеме обозначен как «МП», сводящийся к повышенному вниманию влияния новых доказательств на предмет спора, нежели чем к формальной возможности представления этих доказательств в суд первой инстанции. Он был представлен, например, в нескольких постановлениях Арбитражного суда Уральского округа⁶, при рассмотрении которых суды либо устанавливали неуважительность причин непредставления доказательств в суд первой инстанции, либо в которых суды «простили» заявителей соответствующих ходатайств, элиминировав последствия их бездействия в суде первой инстанции (то есть, разблокировали право на представление новых доказательств при отсутствии полной гипотезы нормы части 2 статьи 268 АПК). Суды ссылались на необходимость принятия обоснованного судебного акта, пытались защитить сторону, процессуально находящуюся в слабом положении, но, вероятно, в «выигрышном» в материальном. Материальный подход в судебной практике судов общей юрисдикции, например, представлен в одном из определений Третьего кассационного суда общей юрисдикции⁷.

Самый гибкий подход, обозначенный на схеме как «ДУ» (дискреционное усмотрение), сводится к позиции о том, что разрешение ходатайств о приобщении новых доказательств в суде апелляционной инстанции – это полное усмотрение судей, т.е. их дискреционное полномочие (о понятии дискреционного полномочия см., например, одну из статей В.И. Анишиной⁸). Пример использования такого подхода можно обнаружить в Центральном арбитражном округе⁹, в Уральском арбитражном округе¹⁰.

Существование четырех указанных выше подходов обеспечивает различный уровень процессуальных гарантий справедливого рассмотрения дела для лиц, участвующих в деле, и приводит к констатации отсутствия «ориентира последовательности и предсказуемости»¹¹ в рассматриваемом вопросе. Ситуация осложняется особенностью российской судебной системы, а именно параллельным существованием системы арбитражных судов и судов общей юрисдикции, отсутствие единства правоприменения в рассматриваемом вопросе в которых приводит к тому, что с типизированным формализмом (маркер «КФ») может столкнуться ординарный гражданин, тогда как сущностно (маркер «МП» или «ДУ») судьи отнесутся к предпринимателю, социально (имущественно) более защищенному.

Все подходы, начиная от «КП» и заканчивая «ДУ», представляют собой способы суда минимизировать негативное влияние процессуальной пассивности стороны в суде первой инстанции, реабилитируя ее путем разблокировки права на представление новых доказательств в ущерб процессуальной форме. Такая процессуальная ситуация, как видится, является проявлением определенного соотношения принципов формализма и равноправия сторон¹², устанавливающегося изначально в законе, корректирующегося судебной практикой, которую, однако непротиворечивой и последовательной назвать, на данном этапе, не представляется возможным.

Литература

1. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20 июля 2022 г. по делу № А71-1551/2019. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 янв. 2022 г. по делу № 88-1564/2022. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 янв. 2022 г. № 305-ЭС21-22562 по делу № А40-211941/2020. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 июля 2022 г. по делу № А40-246941/2021. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апр. 2022 г. по делу № 8Г-8602/2022 (88-14295/2022). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.2023).
6. Постановления Арбитражного суда Уральского округа от 1 авг. 2018 г. по делу № А60-44238/2017; от 7 апр. 2022 г. по делу № А60-3954/2021. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2022 г. по делу № 88-6334/2022. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. *Анишина В. И.* Дискреционные полномочия судов как гарантия самостоятельности и эффективности судебной власти // *Мировой судья*. 2008. № 3. С. 8.
9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 7 июля 2022 г. по делу № А09-1605/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23 авг. 2022 г. по делу № А60-55578/2020. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. *Гук П. А., Коршунова П. В.* Единство судебной практики как особая ценность правосудия // *Журнал российского права*. 2020. № 12. С. 106.
12. *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут. 2016. С. 349–352..

А. В. Глухова
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Е. В. Аристов

ПРЕЮДИЦИАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ СУДА В ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Рассматриваются вопросы о возможности отнесения решения суда, имеющего преюдициальное значение к юридическим фактам. Проводится анализ соотношения характерных черт преюдициального судебного решения со свойствами юридических фактов.

Ключевые слова: теория юридических фактов, судебное решение, преюдиция, преюдициальное судебное решение.

A. V. Glukhova
Master's Student, Perm State University
Supervisor: E. V. Aristov

PREJUDICIAL DECISION OF THE COURT IN LEGAL FACT THEORY

Annotation: questions about the possibility of referring a prejudicial decision of the court to legal facts are considered. An analysis is made of the correlation between the characteristic features of a prejudicial court decision and the features of legal facts.

Keywords: legal fact theory, court decision, prejudice, prejudicial decision of the court.

Теория юридических фактов имеет богатую и насыщенную историю разработки и изучения. Родоначальником учения о юридических фактах является выдающийся немецкий правовед Фридрих Карл фон Савиньи. Этот ученый первым в юридической науке сформулировал основные положения данной теории, указав при этом, что «события, которые вызывают возникновение или прекращение» следует называть юридическими фактами¹. Эти выводы он изложил в своей работе «Система современного римского права».

Теория о юридических фактах сегодня широко используется в международном частном праве и других областях права. Определения понятия юридических фактов не отличаются существенным образом, однако их классификация порождает множество споров и дискуссий среди современных правоведов.

По причине сложности в теоретических и практических аспектах исследования данной проблематики, эту тему исследовали такие ученые как М. Г. Авдюков, С. С. Алексеев, С. А. Иванова, О. С. Иоффе, В. Б. Исаков, М. А. Гурвич, А. А. Добровольский, А. Ф. Клейнман, Н. А. Чечина, Д. М. Чечот и др.

Юридическое научное сообщество сходится во мнении о том, что все юридические факты можно разделить на события и действия, которые в свою очередь подразделяются на абсолютные и относительные события, правомерные и неправомерные действия. В остальном мнения правоведов расходятся, в частности нет единогласного мнения о возможности отнесения к юридическим фактам решения судов.

Первая группа исследователей считает, что судебное решение нельзя относить к юридическим фактам. Так, доктор юридических наук М. Г. Авдюков в своей работе «Судебное решение» отмечает, что «судебное решение ... не заключает в себе ни нормативного характера права, ни правообразующего характера юридических фактов», «судебное решение никогда не выступает в качестве материально-правового юридического факта; оно всегда акт правосудия, защищающий права»². К сторонникам данной позиции можно также отнести таких правоведов как И. Н. Коваленко, С. Н. Хорунжий, Э. Э. Карапетян, Б. З. Маликов и Д. М. Чечот. Последний в своих трудах отмечал, что судебное решение, являясь актом правосудия, «ни в коем случае не может рассматриваться как юридический факт, порождающий материально-правовые последствия»³.

По мнению второй группы исследователей юридическим фактом следует считать не столько само судебное решение, сколько последствия, которые возникают после его принятия. Так, В. Б. Гольцов и Н. М. Голованов указывают, что «общие положения гражданского законодательства не в полном объеме отражают значение судебного решения в качестве юридического факта гражданского права»⁴, а Е. Н. Коваленко отмечает, что «юридическим фактом является не само судебное решение, изменяющее содержание правоотношения, а действия субъектов данного правоотношения либо указания нормативных актов, что соответствует общей формулировке ст. 8 ГК РФ»⁵.

К третьей группе можно отнести ученых, которые придерживаются позиции, согласно которой решения судов можно отнести к системе юридических фактов. Первым из таких ученых можно назвать советского правоведа М. А. Гурвича. Этот профессор обстоятельно изучил теорию преобразовательных исков⁶ и пришел к выводу о том, что решения судов можно считать самостоятельными юридическими фактами. Еще одним профессором, труды которого послужили серьезным вкладом в формирование теории юридических фактов является О. А. Красавчиков. Доктор юридических наук Красавчиков впервые в качестве вида правомерных юридических действий выделил решения судов⁷.

Считаем позицию последней группы ученых наиболее верной. Во-первых, на судебное решение в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей указывает статья 8 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸. Во-вторых, возникновение, изменение и прекращение гражданско-правовых отношений является функцией судебного решения. В-третьих, согласно наиболее рас-

пространенной классификации юридических фактов к таковым следует относить правовые акты, коим является судебное решение, в частности преюдициальное.

Под преюдициальным судебным решением принято понимать такое вступившее в законную силу судебное решение, которое по отношению к текущему судебному процессу устанавливает факты и обстоятельства, не требующие дополнительной проверки. Другими словами, это судебное решение, которое является основанием запрета подвергать критике, отвергать или переоценивать обстоятельства и факты, установленные в ином гражданском процессе с участием тех же лиц, который адресован суду и сторонам.

Преюдициальное судебное решение обладает всеми признаками юридического факта.

Во-первых, преюдициальное решение суда является конкретным явлением действительности. Преюдициальное судебное решение — это результат правомерного действия, совершенного определенным субъектом — судом, и которое содержит в себе социальное и правовое значение.

Во-вторых, преюдициальное судебное решение несет в себе информацию о состоянии общественно-правовых отношений, которые являлись предметом спора.

В-третьих, данная информация об общественно-правовых отношениях, являющаяся результатом совершения конкретным субъектом правомерного действия, обличена в материальном мире. Суждения, мысли и абстрактные понятия не могут являться юридическим фактом. Преюдициальное судебное решение имеет материальную форму — правового акта.

В-четвертых, еще одним признаком юридических фактов является установленная процедурно-процессуальная форма. Многим юридическим фактам необходимы другие юридические факты для того, чтобы быть частью правового пространства. Так, например, факт достижения возраста подтверждается другим юридическим фактом — паспортом. В нашем случае, факт отсутствия необходимости доказывания ранее установленных обстоятельств будет подтверждаться судебным решением, выраженным в установленной процессуальной форме.

В-пятых, преюдициальное судебное решение, как и другие юридические факты вызывает правовые последствия, которые предусмотрены действующим законодательством. Так, статьей 61 Гражданского процессуального кодекса⁹ установлено, что обязательными для суда являются обстоятельства, которые установлены вступившим в законную силу судебным актом. Таким образом, преюдициальное судебное решение является основанием для возникновения фактов и обстоятельств, не подлежащих установлению судом.

Подводя итог изложенному, можно резюмировать, что преюдициальное судебное решение отвечает всем признакам юридического факта и его следует отнести к самостоятельным юридическим фактам. В системе юридических фактов его можно отнести к правомерным юридическим действиям.

Литература

1. *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права: пер. с нем. Г. Жигулина / под ред. О. Кутателадзе и В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 573 с.
2. *Авдюков М. Г.* Судебное решение. М.: Госюриздат, 1959. 192 с.
3. *Чечот Д. М.* Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2006. 240 с.
4. *Гольцов В. Б., Голованов Н. М.* Судебное решение как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // *Знание.* 2018. № 2-2 (54). С. 55–62
5. *Коваленко Е. Н.* Судебное решение: теоретико-методологические и технико-юридические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. 26 с.
6. *Гурвич М. А.* Виды исков по советскому гражданскому процессуальному праву // *Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права.* 1945. № 2. С. 1–12.
7. *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Юрид. лит., 1958. 183 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 1994. № 32, ст. 3301.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 26.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2002. № 46, ст. 4532.

А. В. Глухова
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Е. В. Аристов

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА RES JUDICATA В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ НА ПРИМЕРЕ ПРЕЮДИЦИИ

Рассматриваются вопросы имплементации принципа res judicata в российском гражданском процессе. Проводится анализ характерных черт преюдиции в гражданском процессуальном праве.

Ключевые слова: преюдиция, принцип res judicata, гражданский процесс.

A. V. Glukhova
Master's Student, Perm State University
Supervisor: E. V. Aristov

IMPLEMENTATION OF RES JUDICATA IN DOMESTIC CIVIL PROCEDURE BY EXAMPLE OF PREJUDICE

Consider the implementation of the principle res judicata in the Russian civil process. The characteristics of adjudication in civil procedure are analysed.

Keywords: prejudice, res judicata, civil procedure.

Res judicata – это принцип, который используется в гражданском процессе для обеспечения законности и справедливости судебных решений. Он гарантирует, что тот же вопрос не будет решаться повторно в пользу одной и той же стороны. Термин *res judicata*, имеющий латинское происхождение, дословно означает «вещь, уже решенная». Суть этого принципа состоит в том, чтобы избежать повторения дел, которые уже были решены судами. Он также гарантирует окончательность решений судов и позволяет сторонам избежать необходимости возобновлять дела, которые уже были успешно завершены.

Нельзя говорить о прямом закреплении принципа *res judicata* в законодательстве Российской Федерации, в первую очередь, потому что российской юридической наукой до настоящего момента не определено, что именно следует понимать под этим принципом.

Часть правоведов считают, что принцип *res judicata* тождественен принципу правовой определенности. Так, например, Т. М. Алексеева¹, В. И. Анишина, Т. Н. Назаренко² в своих работах ставят знак равенства между двумя этими принципами.

Есть и противоположное мнение. Так, по мнению Т. М. Цепковой и М. С. Борисова, принцип *res judicata* – это судопроизводственный принцип, согласно которому наличие судебного решения, вступившего в законную силу, влечет следующие последствия: повторное рассмотрение тождественного спора не допускается (исключительность); дальнейшее обжалование решения в ординарном порядке запрещается, а пересмотр допустим при наличии строго определенных оснований (неопровержимость); решение суда должно быть исполнено (исполнимость)³.

Существуют другие хотя и менее распространенные, но не менее значимые для юридической науки позиции. Доктор юридических наук А. В. Асосков придерживается мнения, согласно которому из принципа *res judicata* следуют два правовых эффекта: эффект преюдициальности, то есть запрет повторного установления ранее установленных фактов между теми же участниками процесса и эффект исключительности, то есть запрет тождественности исков⁴.

Стоит отметить, что за рубежом под принципом *res judicata* понимают два аспекта. Первый заключается в том, что проигравший истец не может повторно подать в другой суд на выигравшего ответчика по тому же спорному правоотношению. Второй аспект заключается в том, что выигравший истец не может повторно подать в суд на того же ответчика с целью получения дополнительных выгод⁵.

Подводя итог изложенному, считаем, что под принципом *res judicata* следует понимать судопроизводственный принцип, который в общих чертах выражается в определенности, законности и неопровержимости судебного решения, а в частности выражается во многих правовых конструкциях российского гражданского процесса, например, в недопущении повторного рассмотрения одного и того же спора, исполнимости судебного решения, окончательности решения, принятого судом.

Считаем, что правила преюдиции также можно отнести к правовым конструкциям отечественного гражданского судопроизводства, в которых находит воплощение принцип *res judicata*.

Правила преюдиции в гражданском процессе закреплены в статье 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁶ и заключаются в возникновении основания освобождения от доказывания, в случае если рассматриваемые обстоятельства ранее были установлены вступившим в законную силу решением суда, по другому делу, в котором участвуют те же лица.

Под преюдициальным судебным решением принято понимать такое вступившее в законную силу судебное решение, которое по отношению к текущему судебному процессу устанавливает факты и обстоятельства, не требующие дополнительной проверки.

Важнейшим условием применения правил преюдиции является наличие решения суда, которым установлены рассматриваемые факты и обстоятельства. При этом данное решение суда должно иметь отметку о вступлении в законную силу.

Таким образом, можно говорить о том, что возникновение преюдициальных фактов является следствием вынесенного судом и вступившим в законную силу решения, которым установлен этот преюдициальный факт. Следовательно, наделение тех или иных фактов и обстоятельств преюдициальным значением является неотъемлемым последствием принятого судом решения.

Правовая конструкция правил преюдиции во многом отвечает принципу *res judicata*. Адресованный суду и сторонам запрет на переоценку и опровержение обстоятельств и фактов, поскольку они уже установлены другим судебным решением, вступившим в законную силу, является ничем иным как воплощением определенности, законности и неопровержимости судебного решения, то есть отвечает принципу *res judicata*.

Принцип *res judicata* является важным элементом отечественного гражданского процесса, который гарантирует законность и справедливость судебных решений. Он позволяет достичь окончательности решений судов, исключает повторное рассмотрение дела и предотвращает нарушение прав сторон. Он также гарантирует, что соблюдаются процедурные правила и уважаются законы.

Литература

1. Алексеева Т. М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 31 с.
2. Анишина В. И., Назаренко Т. Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. №2. С. 40-47.
3. Цепкова Т. М., Борисов М. С. Соотношение законной силы судебного решения и принципа *res judicata* в свете постановлений европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 52–55.
4. Асосков А. В. Комментарий к Рекомендациям Ассоциации международного права о применении доктрин *lis pendes* и *res judicata* в отношении арбитража: основные положения и перспективы использования в российской практике // Международный коммерческий арбитраж. 2008. № 2. С. 83.
5. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/res_judicata.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 26.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

К. А. Гомзякова

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: А.В. Сятчихин

НАЛОГ ДЛЯ САМОЗАНЯТЫХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Проводится анализ налога для самозанятых лиц, проблемы разрешения в области налогообложения самозанятых. На основе проведенного исследования автор подчеркивает, что сегодня необходимо совершенствование законов в сфере налогообложения самозанятых.

Ключевые слова: налог, самозанятые, проблемы, совершенствование.

K. A. Gomzyakova

Student, Perm State University

Supervisor: A. V. Syatchikhin

TAX FOR SELF-EMPLOYED PERSONS: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

This article analyzes the tax for the self-employed, the problems and ways to solve them in the field of taxation of the self-employed. On the basis of the conducted research the author emphasizes that today it is necessary to improve the laws in the sphere of taxation of the self-engaged.

Keywords: tax, self-employed, problems, improvement.

Самозанятый – это человек, который работает сам на себя или продает товары собственного производства, не имея наемных работников с трудовыми договорами. Самозанятые занимаются профессиональной деятельностью, от которой получают доходы и платят государству налог с этих доходов.

Закон о самозанятых (Федеральный закон № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "налог на профессиональный доход"»)¹ вступил в силу с 1 января 2019 г. в нескольких регионах России, а с 1 июля 2020 г. его действие распространилось по всей территории страны.

Получить статус самозанятого может только физическое лицо, которое работает на территории России. Указанный налоговый режим используется в том числе при сдаче в аренду недвижимости².

Осенью 2020 года в России было около 1,2 млн зарегистрированных самозанятых, к октябрю 2022 года их число достигло 6 млн.³ По данным Федеральной налоговой службы (ФНС), самому молодому самозанятому 14 лет, а самому пожилому – 94. В среднем самозанятым в России 35 лет⁴. Согласно исследованию таких сервисов, как «hh.ru» и «YouDo Бизнес», среди компаний, работающих

с внештатным персоналом, 58 % привлекают самозанятых, 15 % сотрудничают с физлицами по гражданско-правовым договорам, остальные 27 % – «оформляют» тех и других в равной степени. Среди преимуществ работы с самозанятыми 53 % респондентов отмечают простоту массового найма, 47 % – оперативность выхода таких сотрудников, 39 % – скорость оформления документов, а 30 % – возможность закрывать «пробелы» в периоды пиковой нагрузки³.

Ежемесячно самозанятые платят налог на профессиональный доход (НДП) в следующих размерах:

- 4 %, если доход получен от физического лица;
- 6 %, если оплата поступила от юридического лица или индивидуального предпринимателя⁵.

Налоги уплачиваются в приложении «Мой налог», личном кабинете самозанятого на сайте ФНС или в приложении банка. Налог на профессиональный доход также можно внести через операторов электронных площадок, с которыми работает самозанятый. Например, «Яндекс.Такси», «1С», Wildberries, Delivery Club. Они сами передают информацию о доходах самозанятого в ФНС, если гражданин предоставляет им соответствующее разрешение. Налог рассчитывается автоматически ежемесячно.

Самозанятые могут заниматься любой деятельностью и оказывать любые услуги, если это не запрещено законом. Претендовать на статус самозанятого не могут люди, которые:

- занимаются добычей и реализацией полезных ископаемых;
- продают подакцизные товары и продукцию, которая подлежит обязательной маркировке (алкоголь, сигареты, кожу и меха, лекарства);
- перепродают чужие товары;
- нанимают работников с оформлением трудового договора;
- работают в интересах других лиц на основе договоров посредничества, комиссии или агентских договоров;
- ведут предпринимательскую деятельность, облагаемую НДФЛ;
- применяют другие специальные налоговые режимы (упрощенную систему налогообложения, патент и другие);
- работают госслужащими (кроме случаев, когда они сдают квартиру в аренду²).

По данным ФНС, самозанятые в России в основном работают таксистами, занимаются доставкой товаров, сдают квартиры в аренду, оказывают ремонтные и маркетинговые услуги, продают продукцию собственного производства¹.

Максимальный годовой доход самозанятого – 2,4 млн руб., в то время как лимит по доходам для ИП на упрощенной системе налогообложения – 219,2 млн в год, на патенте – до 60 млн руб. в год, на общей системе налогообложения – без ограничений.

Самозанятому также недоступен найм сотрудников, а ИП на УСН может иметь в штате до 130 работников, на патенте – до 15, на общей системе налогообложения – без ограничений.

Получить статус плательщика налога на профессиональный доход могут физические лица с 16 лет или с 14 лет, если у подростка есть разрешение родителей или он признан полностью дееспособным⁶.

Самозанятыми могут быть налоговые нерезиденты (граждане России, находящиеся за рубежом более 183 дней в течение года), которые продолжают работать с российскими заказчиками⁷.

Проблемы, связанные с данным налогом по прошествии нескольких лет с момента его введения:

1. В связи с нечеткостью определения категории самозанятых существуют проблемы и с подсчетом таких граждан.

2. В данном налоге, как было указано выше, очень низкие налоговые ставки, гораздо ниже, чем для ИП или ЮЛ, что может сократить налоговые поступления в бюджетную систему РФ.

Для решения проблемных моментов целесообразно предложить следующие рекомендации.

Необходимо законодательно закрепить категорию «самозанятых» граждан в нормативных актах. Это позволит разграничивать ИП и лиц, зарегистрированных в качестве самозанятых. Учитывая такую неблагоприятную перспективу, налоговые органы должны увеличить ставки, поскольку реальное положение дел может привести к кризису бюджетной системы РФ.

Институт самозанятости все же еще только встал на путь своего формирования, представляясь для правового регулирования категорией достаточно оригинальной и новой. Такой факт вселяет уверенность в том, что по большей части недоработки, вырисовывающиеся в данной сфере, будут в дальнейшем проработаны и устранены.

Литература

1. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (с изменениями и дополнениями): Федер. закон от 27 нояб. 2018 г. № 422-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. На что могут рассчитывать самозанятые? // Контур. Журнал. URL: <https://kontur.ru/articles/4818>.
3. *Габышев А. Н.* Налоги для самозанятых лиц: российский и зарубежный опыт. 2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Налоги для самозанятых: кого коснется и как будет работать закон // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/28794>
5. *Крылова О. В.* Налог на самозанятых. 2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. ФНС предлагает в течение года не взимать штрафы по налогу для самозанятых [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5815336>.
7. *Васильева Е. И.* Налог для самозанятых лиц: проблемы и пути их разрешения // Молодой ученый. 2019. № 38 (276). С. 16–18.

П. А. Горшкова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Д. А. Федяев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ НАГРУЗКИ НА АРБИТРАЖНЫЕ СУДЫ РФ

Рассматривается возможность использования искусственного интеллекта в арбитражном судопроизводстве. Поднимается вопрос о вынесении проекта приказа и решения суда искусственным интеллектом. Рассматривается зарубежный опыт использования искусственного интеллекта и нейросети в судах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, арбитражное судопроизводство, электронное правосудие, цифровизация судопроизводства

P. A. Gorshkova
Student, Perm State University
Supervisor: D. A. Fedyaev

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A WAY TO REDUCE THE BURDEN ON THE ARBITRATION COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper considers the possibility of using artificial intelligence in arbitration proceedings. The issue of making a draft order and a court decision by artificial intelligence is being raised. The foreign experience of using artificial intelligence and neural networks in courts is considered.

Keywords: artificial intelligence, neural network, arbitration proceedings, electronic justice, digitalization of legal proceedings

Активное внедрение искусственного интеллекта и нейросети в различные сферы деятельности человека является одним из злободневных вопросов современности. Постоянное совершенствование технологий позволяет упростить решение поставленных задач и сократить затраченное на их выполнение время. В доктрине возможность внедрения искусственного интеллекта в деятельность судов вызывает множество дискуссий. Центральной проблемой остается способность вынесения нейросетью судебных решений.

Целесообразно обратиться к уже накопленному зарубежному опыту. В КНР судьи в обязательном порядке при вынесении решения должны советоваться с искусственным интеллектом, при расхождении мнения судьи с решением, представленным искусственным интеллектом, необходимо обосновать свое несогласие. Система «Умный суд», путем анализа дел, выносит проекты решений, имеет доступ к информационным базам государственных органов, помогает в исполнении судебных решений (в частности, путем онлайн-аукционов)¹.

К числу аргументов против данной политики практикующие юристы и действующие судьи Китая относят усиливающиеся влияние и зависимость от технологий, возможность ошибки и сбоя в работе системы. Также отмечают, что данная система может лишить полностью осуществления правосудия квалифицированным судом.

В Казахстане планируется ввести пилотный проект «Цифровая аналитика судебной практики». В рамках данного проекта предполагается внедрение искусственного интеллекта в приказное производство. Суд будет проверять проект судебного приказа и санкционировать в случае своего согласия с ним². Ответственность за решения в любом случае будет нести судья, поэтому можно говорить лишь о значительном упрощении работы судьи, а не осуществлении правосудия искусственным интеллектом.

Одна из самых известных нейросетей (ChatGPT) была использована при вынесении решения в Колумбии. Судья обратился к чат-боту при вынесении решения о компенсации выплат. ChatGPT составил обоснованное и правильное решение по делу. Что вызвало общественный резонанс, а также подверглось критике со стороны юридического сообщества³.

В России также обсуждается возможность обращения к новым технологиям. В частности в Белгородской области реализуется пилотный проект, в котором искусственный интеллект помогает мировым судьям при вынесении судебного приказа по взысканию налоговых задолженностей. Искусственный интеллект используется лишь на трех участках мировых судей, аналогично проекту Казахстана, помогая при этом лишь в составлении проекта приказа, который проверяет и подписывает судья⁴.

В доктрине нет единого подхода к вопросу о возможности использования искусственного интеллекта в деятельности суда. Однако приводятся достаточно весомые аргументы против возможности вынесения решения искусственным интеллектом. В интернет-интервью генеральный директор Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации А. В. Гусев, комментируя данный вопрос, отмечает, что для искусственного интеллекта характерна формальная логика при оценке обстоятельств дела, он не сможет вникнуть в фабулу дела⁵.

Действительно, для решения сложных судебных дел необходимо прибегать к различным способам толкования закона, условий договора, а также учитывать реальную направленность воли сторон. На данный момент развития технологий осуществление искусственным интеллектом такого системного анализа дела невозможно.

Н. А. Никиташина отмечает, что искусственный интеллект не может просчитать человеческий фактор из-за его иррациональности⁶. Солидаризируясь с автором, отметим, что программа на текущем этапе развития вряд ли сможет определить возможный фактор злоупотребления стороной своими правами. На-

личие человеческого фактора при осуществлении правосудия является необходимым. В законодательстве нередко встречаются оценочные категории, правильно применить которые может только человек, исходя из всестороннего анализа фактических обстоятельств (например, «делка, совершенная с целью, противной основам правопорядка или нравственности», ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации⁷).

Обращаясь к действующему законодательству, надлежит отметить, что оценка доказательств, представляемых сторонами в арбитражном процессе, производится судом по своему внутреннему убеждению, на что особо ориентирует часть 1 статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)⁸. Искусственный интеллект не может оценить доказательства в полной мере, в которой требует от него действующие нормы закона. Отметим, что исследования, предоставленные Microsoft, подтвердили наличие способности GPT-4 оценивать поведение людей с психологической точки зрения⁹. Однако представленные исследования доказывают лишь возможные зачатки человеческого разума, которые могут оказаться иллюзорными. Наличие у искусственного интеллекта психологических способностей не может заменить внутреннее убеждение судьи, которое присуще исключительно человеку, по крайней мере, на данный момент.

Тем не менее, отсутствие человеческого фактора имеет положительные стороны. А. С. Соколкина отмечает, что у искусственного интеллекта нет чувств и эмоций, программа более беспристрастна при вынесении решений¹⁰. Трудно не согласиться с данным утверждением. Несмотря на необходимость судьи в силу закона и профессиональной этики быть объективным и беспристрастным, в принятом решении может сыграть субъективный, человеческий фактор, выразившийся в проявлении предвзятости. Е. П. Луценко дополняет, что искусственный интеллект имеет непредвзятое мнение, которое исключает коррупцию¹¹.

Нельзя исключать угрозы того, что искусственный интеллект самостоятельно предоставит доступ к информации неограниченному кругу лиц, путем размещения в сети Интернет или по запросу конкретного пользователя. Наиболее актуальным данный вопрос становится при рассмотрении дел связанных с коммерческой и государственной тайной. По нашему мнению, охраняемая законом информация, в целях обеспечения действующего ограниченного доступа, должна быть исключена из сферы действия информационных технологий.

А. С. Курочкин говорит о том, что компьютеры способны с успехом справиться с разрешением несложных и однотипных дел, в связи с этим искусственный интеллект способен стать альтернативой упрощенных форм судопроизводства¹². Очевидно, для целей приказного производства стоит рассмотреть способность вынесения нейросетью проекта судебного приказа. Одной из главных существенных характеристик приказного производства является бесспорный ха-

рактел дел. Развитие технологии искусственного интеллекта на сегодняшний день способно определить попадает ли заявленное требование под необходимую категорию, имеет ли бесспорный характер, соблюдение формальных требований, предъявляемых к заявлению о вынесении судебного приказа. За судьей необходимо оставить полномочие санкционирования проекта судебного постановления.

Следует также рассмотреть возможность использования искусственного интеллекта в упрощенном исковом производстве. Упрощенное производство представляет собой электронный документооборот между лицами, участвующими в деле. Категории дел, установленные частью 1 статьи 227 АПК РФ, не исключают спора о праве, а также могут требовать установления состава административного правонарушения, оценки действия должностных лиц. Думается, использование искусственного интеллекта в отдельных категориях дел упрощенного производства невозможно (в частности, в делах о привлечении к административной ответственности, оспаривании ненормативных правовых актов). Несмотря на это, стоит отметить способность вынесения искусственным интеллектом проекта решения в категориях дел, установленных пунктами 1 и 5 части 1 статьи 227 АПК РФ (по иску о взыскании денежных средств, обязательных платежей и санкций).

В иных категориях дел необходимо предоставить лицам, участвующим в деле право использовать искусственный интеллект самостоятельно, без предварительного санкционирования судом, путем использования нейросети на специально созданной федеральной платформе арбитражных судов. А именно, данное право следует предоставить истцу, ответчику, заявителю, заинтересованному лицу и третьему лицу с самостоятельными исковыми требованиями, так как им принадлежат распорядительные действия, влияющие на ход дела (в частности, отказ или признание иска, изменение его предмета и основания). В том числе перед предъявлением иска заявитель может проанализировать заявленные требования, а также возможный исход дела и судебные издержки. Кроме того, нейросеть способна составить перечень необходимых доказательств в суд по конкретному делу, что существенно упрощит деятельность представителей. В случае если в деле содержатся сведения, охраняемые федеральным законом, у суда должно быть право на стадии судебного разбирательства ограничить возможность обращения к искусственному интеллекту.

Стороны могут обратиться за помощью к искусственному интеллекту при разработке проекта мирового соглашения и урегулирования возникших разногласий. В 2019 году искусственный интеллект разрешил трехмесячный спор двух британцев менее чем за час¹³. Система проанализировала спор и аргументы сторон и предоставила тактику переговоров и вариант достижения соглашения. К. Л. Брановицкий, В. В. Ярков отмечают, что предиктивное правосудие может и должно служить интересам не только суда, но и прежде всего сторон¹⁴.

Резюмируя вышеизложенное, стоит обратить внимание на то, что для осуществления правосудия недостаточно буквального толкования закона и обобщения практики, одной из главных составляющих выступает человеческий фактор – принятия решения на основе внутреннего убеждения, в соответствии с совестью и справедливостью. На данный момент искусственный интеллект не может полностью заменить судью. В свою очередь, следует рассмотреть способность вынесения проекта судебного постановления нейросетью в приказном и упрощенном исковом производстве, а также в качестве помощника суду при вынесении решения по делу путем обобщения практики, составления проекта итогового документа и отдельных определений по делу (в частности, о принятии искового заявления, возвращении, отказе в принятии, о подготовке к судебному разбирательству, отложении дела и иные). Полагаем разумным, предоставить возможность обращения лицам, участвующим в деле к искусственному интеллекту в целях оценки перспективы заявленных требований и возможности примирения сторон.

Литература

1. South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Верховный суд Республики Казахстан. URL: <https://sud.kz/rus/news/provedeno-soveshchanie-po-vo-prosam-cifrovizacii-sudebnoy-sistemy-0> (дата обращения: 10.04.2023).
3. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/feb/03/colombia-judge-chatgpt-ruling> (дата обращения: 10.04.2023).
4. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210525/intellekt-1733789200.html> (дата обращения: 10.04.2023).
5. Интернет-интервью с А.В. Гусевым, Генеральным директором Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: «25 лет Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации: от прошлого к будущему». URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/gusev2023/> (дата обращения: 10.04.2023).
6. *Никиташина Н. А.* Искусственный интеллект в юриспруденции: миф или реальность? // Юридическая техника. 2021. № 15.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Российская газета. 1994. № 238-239.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Российская газета. 2002. № 137.
9. Cornell University: Sparks of Artificial General Intelligence: Early experiments with GPT-4. URL: <https://arxiv.org/abs/2303.12712> (дата обращения: 14.04.2023).
10. *Соколкина А. С.* Искусственный интеллект в арбитражном процессе // Молодой ученый. 2022. № 48 (443). С. 334–336.
11. *Луценко Е. П.* Применение искусственного интеллекта при осуществлении правосудия в России и за рубежом // Образование и право. 2022. № 6.
12. *Курочкин С. А.* Цифровые технологии и эффективность правосудия // Lex Russica. 2022. №10 (191).
13. Legal Futures: Robot mediator settles first ever court case. URL: <https://www.legalfutures.co.uk/latest-news/robot-mediator-settles-first-ever-court-case> (дата обращения: 14.04.2023).
14. *Брановицкий К. Л., Ярков В. В.* Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4.

П. А. Горшкова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Сятчихин

НЕДОСТАТКИ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Рассматриваются недостатки медиативного соглашения как результата процедуры медиации. Поднимается вопрос о применении положений Гражданского кодекса РФ в части недействительности сделок к медиативному соглашению. Рассматривается проблема принудительного исполнения медиативного соглашения, а также обсуждаются возможные пути решения проблем.

Ключевые слова: медиативное соглашение, медиация, неисполнение медиативного соглашения, медиатор

P. A. Gorshkova
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

DISADVANTAGES OF THE MEDIATION AGREEMENT

The paper examines the shortcomings of the mediation agreement as a result of the mediation procedure. The question of the application of the provisions of the Civil Code regarding the invalidity of transactions to a mediation agreement is raised. The problem of enforcement of a mediation agreement is considered, and possible ways of solving problems are discussed.

Keywords: meditative agreement, mediation, non-fulfillment of a mediation agreement, mediator

Медиация является одним из способов разрешения конфликта вне рамок судебного процесса. Положительным результатом проведения внесудебной процедуры медиации становится медиативное соглашение, представляющее собой гражданско-правовую сделку. Главным вопросом для сторон становится исполнение его условий. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ¹ регулирует лишь основы медиативного соглашения, предъявляя к нему требования об обязательной письменной форме, необходимости указания сведений о сторонах, предмете спора, проведенной процедуре медиации, медиаторе, а также согласованные сторонами обязательства, условия и сроки их выполнения. При этом закон не говорит о последствиях отсутствия предъявляемых требований. В силу этого, на медиативное соглашение, как на гражданско-правовую сделку, распространяются общие положения Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ»)². В случае нарушения простой письменной формы сделки,

стороны лишаются права ссылаться на свидетельские показания согласно пункту 1 статьи 169 ГК РФ. Если в медиативном соглашении будут отсутствовать существенные условия, которые предъявляет законодательство, медиативное соглашение будет считаться не заключенным.

Также при заключении медиативного соглашения необходимо учитывать распространение норм о недействительности сделок. В случае ничтожности или признания сделки оспоримой, медиативное соглашение не может быть исполнено принудительно, что повлечет негативные последствия для добросовестной стороны, а также сама примирительная процедура медиации лишится своей эффективности.

Одной из проблем может стать недобросовестность стороны. В такой ситуации лицо, злоупотребляя своими правами, выигрывает необходимое время, затягивая разбирательство спора. Поэтому существует необходимость распространения статьи 10 ГК РФ, а именно применения института злоупотребления правом на отношения, складывающиеся между сторонами.

Важную роль играет медиатор как лицо, регулирующее и сопровождающее процедуру, так как именно медиатор может создать порок воли для одной или нескольких сторон. Для предотвращения данной ситуации, стороны, а также медиатор, должны правильно осознавать предмет спора и все иные обстоятельства, необходимые для разрешения возникших разногласий.

В судебной практике к медиативному соглашению применяются общие положения о недействительных сделках. Примером может стать решение суда от 11 января 2021 г. по делу №А56-67268/2020, рассмотренное Арбитражным судом Санкт-Петербурга и Ленинградской области³. В ходе судебного разбирательства оспаривалось медиативное соглашение в связи с его подписанием неуполномоченным лицом. Так как решение о назначении генеральным директором ранее было признано ничтожным, арбитражный суд признал подписанное медиативное соглашение недействительным.

Таким образом, одним из недостатков медиативного соглашения является стандартная процедура оспаривания, признания недействительным, что обусловлено отсутствием конкретизации требований и способов признания недействительным и незаключенным соглашения, в силу чего происходит распространение общих положений гражданского законодательства о сделках. Недобросовестная сторона сможет использовать процедуру медиации и заключенное соглашение в качестве затягивания разрешения спора или избежания его разрешения. Также необходимо помнить о роли медиатора: заключению медиативного соглашения может способствовать и непрофессиональный медиатор, не являющийся специалистом в области гражданского законодательства.

Однако закон выделяет еще один вид медиативного соглашения – утвержденное судом медиативное соглашение. В процессе рассмотрения ходатайства

об утверждении медиативного соглашения в качестве мирового, суд обязан проверить законность медиативного соглашения, а также отсутствие нарушения прав других лиц. В данном случае судья выступает в качестве некоего «надзорного» органа. Проблемой является отсутствие возможности утверждения именно медиативного соглашения как основания для прекращения производства по делу. Ю. А. Попова в своей научной работе подчеркивает, что к содержанию медиативного соглашения не предъявляются требования, аналогичные требованиям к мировому соглашению⁴. Именно поэтому сторонам приходится подводить медиативное соглашение под рамки мирового соглашения, между которыми есть существенная разница.

Медиативное соглашение помимо сугубо правовых вопросов может включать в себя иные (неправовые) аспекты, в отличие от мирового соглашения. Медиативное соглашение может лишь косвенным образом быть связано со спорным правоотношением, поскольку урегулирование конфликта происходит под влиянием конкретных интересов сторон, зачастую выходящих за предмет первоначального спора⁵. Таким образом, заключенное сторонами соглашение во время судебного разбирательства ограничено пределами мирового соглашения.

Борисова Е. А. предлагает «протестировать» возможность обязательных предварительных встреч сторон с медиатором, проводимых на основании мотивированного определения суда⁶. Медиативное соглашение в таком случае может стать также альтернативой мирового соглашения, но будет стоять главный вопрос о нарушении принципа добровольности процедуры медиации.

Помимо суда утвердить медиативное соглашение может нотариус, в силу чего соглашение приобретает статус исполнительного документа. Для его утверждения одним из главных требований является профессиональный статус медиатора, а также его обязательное присутствие согласно статье 59.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате⁷. Стороны при выборе медиатора могут не знать об этом требовании, а также обязательное присутствие медиатора при утверждении может стать затруднительным. В свою очередь, П. В. Чистякова говорит о необходимости выработки правил для утверждения медиативного соглашения, в том числе определения формы удостоверительной надписи, предусмотренная размера нотариального тарифа⁸. Отсутствие же единых требований затрудняет возможность реализации единообразного порядка.

В случае утверждения медиативного соглашения в качестве исполнительного документа снова встает вопрос о возможности принудительного исполнения положений, которые могут нести в себе неправовой характер, так как исполнительное производство не может охватывать все сферы общественной жизни. Данные ситуации могут касаться личных неимущественных прав. Например, стороны могут включить в соглашение обязательство не подавать иск в суд, что су-

щественно ограничивает право на судебную защиту и не может быть исполнено принудительно, так как прямо противоречит действующему законодательству.

Примером отказа в принудительном исполнении медиативного соглашения является Постановление от 24 декабря 2018 г. по делу №А33-4382/2018, вынесенное Арбитражным судом Восточно-Сибирского округа (ФАС ВСО)⁹. Кассационная жалоба была оставлена без удовлетворения, судом был отмечен добровольный характер исполнения медиативного соглашения, а также то, что стороны медиативного соглашения не предусмотрели условие, в силу которого заключение договора становится обязательным применительно к статье 445 ГК РФ.

Медиативное соглашение признается в качестве сделки, на которую распространяется гражданско-правовая ответственность, например, взыскание неустойки, возмещение убытков в случае неисполнения обязанности, возложенной медиативным соглашением, тем не менее распространение института гражданско-правовой ответственности может нарушать принцип добровольности исполнения медиативного соглашения. Вместе с тем включение в текст медиативного соглашения поощрительных норм в случае исполнения обязанностей сторонами является стимулирующим механизмом для добровольного исполнения медиативного соглашения, и в тоже время не противоречит его природе. В таком случае отсутствует необходимость применения гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательств по медиативному соглашению.

Таким образом, медиативное соглашение обладает одной из ключевых особенностей – добровольностью исполнения. В силу чего, стороны редко обращаются к процедуре медиации. На данный момент в обществе присутствует необходимость в механизмах принудительного исполнения, прежде всего это связано с общественным сознанием. Данные условия затрудняют развитие медиации и реализацию основных задач по снятию нагрузки с судебной системы и быстрое разрешение возникших разногласий. С другой стороны, признание за медиативным соглашением автоматической силы исполнительного документа будет являться противоречащим самой природе медиативного соглашения.

Для устранения недостатков медиативного соглашения будет эффективным введение специальных правил о признании их недействительными. Идея наличия исключительно профессиональных медиаторов ограничит сторон в выборе посредника и может способствовать уменьшению обращения к самой процедуре медиации. Признание факта заключения медиативного соглашения в качестве основания для прекращения производства по делу в гражданском и арбитражном судопроизводстве наряду с мировым соглашением увеличит роль самой процедуры медиации, однако необходимо учитывать возможность включения неправовых аспектов в медиативное соглашение, а значит невозможность их принудительного исполнения. Медиацию следует рассматривать как институт развитого гражданского общества, в связи с этим, государственное регулирова-

ние данного вопроса должна сводиться к минимуму. Развитие института должно строиться на саморегулировании медиации, для этого необходимо формирование соответствующего уровня правосознания, которое может вызвать «спрос» самой процедуры для сохранения деловых отношений между контрагентами, авторитета компании, гармонизации общественных отношений.

Литература

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 2010. № 168.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022, с изм. от 01.09.2022) // Российская газета 1994. № 238-239.
3. Решение Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 11 янв. 2021 г. по делу №А56-67268/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. *Попова Ю. А.* Судебная медиация как резерв снижения судебной нагрузки: проблемы теории и практики // Судья. 2018. № 8. С. 10–12.
5. *Голубцов В. Г., Сятчихин А. В.* Медиативное соглашение: правовая природа, форма, вопросы обеспечения исполнения // Актуальные проблемы гражданского права: сб. научных трудов. Минск, 2014. № 1(4). С. 75-86.
6. *Борисова Е. А.* Развитие российской медиации: торопиться не надо // Российская юстиция. 2021. № 10.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 №4462-1), (ред. от 14.07.2022, с изм. от 29.09.2022) // Российская газета. 1993. № 49.
8. *Чистякова П. В.* Медиативное соглашение и его исполнение (стр. 39–44) «Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах»: сборник научных статей международной научно-практической конференции 19–20 апреля 2018 года. Ростов-н/Д.: ИП Беспамятов С. В., 2018. 102 с.
9. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа (ФАС ВСО) от 24 дек. 2018 г. по делу №А33-4382/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ИСКА, В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В работе отмечены недостатки содержания статьи 146 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, которая предусматривает такое средство судебной защиты, как возмещение убытков, причиненных обеспечением иска. Проведенный анализ законодательного регулирования данного процессуального института в гражданском и арбитражном судопроизводстве свидетельствует о необходимости устранения имеющихся проблемных аспектов, содержащихся в статье 146 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: обеспечение иска, возмещение убытков, причиненных обеспечением иска, статья 146 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

K. M. Goryunov
Postgraduate student, National Research University
Higher School of Economics (Moscow)

PROBLEMATIC ASPECTS OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE INSTITUTE OF RECOVERY OF DAMAGES DUE TO INTERIM MEASURES IN CIVIL PROCEEDINGS

This paper notes the shortcomings in the content of article 146 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation, which provides for such a remedy as recovery of damages due to interim measures. The analysis of the legislative regulation of this procedural institute in civil and commercial proceedings shows the need to eliminate the existing problematic aspects contained in article 146 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation.

Keywords: interim measures, recovery of damages due to interim measures, article 146 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation.

В гражданском судопроизводстве наблюдается снижение рассматриваемых судами общей юрисдикции субъектов Российской Федерации по первой инстанции исков о возмещении убытков, причиненных обеспечением иска (далее – возмещение убытков). Так, например, за 2021 год¹ судами общей юрисдикции субъектов Российской Федерации по первой инстанции рассмотрено 669 требований, основанных на статье 146 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), в то время как за 2022 г.² суды общей юрисдикции субъектов Российской Федерации по первой инстанции рассмотрели 283 исковых заявлений о возмещении убытков.

В качестве факторов, повлиявших на вышеуказанную судебную статистику, могут быть приведены различные обстоятельства, но в рамках данной работы будет рассмотрено законодательное регулирование института возмещения убытков, которое не позволяет в полной мере применять данное средство судебной защиты. В научных публикациях также отмечают изъяны действующей редакции статьи 146 ГПК РФ. В частности, А. А. Селькова в кандидатской диссертации указала следующее: «Если обратиться к норме ст. 146 ГПК РФ, то можно отметить ее явно фрагментарный и недостаточный характер в части регламентации порядка реализации права на возмещение ущерба от примененных обеспечительных мер»³.

В соответствии со статьей 146 ГПК РФ «ответчик после вступления в законную силу решения суда, которым в иске отказано, вправе предъявить к истцу иск о возмещении убытков, причиненных ему мерами по обеспечению иска, принятыми по просьбе истца»⁴. Анализ данной нормы ГПК РФ позволяет выделить несколько недостатков:

а) статьей 146 ГПК РФ не урегулирована возможность подачи искового заявления о возмещении убытков в случаях оставления иска без рассмотрения по основаниям, закрепленным абзацами вторым и пятым статьи 222 ГПК РФ (далее – оставление иска без рассмотрения), и прекращения производства по делу по основаниям, установленным абзацами третьим, четвертым и шестым статьи 220 ГПК РФ (далее – прекращение производства по делу). Вместе с тем в арбитражном судопроизводстве, наоборот, средства судебной защиты, предусмотренные статьей 98 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), допускается применять не только «после вступления в законную силу судебного акта арбитражного суда об отказе в удовлетворении иска»⁵, но и в случаях «оставления иска без рассмотрения по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части 1 статьи 148 АПК РФ, а также в случаях прекращения производства по делу по основаниям, предусмотренным пунктами 2–4 части 1 статьи 150 АПК РФ»;

б) в статье 146 ГПК РФ не указано, в соответствии с каким порядком и в каком размере должны возмещаться убытки. В АПК РФ, напротив, есть указание, что убытки возмещаются «в порядке и в размере, которые предусмотрены гражданским законодательством»;

в) обозначенный в статье 146 ГПК РФ круг лиц, которые могут воспользоваться иском о возмещении убытков и к которым он может быть предъявлен, не синхронизирован с иными положениями ГПК РФ. Так, согласно статье 146 ГПК РФ требование о возмещении убытков вправе заявить только ответчик и только в отношении истца. При этом в силу статьи 139 ГПК РФ «По заявлению лиц, участвующих в деле, судья или суд может принять меры по обеспечению иска». Кроме того, из содержания статьи 140 ГПК РФ следует, что меры по обеспечению иска

могут быть адресованы не только к ответчику, но и другим лицам: «наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него *или других лиц*»; «запрещение *другим лицам* совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства». Статьей 146 ГПК РФ также не определено, к какому лицу необходимо предъявлять требования о возмещении убытков в случае, когда ходатайство о принятии мер по обеспечению иска подавалось прокурором, органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями или гражданами в защиту неопределенного круга лиц.

В заключении полагаем необходимым отметить, во-первых, общую необходимость приведения статьи 146 ГПК РФ к единообразию не только с иными положениями ГПК РФ, но и с нормами статьи 98 АПК РФ. Во-вторых, в статью 146 ГПК РФ необходимо внести уточнение, согласно которому требование о возмещении убытков может быть заявлено также в случаях оставления иска без рассмотрения и прекращения производства по делу. В-третьих, считаем важным скорректировать круг лиц, которые вправе предъявлять требования о возмещении убытков и к которым они могут быть заявлены.

Литература

1. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 05.05.2023).
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2022 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 05.05.2023).
3. Селькова А. А. Институт обеспечительных мер в процессуальном законодательстве России и Англии: сравнительно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 88. 240 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Российская газета. 2002. № 220.
5. Часть 1 статьи 98 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // Российская газета. 2002. № 137.

Е. С. Грачев
Магистрант, ПГНИУ
Научный руководитель: Р. В. Чикулаев

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ АКЦИЙ

Через призму исторического формирования и изменения формы закрепления и удостоверения прав и обязанностей по акциям, через определения признаков акции и сопоставления их с формой фиксации, автор анализирует правовую природу исследуемой ценной бумаги, приходя к выводу о неизменности правовой природы в зависимости от формы фиксации прав и обязанностей.

Ключевые слова: ценная бумага, документарная акция, бездокументарная акция, цифровая акция, ЦФА.

E. S. Grachev
Master's Student, Perm State University
Supervisor: R. V. Chikulaev

THE LEGAL NATURE OF DIGITAL SHARES

Through the prism of the historical formation and changes in the form of consolidation and certification of rights and obligations on shares, through the definition of the signs of the shares and their comparison with the form of fixation, the author analyzes the legal nature of the security under study, coming to the conclusion that the legal nature is unchanged depending on the form of fixation of rights and obligations.

Keywords: security, documentary action, non-documentary action, digital action, CFA.

При определении сути такого или иного правового явления, в первую очередь, следует исследовать причины его возникновения и историю его формирования.

Акция как ценная бумага обрела свои перманентные признаки, правовую природу и, в конце концов, сформировалась в классическом виде в Западной Европе. Среди правоведов есть разные точки зрения о появлении первых акционерных обществ и акций как единиц, образующих уставный капитал. Ученые определяют разные моменты возникновения первых акционерных обществ и акций, однако, можно сказать, что большинство указывают на период с конца позднего Средневековья до времени окончания Ренессанса в западноевропейской историографии. Географическую территорию возникновения определяют либо южной Францией (исторические регионы Прованс, Дофине, Лангедок), либо северной Италией (исторические регионы Лигурия, Пьемонт, Венеция и др.). Так, П. А. Писемский пишет, что первое акционерное общество появилось в

1407 году в Генуэзской республике – banca di San Giorgio (Банк Сан-Джорджо)¹ Банк был основан объединением менял (лица, занимающиеся разменом или обменом монет (денег)) для обслуживания государственного долга Республики Генуя. Уставный капитал был разделен на доли (лоса, что дословно с итальянского языка значит «помещать»), которые обладали оборотоспособностью, имели денежную оценку, подтверждали право участия в делах корпорации, между всеми акционерами банка. Соответственно эти доли и являлись акциями.

Позже уже в эпоху Великих географических открытий и Колониализма в западноевропейской историографии акционерные общества как форма объединения капитала стала применяться при осуществлении торговли, при освоении завоеванных или колонизируемых территорий Америки, Индии и др. различными странами – Англия, Франция, Нидерланды. Такие компании назывались Ост-Индские или Вест-индские торговые компании.

Поэтому можно сказать, что акционерные общества появились и были необходимы для объединения капиталов в целях достижения крупных экономических целей, в частности для извлечения прибыли из какой-либо совместной деятельности. Акционерные общества, в первую очередь, представляют объединения капиталов, а не физических лиц, как при товариществе. Акция же выступает неким символом отношения акционера к акционерному обществу. Что акционер помещает (лоса) свой капитал и участвует в объединении капиталов с другими акционерами для реализации крупных общих проектов, которые он один осуществить бы не смог. А также, что акционер, поскольку вкладывает свой капитал в общее дело, имеет возможность участвовать в деятельности общества: в управлении, в получении части прибыли и др. Поэтому акция – это всегда именная ценная бумага, удостоверяющая возможность участия в деятельности общества. Она подтверждает наличие прав и обязанностей у конкретного ее владельца по отношению к обществу. Ценной она и является благодаря своей корпоративной правовой природе.

Как не трудно догадаться, изначальная форма акций, да и вообще всех ценных бумаг, документарная, т.е. акция собой представляла документ, по существу, бумагу. Соответственно документ выступал формой фиксации прав и обязанностей. Документ легитимировал своего владельца. Поэтому Н. О. Нерсесов указывает на неразрывную связь документа и фиксируемых им прав². На тесную связь правомочий и материального носителя указывает и А. Ф. Федоров³. Г. Ф. Шершеневич, приходит к выводу, что акция предоставляет право на участие в предприятии (компании)⁴.

Во второй половине прошлого века в силу развития экономики и появления все большего числа акционерных обществ, акции которых обращались на органи-

зованных торгах, происходит увеличение объемов биржевой торговли, поэтому для удобства обращения стали применять бездокументарную форму ценных бумаг.

По бездокументарным акциям права и обязанности акционера легитимирует не документ, а запись в централизованном электронном реестре, который ведет либо само акционерное общество, либо профессиональный участник гражданского оборота, например, депозитарий. Т.е. в данном случае акция фактически уже представляет не документ, а запись. Запись эта представляет цифробуквенный код, при этом код присваивается не отдельной непосредственной акции эмитента, а всем акциям в рамках одного их выпуска. Так, идентификатором (записью) может выступать код ISIN (например, для акций ПАО «Пермская энергосбытовая компания» – RU000A0ET123), либо государственный регистрационный номер выпуска (для ПАО «Пермская энергосбытовая компания» – 1-01-55084-Е)⁵. Как отмечают некоторые правоведы, с помощью бездокументарной формы происходит изменение способа легитимации прав и обязанностей⁶.

Таким образом, несмотря на применение новой формы удостоверения и закрепления прав, бездокументарный способ легитимации не меняет правовой природы акции. Она остается корпоративной ценной бумагой. Суть та же.

Появление цифровой формы акций обусловлено процессами цифровизации экономических отношений, в том числе развитием технологий финансового и фондового рынков.

На основании Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (далее по тексту – Закон о ЦФА) цифровой финансовый актив (далее по тексту – ЦФА) может удостоверить права по эмиссионным ценным бумагам, в том числе и по акциям⁷. При этом, исходя из статей 12–13 Закона о ЦФА акции могут быть выпущены в бездокументарной форме, а затем такая акция будет выступать базовым активом, на который будет выпущен ЦФА, удостоверяющий бездокументарную акцию в цифровой среде. Одновременно с этим, акции непубличных акционерных обществ могут быть сразу выпущены в цифровой форме, минуя выпуск базового актива. Вместе с тем, одновременная эмиссия цифровых акций и акций в бездокументарной форме законом запрещена, т.е. либо общество выпускает акции в виде ЦФА, либо в бездокументарной форме, а затем такие акции цифровизирует (токенизирует), выпуская на них ЦФА.

Сам же ЦФА представляет цифробуквенный код, как и бездокументарная ценная бумага, но отличие в том, что такой код создается с помощью криптографии и технологий распределенных (децентрализованных) реестров. Соответственно, держателем ЦФА может быть конкретный его обладатель, а не лицо,

осуществляющее централизованное хранение. Тем самым исключается посредник. Т.е. запись (цифровая акция) может находиться непосредственно у лица, которому она принадлежит, на каком либо носителе – USB, персональный компьютер, облачное хранилище и проч. Поэтому сама запись может закреплять наличие прав у обладателя ЦФА, а не централизованный реестр, с помощью кода этой записи или цепочки последовательных кодов. Поэтому ЦФА выступает еще одним способом фиксации прав и обязанностей по акциям. И поэтому, думается, что уместно использовать термин «цифровая акция», как и термины «документарная акция» и «бездокументарная акция», указывая именно на способ закрепления прав и обязанностей.

Выделим признаки акции:

1) Акция – это своеобразный титул, фиксирующий факт отношения акционера к акционерному обществу, подтверждающий наличие у акционера своеобразного комплекса специфических прав. Как верно подмечает Р. В. Чикулаев: «инструментарные права акционера приобретают характер особого рода прав – корпоративных»⁸.

2) Акция является единицей, формирующей уставный капитал акционерного общества. При этом общество не отвечает по долгам акционеров, а акционеры несут риск убытков только в пределах стоимости принадлежащих им акций, т.е. не отвечают по долгам общества;

3) Бессрочность. Акция, как правило, является бессрочной ценной бумагой и, по общему, правилу не имеет ограничений по сроку существования;

4) Специфика эмитента. Акции выпускаются только акционерными обществами;

5) Оборотоспособность;

6) Акция – это именная ценная бумага. Принадлежность ее конкретному лицу фиксируется. Фиксация может происходить с помощью книги записей, централизованного реестра или самого кода (записи).

Выделяя и сопоставляя признаки акции с вариантом закрепления прав, видим, что все признаки присущи акции независимо от способа фиксации прав.

Таким образом, рассмотрев историю формирования акций, возникло исследуемое правовое явление по экономическим причинам – путем объединения капиталов субъектов в целях достижения общих крупных экономических целей и для извлечения прибыли из какой-либо совместной деятельности. Способ фиксации прав и обязанностей не влияет на правовую природу акций, хоть оба элемента имеют тесную связь друг с другом, поэтому документарная, бездокументарная или цифровая форма, суть акции неизменна – корпоративная правовая природа.

Литература

1. *Писемский П. А.* Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М.: Тип. Грачева и Ко., 1876. С. 7.
2. *Нерсесов Н. О.* О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права. Историко-догматическое исследование. М.: Университетская типография, 1889. С. 4.
3. *Федоров А. Ф.* Торговое право. Одесса: Тип. Е. Хрисогелос, 1911. С. 568.
4. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права. Издание девятое (второе посмертное). М.: Тип. Московское издательство, 1919. С. 145.
5. Московская биржа. ПАО «Пермская энергосбытовая компания». URL: <https://www.moex.com/ru/issue.aspx?board=TQBR&code=PMSB> (дата обращения: 07.05.2023).
6. *Лубягина Д. В., Абузярова Н. А.* Правовая природа бездокументарной ценной бумаги // *Russian Journal of Economics and Law*. 2007. № 2. С. 95.
7. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (ред. от 14.07.2022): Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // *Российская газета*. 2020. № 173.
8. *Чикулаев Р. В.* Правовая природа акции как финансового инструмента // *Ex jure*. 2020. № 3. С. 103.

И. В. Данильцева
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Е. В. Любимова

ИСК КАК СРЕДСТВО СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Исследуются вопросы иска как средства судебной защиты прав и законных интересов истца. Рассматриваются взгляды ученых-процессуалистов по определению понятия иска, элементов иска и их количества. В статье выявляются актуальные проблемы иска и его законодательного закрепления.

Ключевые слова: иск, элементы иска, требование истца, процессуальное средство защиты прав и законных интересов, индивидуализация иска.

I. V. Daniltseva
Student, Perm State University
Supervisor: E. V. Lyubimova

ACTION AS A REMEDY IN CIVIL PROCEEDINGS

The article examines the issues of the lawsuit as a means of judicial protection of the rights and legitimate interests of the plaintiff. The views of scientists-processualists on the definition of the concept of a claim, the elements of a claim and their number are considered. The article reveals the current problems of the claim and its legislative consolidation.

Keywords: claim, elements of claim, plaintiff's claim, procedural means of protection of rights and legitimate interests, individualization of claim.

Исковое производство является основным видом гражданского судопроизводства, которое регулируется нормами гражданского процессуального права и заключается в деятельности суда по разрешению частноправовых споров. В исковом производстве процессуальным средством защиты прав, свобод и законных интересов выступает иск. В правовой доктрине учение об иске является одним из фундаментальных и вызывает дискуссию среди многих ученых.

Несмотря на то что понятие «иск» является основополагающим как в теории, так и на практике, активно изменяющееся и функционирующее гражданское процессуальное законодательство не содержит правового определения иска.

Если обратиться к научным определениям термина «иск» можно отметить советских ученых, которые разделили свои позиции по определению рассматриваемого понятия. Так, известные ученые как: А. Т. Боннер, М. С. Шакарян, М. А. Гурвич, И. М. Пятилетов выделяли две стороны иска: материально-правовую и процессуальную.

Иную позицию, имеющую, на наш взгляд, внутренние противоречия высказали В. А. Мусина и Г. Л. Осокина¹, подход указанных авторов является основополагающим в наши дни.

Рассматривая проблематику иска, стоит выделить соотношение искового заявления и иска. По мнению Г. Л. Осокиной, исковое заявление (форма) – статичный элемент в отличие от иска (содержания), который обладает динамичным характером². Исковое заявление определяется как внешнее оформление обращения в суд истца, а иск – как средство защиты спорного права, которое не может ограничиваться лишь оформлением. Существование формы и содержания иска обособленно друг от друга невозможно, поскольку исковое заявление представляет собой процессуальную оболочку иска как материально-правового притязания.

Большое научное и практическое значение имеют элементы иска, которые помогают индивидуализировать и конкретизировать иски, определить предмет доказывания по делу, а также служить ориентиром суду для дальнейшего исследования дела.

В гражданском процессуальном праве существует несколько точек зрения о том, какие выделяются элементы иска. Одни ученые утверждают, что существуют элементы иска: предмет, основание, содержание (А. А. Власов³, В. В. Ярков⁴), другие склонны утверждать о существовании элементов иска: предмет, основание и стороны (Г. Л. Осокина). Однако единого и легального закрепления в законодательстве элементов иска нет.

В теории процессуального права под элементами иска понимаются такие его части, которые определяют сущность иска, требование о защите нарушенного права или охраняемого законом интереса истца. Предметом является конкретное требование истца (о возмещении ущерба, о признании права авторства). Правом определения предмета иска обладает исключительно истец. Поэтому правильное определение предмета иска влияет, в том числе, на дальнейшее исполнение судебного акта, поскольку некорректные либо неправильно сформулированные требования истца могут в дальнейшем не позволить принудительно исполнить судебный акт.

Основанием иска признаются те юридические факты, которые обосновывают требования о защите нарушенных прав и интересов истца. При этом в основании иска необходимо наличие двух аспектов: юридического (законность и обоснованность оспариваемого ответчиком права, принадлежит ли это право истцу) и фактического (юридические факты, с которыми истец связывает возникновение, изменение и (или) прекращение гражданских прав и обязанностей). Обстоятельства, на которых будут основываться требования истца, играют важную роль на протяжении всего судебного разбирательства.

Третьим элементом иска является содержание, которое вызывает критику на страницах научной литературы. Под ним понимается способ судебной защиты, за которым истец обращается в суд, который выражается в просительной части заявления с указанием формы защиты, испрашиваемой у суда. Содержание иска, которое придает двигательную силу требованию истца, непосредственно связывает и объединяет остальные его элементы, образуя иск в целом.

Значение элементов иска состоит в том, что каждый из них необходим для индивидуализации иска, а также для определения его тождества; решения вопроса об изменении иска в процессе судебного разбирательства (предмета, основания, размера исковых требований); определения предмета доказывания по делу и его правовое обоснование; определения состава участвующих в процессе лиц.

В связи с изложенным, следует отметить, что важно выработать в гражданском процессуальном законодательстве правовое определение иска как содержания требований истца и единообразный подход к определению элементов иска в целях достижения законодательной определенности при индивидуализации иска и минимизации негативных последствий для сторон.

Литература

1. *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 704.
2. *Осокина Г. Л.* Иск (теория и практика). М.: Городец, 2000. 192 с.
3. *Власов А. А.* Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 69–79.
4. *Ярков В. В.* Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений. Уральский гос. юрид. ун-т; 11-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. – 721 с.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Рассматриваются вопросы, связанные с развитием и становлением предпринимательства как исторического явления в России.

Ключевые слова: предпринимательство, право, история, периоды, экономическая деятельность.

K. V. Dyatlov
Student, Perm State University

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF BUSINESS ACTIVITIES IN RUSSIAN LAW

The article deals with issues related to the development and establishment of entrepreneurship as a historical phenomenon in Russia.

Keywords: entrepreneurship, law, history, periods, economic activity.

Историю развития права осуществлять хозяйственную деятельность принято подразделять на 3 основных этапа:

1. **Дореволюционный**, который включает в себя период с формирования государственности в Древней Руси (IX в.) и заканчивается октябрьской революцией 1917 года. При этом ряд исследователей считают необходимым выделять два основных периода: *Древнерусский* (до преобразований и реформ Петра I) и *имперский*, который заканчивался октябрьской революцией¹. Кто-то не согласен с таким подходом и считает необходимым выделить три основных периода: *Древнерусский* (до конца XVII в.), который определяется как зарождение предпринимательства, *Петровские реформы* (XVII–XVIII вв.), именуемый развитием предпринимательства и *период XIX – начала XX в.*, который считается с точки зрения исследователей, рассветом производства². Более обоснованным, с точки зрения автора, является подход первого исследователя с выделением двух основных периодов. Это связано с тем, что предпринимательская деятельность, получившая развитие при Петре I также, и продолжила свое развитие в последующее время до наступления событий октября 1917 года и разделять этот период на два самостоятельных этапа нецелесообразно.

В целом, этот этап характеризуется становлением предпринимательской деятельности. *Древнерусский этап*: изначально (на рубеже IX–XI вв.), главным образом, развивалось торговое право. Его развитие было связано с расположением Древней Руси вдоль торгового пути «из варяг в греки». Для этого времени характерно наличие влияния более «сильного» соседа – Византии. Первые нормы торгового права содержались в международных договорах Древней Руси и Византии (907, 911, 941 и 971 годы), а в последствии частично переключались в Русскую правду (первый кодифицированный правовой акт на Руси, который фактически являлся писанным обычаем), принятие которого датируется 1016 годом. Однако в этот период нормы торгового права не отделялись от норм гражданского права. Такими нормами, с точки зрения автора, являются нормы о порядке заключения сделок, а также по взысканию задолженностей по ним, в том числе и по торговым сделкам.

В последующем акты, которые регулировали торговую деятельность, содержались в Новгородской судной грамоте (принятой в 1440 г. и дополненной в 1471 г.), Псковской судной грамоте (1467), судебнике Ивана III (1497), судебнике Ивана IV (1550), в Соборном уложении (1649).

В этот же период получило развитие *магдебургское право*, которое существенно повлияло на развитие правового регулирования торговой деятельности в России. Магдебургское право содержало в том числе нормы, регулирующие отношения по местному самоуправлению, установлению налоговых льгот для городов и торгового права. Хотя и в отечественной литературе не всегда указывают на влияние норм магдебургского права, тем не менее некоторые исследователи констатируют факт его влияния на российское законодательство того времени. Ряд исследователей, в частности Г. Л. Знаменский, отражают существенность влияния уже в XIV на развитие российского права³. Другие исследователи полагают, что влияние было на более позднем этапе, т.е. во времена Петра I⁴.

Апогей развития древнерусского торгового права приходится на период правления Алексея Михайловича, когда были приняты торговый (1653) и новоторговый уставы (1667 год), которые фактически являлись кодифицированными актами торгового права. Было закреплено регулирование как внешне торговой, так и внутренне торговой деятельности, установлено положение о таможенной службе.

Петровские преобразования, которые положили начало второму периоду дореволюционного этапа – *имперский период*. Важным моментом, с точки зрения автора, является указ Сената от 1711 года, которым осуществлять торговую деятельность уполномочивались любые лица. Кроме того, XVIII век ознаменовался принятием правовых актов, регулирующих отдельные вопросы торгово-хозяйственной деятельности, в частности, были приняты Морской устав (1720),

Вексельный устав (1729), Устав о банкротах (1740), Таможенный устав (1755), Устав о купеческом водоходстве (1781), Цеховой устав (1799)⁵.

В 1782 году манифестом «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» устанавливалась монополия права собственности государства на недра. Манифестом от 1 января 1807 г. фактически закреплялись различные организационно – правовые формы: полное товарищество, товарищество на вере и товарищество по участникам (де-факто, модель акционерного общества).

С начала XIX века, а именно с принятия Указа от 28 декабря 1818 г., которым крестьяне управомочивались на учреждение фабрик, получило развитие мануфактурное (фабричное) право. В рамках регулирования торгово-хозяйственной деятельности приняты: Устав о векселях (1832), Устав о торговой несостоятельности (1832) и Положение о компаниях на акциях (1836), затем принимаются Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов (1865), Устав ремесленный (1879) и Закон о товарных знаках (1896).

Кроме того, в этот период принимаются немаловажные акты, такие, как Общий устав российских железных дорог (1885), Устав о промышленности (1893), Горный устав (1897) и прочие. Но ключевую роль сыграло принятие торгового устава в 1903 году, который состоял из 3 книг: 1) об обязательствах и договорах; 2) о морской торговле (о морских судах, аварии, о порядке помощи при крушении и т.п.); 3) торговые установления.

Как итог, торговое право рассматривалось как система законодательства норм о торговле, а также как часть гражданского права, поскольку специфика норм торгового права обуславливала их специальный характер по отношению к общим гражданско-правовым нормам.

2. Советский этап. Советский период имел не только отрицательные последствия для предпринимательства, но и положительные моменты, поскольку именно в это время получило развитие государственное регулирование предпринимательской деятельности. Советский период включал в себя следующие периоды:

Военный коммунизм (революционные годы). В этот период важнейшими актами, с точки зрения исследователя являются Декреты от 27 июля 1918 г. СНК РСФСР «О торговых книгах», «О порядке перехода по частным сделкам торговых и промышленных предприятий и преобразования предприятия (Правила)», «О регистрации торговых и промышленных предприятий (Положение)», постановление СНК от 25 ноября 1917 г. «О монопольном распоряжении государства сельскохозяйственными машинами и орудиями», Декрет ВЦИК от 14 декабря 1917 г. «О национализации банков», Декрет СНК от 8 февраля 1918 г. «О национализации торгового флота», 22 апреля 1918 г. Декрет «О национализации внешней торговли» и другие.

Новая экономическая политика (НЭП) (1921–1929 гг.) характеризуется принятием следующих актов: ГК РСФСР 1922 года, постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 13 августа 1928 г. «Об утверждении Положения о промышленных объединениях (промкомбинатах) низового подчинения, действующих на началах коммерческого расчета». Отдельные отрасли народного хозяйства регулируются соответствующими актами, например, постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 22 августа 1924 г. «О сельскохозяйственной кооперации», от 13 февраля 1929 г. «О системе сельскохозяйственного кредита» и других. Идет послабление государственного влияния на хозяйствующие субъекты. Развитие частной инициативы с целью восстановления народного хозяйства.

В *Сталинские годы* идут процессы коллективизации, которые имели закрепление в ряде правовых актов: постановления ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В военный период развития регулирования хозяйственной деятельности не было, характеризуется активной ролью государства в управлении промышленностью.

Хрущевская оттепель и период застоя. Данный этап характеризуется ослаблением государственного влияния на промышленность. Устанавливает лишь пятилетний план с обязательным заданием, а в остальном, поручается свобода предприятий по выбору производства. Важнейшие акты этого периода: Закон СССР от 10 мая 1957 г. «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», Постановление Совмина СССР от 4 октября 1965 г. № 731, постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 25 июня 1975 г. № 558 «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства». Конституцией РСФСР 1978 г. закрепляется защита всех форм собственности.

Перестройка и распад СССР. Отмечались «шаги» законодателя к демократизации народного хозяйства, что подтверждается принятием Закона СССР от 30.06.1987 «О государственном предприятии (объединении)». Увеличивается массив правового регулирования отдельных вопросов хозяйственной деятельности, ослабляется до минимума государственное влияние.

3. Современный период. С начала 1990-х годов и до настоящего времени. Предпринимательская деятельность вновь получила законный статус, появились разные формы собственности, возродилось право частной собственности. Конституция РФ закрепила основополагающие принципы экономической деятельности в новых условиях.

Литература

1. *Лантев В. А.* Федеральное законодательство о предпринимательстве // Lex Russica. 2016. Вып. 12. С. 9–19.
2. *Зыкова И. В.* Эволюция государственно-правового регулирования предпринимательской деятельности в России // Бизнес в законе. 2013. Вып. 5. С. 19–23.
3. *Хозяйственное право* / под ред. В. К. Мамутова. Киев: Юринком Интер, 2002. С. 108–109.
4. *Забашта А. С.* Магдебургское право: понятие и источники // Наука и современность. Вып. 3 (13). 2011. С. 207–212.
5. *Абакумова Е. Б.* Динамика развития предпринимательского права в России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. Вып. 3. С. 40–47.

ПРАВО БЫТЬ ВЫСЛУШАНЫМ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Анализируется содержание и роль права быть выслушанным в арбитражном процессе. Проведен анализ мнения ученых-юристов, а также актуально судебной практики российских арбитражных судов по поставленной проблеме. Рассматриваются основные проблемы, связанные с реализацией права быть выслушанным.

Ключевые слова: принцип равенства и состязательности, право быть выслушанным, арбитражный процесс, упрощенное производство.

A. V. Evlampeva
Student, NRU HSE-Perm

THE RIGHT TO BE HEARD IN THE ARBITRATION PROCESS

The article analyzes the content and role of the right to be heard in the arbitration process. The analysis of the opinion of legal scholars, as well as the actual judicial practice of Russian arbitration courts on the problem is carried out. The main problems related to the realization of the right to be heard are considered.

Keywords: the principle of equality and competitiveness, the right to be heard, arbitration process, simplified proceedings.

Конституцией Российской Федерации (ст. 46 и 123) гарантируется право на судебную защиту¹, содержание которого предполагает, в том числе, и право быть выслушанным судом на основании принципов равенства и состязательности сторон².

Обратим внимание, что в российском законодательстве право быть выслушанным прямо не закреплено, в отличие от законодательства зарубежных государств: например, в ФРГ право быть выслушанным является конституционным принципом и закреплено в абзаце 1 статьи 130 Основного закона ФРГ³.

Право быть выслушанным может быть рассмотрено как частный случай реализации принципа состязательности (ст. 9 АПК РФ)⁴. Корреспондирующей данной точке зрения является позиция, в соответствии с которой право быть выслушанным представляет собой исключительно процессуальное требование.

На наш взгляд, превалирующей точкой зрения в российской доктрине является выделение права быть выслушанным в самостоятельный процессуальный принцип⁵. Так, И. Н. Лукьянова отмечает, что «несмотря на то, что право быть выслушанным до настоящего времени не закреплено в качестве принципа рос-

сийского судопроизводства, его действие как основополагающей идеи находит отражение в ряде положений АПК и ГПК»⁶.

Обратимся непосредственно к анализу содержания права быть выслушанным. В соответствии с позицией В. М. Шерстюка, право быть выслушанным состоит из трех основополагающих компонентов, оказывающих влияние как на деятельность участников процесса, так и непосредственно на сам суд: право давать объяснения суду, делать заявления, заявлять ходатайства; обязанность суда создавать условия для реализации перечисленных ранее прав, заслушивать объяснения сторон, изучать поданные сторонами заявления и ходатайства (вне зависимости от их формы); обязанность суда провести анализ соответствия закону предъявленных требований и вынести мотивированное и обоснованное решение по делу⁷.

С. Ф. Афанасьев отмечал, что право быть выслушанным предполагает возможность дать объяснения суду, участвовать в судебном заседании, заявлять свои возражения относительно доводов и заявлений процессуальных оппонентов и иных лиц, участвующих в деле⁸.

Исходя из проведенного анализа юридической доктрины можно сделать вывод о том, одним из ключевых аспектов права быть выслушанным является возможность участвовать в судебном заседании: это именно право участника процесса на донесение своей позиции по делу, которое без участия в заседании полноценно реализовано быть не может.

Между тем, на современном этапе развития арбитражного судопроизводства можно выделить ряд проблем, связанных с реализацией права быть выслушанным. Однако данные проблемы могут лишь свидетельствовать о трансформации права быть выслушанным исходя из особенностей современного арбитражного процесса и не вступать с ним в противоречие.

Прежде всего, как уже было ранее отмечено, одним из основополагающих аспектов права быть выслушанным является участие в судебном заседании и устное представление позиции в суде. Однако реализация рассматриваемого права именно в данной форме невозможна в упрощенном производстве (гл. 29 АПК РФ). Несмотря на то, что институт упрощенного производства призван оптимизировать процесс рассмотрения дел, рассматриваемый вид производства может ограничивать право участников процесса быть выслушанным. Стороны могут донести свою позицию до суда исключительно в письменной форме, доказательственная база по делу тоже представляется в письменной форме. Дела в порядке упрощенного производства рассматриваются без вызова сторон, то есть судебное заседание, в котором сторона спора могла бы устно представить свою позицию и обосновать ее так, чтобы она была понята судом, не проводится.

С одной стороны, действительно, упрощенное производство в определенной степени ограничивает право быть выслушанным ввиду приведенных выше доводов. С другой стороны, его можно рассматривать в качестве трансформации права быть выслушанным из его традиционного понимания, как именно устного участия в судебном разбирательстве, в письменное. То есть стороны в упрощенном производстве не лишаются права быть выслушанным судом, просто это право реализуется путем представления суду отзыва на исковое заявление, дополнительных пояснений и других процессуальных документов в обоснование позиции по спору в письменной форме.

Второй проблемой реализации права быть выслушанным является введенная относительно недавно норма, в соответствии с которой суд при определенных обстоятельствах может ограничить время выступления участника процесса (п. 4.1. ст. 154 АПК РФ). Данная норма служит гарантией порядка в судебном заседании, но при этом, на наш взгляд, ограничивает право участника процесса, которому будет ограничено время выступления, быть выслушанным судом. Судебное разбирательство должно проходить в соответствии с принципами равенства и состязательности сторон, однако, ограничение времени выступления одной стороне ставит ее в менее выгодное положение, по сравнению с другой стороной, которой время выступления не было ограничено.

Более того, дискреция суда по ограничению времени выступления также возможна и при проведении судебного заседания (подп. 8 п. 2 ст. 153 АПК РФ), не в качестве санкции за неподобающее поведение в судебном заседании. Суд наделен правом определить время выступления для стороны, которого, однако может быть недостаточно для полноценного представления позиции по спору. В данном аспекте сторона может также не в полной мере реализовать свое право быть выслушанным, не успеть за отведенное время донести до суда все доводы и обстоятельства, которые могут повлиять на правильное разрешение спора.

Подытоживая, в настоящее время в арбитражном процессе право быть выслушанным, входящее в состав конституционного права на судебную защиту, представляет собой, прежде всего, возможность донести до суда позицию по спору. Вопрос относительно его самостоятельности до сих пор не решен ни на законодательном, ни на доктринальном уровне. Институт упрощенного производства и возможность ограничения судом времени выступления участника процесса могут быть рассмотрены в качестве проблемы реализации рассматриваемого права, однако они не всегда вступают в противоречие с правом быть выслушанным и в ряде случаев не препятствуют его реализации.

Литература

1. По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е. В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2010 года № 10-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 дек. 2021 № Ф09-8461/21 по делу № А07-29673/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. А. Г. Давтян; Моск. гос. юрид. акад. М.: Проспект, 2009. 480 с.
4. *Афанасьев С. Ф.* О праве быть выслушанным в суде при рассмотрении гражданских дел // Российская юстиция. 2012. № 5. С. 33–38.
5. *Филатова М. А.* Фундаментальные гарантии сторон в гражданском процессе: способы закрепления и тенденции развития // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 96–106.
6. *Лукиянова И. Н.* Право быть выслушанным как основополагающая идея современного российского гражданского и арбитражного судопроизводства / И. Н. Лукиянова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 12(88). С. 133–139.
7. *Шерстюк В. М.* «Право быть выслушанным и быть услышанным» – принцип гражданского процессуального права // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: сборник научных статей. Краснодар; СПб., 2004. С. 84–91.
8. *Афанасьев С. Ф.* К проблеме реализации права быть выслушанным в суде при рассмотрении гражданских дел // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 28–45.

Д. Э. Зверева
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: И. Ю. Загоруйко

К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ В СЛУЧАЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДОЛЖНИКА К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВО ВНЕБАНКРОТНОМ ПОРЯДКЕ

С момента введения нормы о возможности привлечения к субсидиарной ответственности во внебанкротном порядке по пункту 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» накопилась обширная практика, однако ввиду специфики статуса кредитора и его ограниченного доступа к информации о деятельности должника, процент удовлетворения таких исков был минимален, т.к. кредитор по общему правилу был обязан доказать недобросовестность должника, что по указанным выше причинам было затруднительно. Переломным моментом в данном институте стала позиция Конституционного суда (далее – КС РФ), в соответствии с которой бремя доказывания добросовестности своих действий перераспределялось на контролирующего должника лица. Данный подход с точки зрения справедливости и равноправия сторон в наибольшей степени обстоятельством, когда кредитор находится в более уязвимом положении по сравнению с должником.

Ключевые слова: внебанкротная субсидиарная ответственности, банкротство, бремя доказывания, кредитор, общество с ограниченной ответственностью.

D. E. Zvereva
Student, Perm State University
Supervisor: I. Y. Zagoruiko

ON THE ISSUE OF THE DISTRIBUTION OF THE BURDEN OF PROOF IN THE CASE OF BRINGING THE DEBTOR TO SUBSIDIARY LIABILITY IN AN OUT-OF-BANKRUPTCY PROCEDURE

Since the introduction of the rule on the possibility of bringing to subsidiary liability in an out-of-bankruptcy procedure under paragraph 3.1 of Article 3 of the Federal Law "On Limited Liability Companies", extensive practice has accumulated, however, due to the specifics of the creditor's status and its limited access to information about the debtor's activities, the percentage of satisfaction of such claims was minimal, because the creditor, as a general rule, was obliged to prove the bad faith of the debtor, which for the above reasons was difficult. The turning point in this institution was the position of the Constitutional Court (hereinafter referred to as the Constitutional Court of the Russian Federation), according to which the burden of proving the integrity of their actions was redistributed to the controlling debtor of the person. This approach, from the point of view of fairness and equality of the parties, is most relevant to the circumstances when the creditor is in a more vulnerable position compared to the debtor.

Keywords: extra-bankruptcy subsidiary liability, bankruptcy, burden of proof, creditor, limited liability company.

В 2017 году вступила в силу часть 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ (далее – Закон об ООО), в соответствии с которой исключение общества из Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) в порядке, установленном Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц»² (далее – Закон о регистрации) для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) для отказа основного должника от исполнения обязательства; в данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в пунктах 1–3 статьи 53.1 ГК РФ, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества. Однако применение ее в реальности представлялось затруднительным, так как суды, действуя в соответствии с общим правилом, адресовали кредиторов к статье 65 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК). В соответствии с упомянутой выше статьей они должны были доказать недобросовестные действия контролирующего должника лица, что в действительности было осложнено рядом фактов: отсутствия у кредиторов информации о хозяйственной деятельности должника, о действиях, которые являются основанием для привлечения к субсидиарной ответственности, отсутствие обязанности предоставлять соответствующую документацию руководителем должника, иное было бы нарушением презумпции добросовестности – в силу чего презумпции установленные пунктами 2 и 3 Постановления Верховного Арбитражного Суда №62³ и пунктом 2 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (далее – Закон о банкротстве) оказались не применимы и не доказуемы, а институт привлечения к субсидиарной ответственности во внебанкротном порядке не имел должной эффективности в части восстановления имущественного положения кредиторов. Такой подход судов, на наш взгляд, нарушал принцип равноправия и сбалансированности прав и обязанностей сторон.

В противовес отрицательной практики привлечения к субсидиарной ответственности по пункту 3.1 статьи 3 Закона об ООО, привлечение в соответствии с пунктом 2 статьи 65.11 Закона о банкротстве получало все большее распространение. Несмотря на привлекательности института банкротства в действительности существует достаточное количество оснований, ввиду которых его применение не будет достигать цели института субсидиарной ответственности – восстановления положения кредитора: размер задолженности должен быть не менее 500 000 рублей (не всегда наличествует у кредитора соответствующая сумма долга), отсутствие необходимой документации для обоснования заявления о признании банкротом, отсутствие достаточного количества средств для обеспечения результатов проведения процедуры банкротства, отсутствие необходимой квалификации у кредитора для верной оценки обстоятельств. Оценив перечис-

ленные обстоятельства, в случае попытки предъявления соответствующего заявления кредитор лишь претерпит временные и материальные издержки, когда как у должника появится достаточное количество времени для вывода активов или иных недобросовестных действий, в результате которых удовлетворение требований кредитора станет невозможным.

В целях преодоления обозначенных выше проблем было дано общеобязательное к применению разъяснение Конституционного суда РФ в Постановлении по делу Карпук⁵, в соответствии с которым была установлена опровержимая презумпция вины и последующее привлечение к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица в случае административного исключения лица из ЕГРЮЛ, если на момент исключения из реестра иски требования кредитора общества удовлетворены судом при том, что именно бездействие этих лиц привело к невозможности исполнения обязательств перед кредитором. Особенную роль играет пояснение суда, в части перераспределения бремя доказывания – кредитору необходимо предоставить лишь доказательства наличия у него убытков, вызванных неисполнением обществом обязательств перед ним, а также доказательства исключения общества из ЕГРЮЛ, контролирующему должника лицу же необходимо доказать правомерность своего поведения, в ином же случае оно должно было быть привлечено к субсидиарной ответственности. Рассматривая Постановление по делу Покуля⁶, КС РФ соответствующее же разъяснение распространил и на отношения, вытекающие из подпункта 1 пункта 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве, когда у кредитора не хватило средств на проведения процедур банкротства в отношении должника, в то время как должник был исключен из ЕГРЮЛ.

Несмотря на довольно прозрачно определенную позицию КС РФ, нижестоящие суды опасаются применять в каждом случае соответствующие положения, апеллируя к положениям указанных выше постановлений КС РФ где институт субсидиарной ответственности называется исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. На данный момент лишь по четверти от общего количества дел арбитражных судов контролирующих должника лиц привлекают к ответственности⁷. КС РФ, распространяя указанную выше презумпцию, в одном из своих определений⁸ также отметил, что указанный подход не имеет универсального значения, судам необходимо учитывать конкретные фактические обстоятельства, правовые возможности кредитора по получению доступа к сведениям и документам о хозяйственной деятельности должника, вероятность фактической реализации этих возможностей и соответствующим образом справедливо распределять бремя доказывания между сторонами спора при решении вопроса о привлечении к внебанкротной субсидиарной ответственности. Подобная позиция КС РФ продиктована целью исключения применения такой презумпции в отношении лиц, имеющих доступ к сведениям и документам о хозяйственной деятельности должника ввиду наличия необходимых властных

полномочий, аффилированности с должником, особого положения на рынке, требований, обычно предъявляемых в гражданском обороте к отношениям между подобными хозяйствующими субъектами, сложившихся между кредитором и должником правил взаимодействия и прочих обстоятельств, иное же нарушало бы принцип равноправия и справедливости. В соответствии с вышеуказанными положениями кредитору корреспондируется также обязанность обосновать невозможность получения информации или же отсутствие соответствующих полномочий на основании конкретных фактических обстоятельств.

Подход, обозначенный КС РФ в части распределении бремени доказывания в случае предъявления требования на основании подпункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО, на наш взгляд, является наиболее соответствующим как самой природе обществ с ограниченной ответственностью, так и условиям ограниченной информационной осведомленности кредитора о деятельности должника и контролирующего его лица. Однако для полноценного применения данных положений необходимо преодолеть закореневшее понимание института субсидиарной ответственности как исключительного механизма защиты прав кредиторов, который, на наш взгляд, в существующих реалиях является порой единственным эффективным способом удовлетворения кредиторами своих требований.

Литература

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 20.10.2022).
2. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федер. закон от 8 авг. 2001 г. № 129-ФЗ (в ред. от 14.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 14.04.2023).
3. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34.
4. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. (дата обращения 20.10.2022).
5. По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук: Постановление от 21 мая 2021 г. № 20П // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, (дата обращения 26.05.2021).
6. По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И.И. Покуля: Постановление от 7 февр. 2023 г. № 6-П // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 10.02.2023).
7. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6122>.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Урал-Щебень» на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение КС РФ от 11 нояб. 2021 г. № 2358-О. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Проводится анализ информационной системы, как объекта гражданского права, а также ее составных частей, представляющих собой объекты материального мира (вещи) и результаты интеллектуальной деятельности. Делается вывод о необходимости правового регулирования правового режима рассматриваемого объекта нормами гражданского законодательства.

Ключевые слова: информационная система; информационные технологии; программы для электронных вычислительных машин; сложные вещи; сложные объекты.

A. S. Korotkina
Postgraduate Student, Perm State University
Supervisor: E.V. Aristov

INFORMATION SYSTEM AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS

The analysis of the information system as an object of civil law, as well as its components, representing objects of the material world (things) and the results of intellectual activity, is carried out. The conclusion is made about the need for legal regulation of the legal regime of the object in question by the norms of civil legislation.

Keywords: information system; information technologies; programs for electronic computers; complex things; complex objects.

Информационные технологии в современном мире стали неотъемлемой частью общественных отношений и драйвером развития не только экономической сферы, но и других сфер человеческой деятельности. Позволяя обрабатывать огромные объемы информации, осуществляя сложные вычисления, автоматизируя рутинные процессы, информационные технологии становятся ключевым фактором перехода к постиндустриальному, информационному обществу.

Процессы повсеместного внедрения информационных технологий обусловили необходимость правового регулирования соответствующих общественных отношений, формируя отрасль информационного права. Вместе с тем, почти за три десятилетия существования отраслевого правового регулирования, правовая природа категорий, используемых этой отраслью, недостаточно изучена в теоретическом плане.

Одной из таких категорий является «информационная система», представляющая собой сложный, комплексный объект, включающий в себя согласно статье 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информацию и информационные технологии, как нематериальные объекты, регулируемые нормами части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), и технические средства, являющиеся материальными объектами, вещами согласно статье 128 ГК РФ.

Как было отмечено ранее, действующее гражданское законодательство не содержит в себе правовой конструкции, подходящей под указанную категорию. С учетом изложенного, одним из возможных путей развития законодательства в обозначенной сфере является признание информационной системы сложным, комплексным объектом прав с внесением соответствующих изменений в гражданское законодательство¹.

В статьях 134, 1240 Гражданский кодекс РФ вводит категории «сложные вещи» и «сложные объекты» в отношении результатов интеллектуальной деятельности. Сложные вещи являются разновидностью вещей в значении, придаваемом этому термину статьей 128, и как емко описывает Е. А. Суханов, «материальными, физически осязаемыми объектами, имеющими экономическую форму товара»². При этом, с точки зрения судебной практики, каждая составная часть, входящая в состав сложной вещи может использоваться самостоятельно³, что и отличает, как правильно указывает Е. А. Мазур, «сложные вещи от неделимых вещей»⁴. Сложные объекты не имеют законодательного определения и выделяются на основе признака наличия в составе единого объекта нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности⁵, а также перечисления исчерпывающего количества видов сложных объектов⁶. Как отмечает В. А. Дозорцев, сложный объект является результатом «многослойного» творческого процесса создания разными лицами «комплексного» объекта⁷, включающего различные результаты интеллектуальной деятельности.

Правовой режим обозначенных объектов гражданских прав предполагает их сущностную однородность, выраженную в объединении по материальному, либо не материальному признаку, что не позволяет применять данные юридические конструкции к рассматриваемому объекту.

Статьей 132 ГК РФ в систему объектов гражданских прав введено предприятие, как имущественный комплекс, включающий, «разнородное, как с точки зрения физических характеристик, так и с точки зрения правового режима, имущество»⁸, используемый по единому целевому назначению⁹. Не вдаваясь в дискуссию о дуализме данной правовой категории¹⁰, отметим лишь факт нали-

чия в гражданском законодательстве юридических конструкций, объединяющих материальные и не материальные объекты. Утратившая в настоящее время силу глава 77 ГК РФ, также регламентировала правовой режим единой технологии, как объекта гражданских прав, включающего в себя, как результаты научно-технической деятельности, так и результаты интеллектуальной деятельности. Как было отмечено рядом авторов, к сожалению ее глубокий правовой смысл и потенциал, позволяющий самостоятельно «собирать» технологию, как единый объект через определение ее составляющих в договоре, не был раскрыт правоприменителем¹¹.

Таким образом, гражданское законодательство в ряде случаев, при наличии существенного признака единого целевого назначения, вводит в оборот юридические конструкции, объединяющие как материальные объекты, так и не материальные объекты, в число которых включены результаты интеллектуальной деятельности.

Статья 7, 33.1 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», статья 5, 53.1 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» в качестве единого объекта соответствующих соглашений вводят объекты информационных технологий, включающие в себя программы для электронных вычислительных машин, базы данных, информационные системы и (или) сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или других информационно-телекоммуникационных сетях, либо совокупность указанных объектов, а также имущество (технические средства), технологически связанное с указанными выше объектами и предназначенное для обеспечения их функционирования. Необходимо отметить, что в нормах обозначенных правовых актов, законодатель четко разделяет правовую природу составных частей единого объекта соглашения, а также прав в отношении указанных составных частей (исключительные, не исключительные права, право собственности), и вводит правовое регулирование, необходимое, по мнению законодателя, для регулирования соответствующих общественных отношений.

Анализируя вышеприведенные нормы, нельзя не отметить их несоответствие положениям базового правового акта в сфере информационных технологий, а также положениям ГК РФ о сложных объектах. Как было отмечено ранее, статья 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в качестве неотъемлемой части информационной системы называет технические средства, позволяющие

осуществлять обработку информации в информационной системе. Законодательство о государственно-частном партнерстве разрывает эти категории, выводя их в статус равнопорядковых составных частей объекта соглашения, что лишним раз свидетельствует о низком уровне теоретической и практической проработки правового режима обозначенного объекта. Аналогичная ситуация складывается в отношении сложных объектов, которые также недостаточно проработаны в действующем законодательстве: при их исчерпывающем перечне в Гражданском кодексе Российской Федерации (кинофильм, аудиовизуальное произведение, мультимедийный продукт, театральное зрелищное представление, база данных), законодательство о государственно-частном партнерстве относит к сложному объекту иные объекты, не нашедшие своего отражения в перечне статьи 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Вместе с тем, появление в законодательстве единого объекта правоотношений является значительным шагом на пути правового регулирования современных цифровых технологий. По сути, можно сделать вывод, что вводя в правовое регулирование информационную систему, как единый объект права, законодатель говорит о возможности ее участия в гражданском обороте. Предложенная конструкция, с одной стороны не является очень удачной, так смешивает в себе составные части информационной системы, как сложного объекта, ведь, как было отмечено ранее любая информация система это совокупность материальных и не материальных объектов, более того неотъемлемой частью информационной системы очень часто являются сайты в сети «Интернет», как внешняя форма взаимодействия с пользователем. В то же время, использованный в законодательстве о государственно-частном партнерстве подход четкого разграничения прав на результаты интеллектуальной деятельности, в отношении которых действуют интеллектуальные права, и технические средства, в отношении которых действуют вещные права, впервые так четко описывает сущность рассматриваемого явления и его правовой режим.

При условии уточнения состава объектов, входящих в данную конструкцию с признанием ее сложным объектом, имеющим единое целевое назначение, включение информационной системы, как совокупности объектов информационных технологий и обеспечивающих их функционирование технических средств, в главу 6 ГК РФ, позволит более эффективно регулировать соответствующие общественные отношения, которые в настоящее время существуют вне правового поля, в том числе вопросы использования информационных систем конечными пользователями.

Литература

1. *Короткина А. С.* Информационные системы как объект права // Закон и право. 2022. № 5. С. 46–50.
2. *Суханов. Е. А.* Российское гражданское право: Учебник. Т. 1. М.: Статут, 2015. С. 303. 958 с.
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 февр. 2022 г. № 307-ЭС21-27191. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=BxbU2eTUlzVgNW0t&cacheid=0F69C86C6F1190C22C43CA62CBDF07B&mode=splus&rnd=bVNUmQ&base=ARB&n=699538#50iU2eTfTJhFaGk6> (дата обращения: 12.05.2023); Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 нояб. 2014 г. № 309-ЭС14-4049. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=NcEV2eTbjBvR1Bp4&cacheid=1A9F8F5E02996D6622B0044A510077F5&mode=splus&rnd=bVNUmQ&base=ARB&n=411616#IXFV2eTi0jrURevs> (дата обращения: 12.05.2023).
4. *Мазур Е. А.* Соотношение правовых категорий «Сложная вещь» и «Сложный объект» по Гражданскому законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 1. С. 101–104.
5. *Копылов А. Ю.* Проблемы квалификации сложных объектов интеллектуальных прав // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 75–90.
6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 30 нояб. 2010 г. № 10521/10. URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=ZlrW2eTsHhqVnDzi1&cacheid=16C68CD2CB2841D11F267251F7C62EC4&mode=splus&rnd=bVNUmQ&base=ARB&n=168610#sZsW2eTLWfJaEbDB> (дата обращения: 12.05.2023).
7. *Дозорцев В. А.* Право на фильм как сложное многослойное произведение // Вести Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 3. С. 62–73.
8. *Фролова Н. В.* К вопросу о правовом режиме имущественных комплексов // Журнал российского права. 2008. № 12(144). С. 87–93.
9. *Суханов Е. А.* Гражданское право: в 2 т.: учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. I. М.: БЕК, 1998. 816 с.
10. *Домбровицкий М. П.* Сущность предприятия в российском гражданском праве // Адвокат. 2008. № 8. С. 99–108.
11. *Лисаченко А. В.* Право на единую технологию как интеллектуальное право будущего // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 109–117.

А. А. Коротовских
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Е. В. Аристов

К ВОПРОСУ О КРУГЕ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ПРАВО ОБЖАЛОВАТЬ РЕШЕНИЕ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Анализируется круг лиц, имеющих право обжаловать решение общего собрания хозяйственного общества. Представлены мнения ученых и позиции, сложившиеся в судебной практике по данному вопросу. Предложено наделить правом обжалования решения общего собрания лиц, которые стали участниками общества после принятия спорного решения.

Ключевые слова: решения собраний, хозяйственное общество, корпоративные права, участники корпорации.

A. A. Korotovskiykh
Master's Student, Perm State University
Supervisor: E. V. Aristov

TO THE QUESTION OF SUBJECTS WITH THE RIGHT TO APPEAL AGAINST A RESOLUTION OF THE BUSINESS ENTITY GENERAL MEETING

The article is devoted to the subjects who have the right to challenge the decision of the general meeting of a business association. It presents opinions of scholars and positions established in judicial practice on this issue. The author suggests to grant the right to appeal the decision of the general meeting to individuals who became members of the association after the controversial decision was made.

Keywords: meeting decisions, business entity, corporate rights, corporation members.

Одним из актуальных проблемных вопросов, связанных с обжалованием решений общих собраний хозяйственного общества, является вопрос о том, вправе ли оспаривать указанные решения лица, которые являлись участниками общества на момент принятия спорного решения, но перестали быть таковыми на момент подачи иска или рассмотрения спора либо, наоборот, приобрели статус участника общества после принятия спорного решения.

Применительно к первому случаю Д. Н. Заикина отмечает, что право на обжалование решений общих собраний хозяйственного общества производно от статуса участника общества, которым лицо, желающее оспорить решение общего собрания, должно обладать как на момент принятия данного решения, так и на момент обращения с иском о признании его недействительным, а также на момент рассмотрения данного дела судом. Из этого следует, что лицо, не имеющее статуса участника общества, не вправе и обжаловать решения его общего собрания¹. Таким образом, с момента выхода из состава участников общества

лицо утрачивает право на оспаривание решений его органов управления, в том числе решений общего собрания общества.

Более неоднозначной является вторая ситуация, когда участник общества, приобретший акции либо доли в его уставном капитале после принятия спорного решения, желает признать его недействительным.

Согласно позиции, преобладающей в судебной практике, обязательным условием для удовлетворения такого иска является наличие доказательств того, что истец был участником общества как на момент принятия оспариваемого решения, так и на момент предъявления иска. В противном случае считается, что оспариваемое решение не может нарушать права истца². Данная точка зрения нашла отражение и в практике Верховного Суда РФ³.

И. С. Шиткина, являясь сторонником указанной позиции, полагает, что право на обжалование решения общего собрания хозяйственного общества носит «личный характер», будучи производным от статуса участника общества, которым лицо, оспаривающее решение, должно обладать на момент его принятия⁴. Аналогичного мнения придерживается В.С. Королев⁵.

В то же время, среди представителей научного сообщества имеет место и иной подход к данной проблеме. Так, Д. В. Ломакин совершенно резонно приходит к выводу об отсутствии каких-либо весомых оснований, позволяющих воспрепятствовать защите акционером, приобретшим акции после принятия спорного решения, своих корпоративных прав, посредством признания такого решения недействительным⁶.

Л. В. Кузнецова, критикуя преобладающую в судебной практике позицию, отмечает следующее. Даже если участник общества приобрел данный статус уже после принятия определенного решения общего собрания, его права в любом случае могут быть затронуты спорным решением, поскольку принимаемые на общих собраниях решения влекут те или иные последствия для экономической деятельности общества, влияют на размер получаемой им прибыли, а следовательно, и на размер прибыли его участников. В качестве примера автор приводит ситуации, когда на общем собрании принимаются решения об изменении направлений деятельности общества, о его реорганизации или ликвидации, что не может не затронуть интересы его участников, независимо от того, с какого момента лицо стало участником хозяйственного общества⁷. В перечисленных случаях невозможно отрицать, что даже если решение общего собрания было принято до момента вхождения лица в состав участников хозяйственного общества, такое решение не может не влиять на его права.

В данной связи заслуживает особого внимания доктрина правопреемства, в соответствии с которой право на обжалование решений общего собрания хозяйственного общества передается в составе единого комплекса прав вместе с акцией либо долей в уставном капитале общества⁸. Иными словами, согласно

данной концепции, право оспаривания решений органов управления хозяйственного общества неотделимо от права на акции (доли).

Следует отметить, что доктрина правопреемства уже частично реализована применительно к другим вопросам, связанным с защитой корпоративных прав. Так, И.В. Сцепуро, Т.В. Мельникова замечают, что независимо от того, является ли субъект участником общества на момент совершения сделки или на момент возникновения убытков, он вправе оспорить сделку либо взыскать убытки, обратившись в суд с косвенным иском от имени хозяйственного общества⁹. Соответствующие положения содержатся в подпункте 2 пункта 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июля 2018 г. № 27, пункте 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62.

С учетом сказанного, представляется, что право на оспаривание решений общего собрания должно переходить к новому участнику хозяйственного общества в составе переданного отчуждателем комплекса прав на акции или долю в уставном капитале общества. В связи с этим представляется необходимым дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 следующим разъяснением: «Не является основанием для отказа в удовлетворении иска о признании недействительным решения органа управления хозяйственного общества тот факт, что участник, предъявивший иск, на момент принятия решения не был участником общества».

Литература

1. *Заикина Д. Н.* Оспаривание решений общих собраний хозяйственных обществ как способ защиты нарушенного права // Правовые аспекты государственного управления. 2015. № 2. С. 25–29.
2. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.02.2018 № Ф10-6051/2017 по делу № А83-6388/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 307-ЭС20-12578 от 18.09.2020 г. по делу №А13-8608/2019 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *Шиткина И. С.* Корпоративное право: учебник. 2-е изд., доп. М.: Юстицинформ, 2017. 458 с.
5. *Королев В. С.* Лица, имеющие право обжаловать решение общего собрания // Право и государство: теория и практика. 2016. № 9 (141). С. 90–94.
6. *Ломакин Д. В.* Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учеб. пособие. М.: Статут, 2020. 146 с.
7. *Кузнецова Л. В.* Может ли акционер или участник обжаловать решения общего собрания или совета директоров, если на момент их принятия он участником хозяйственного общества не являлся? URL: https://zakon.ru/blog/2019/9/19/mozhet_li_akcioner_ili_uchastnik_obzhalovatresheniya_obshchego_sobraniya_ili_soveta_direktorov_esli_ (дата обращения: 05.05.2023).
8. *Чепига Т. Д.* К вопросу о разрешении споров, связанных с оспариванием актов управления и сделок акционерного общества, на основании доктрины правопреемства // Вестник ФАС Северо-Кавказского округа. 2004. № 5. С. 102–107.
9. *Сцепуро И. В., Мельникова Т. В.* Оспаривание акционером, не являющимся на момент принятия незаконного решения участником общества, решений общего собрания // Вестник науки. 2020. № 10 (31). С. 73–77.

К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К ФИНАНСОВОМУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ В ДЕЛАХ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Исследуются некоторые проблемные аспекты, связанные с привлечением финансового управляющего к административной и гражданско-правовой ответственности. Автором определяется вектор решения, выявленных в ходе исследования проблем.

Ключевые слова: финансовый управляющий, ответственность финансового управляющего, административная ответственность, гражданско-правовая ответственность, банкротство граждан.

V. V. Kocheva
Student, Perm State University

ON THE question OF THE PRACTICE OF APPLYING ADMINISTRATIVE AND CIVIL RESPONSIBILITY TO A FINANCIAL MANAGER IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

The article explores some problems of bringing a financial manager to administrative and civil responsibility. The author also defines the vector of problem solving.

Keywords: financial manager, responsibility of the financial manager, administrative responsibility, civil responsibility, individuals' bankruptcies.

Внедрение в российское законодательство о несостоятельности норм, предусматривающих процедуру банкротства граждан, вне зависимости от наличия у них статуса индивидуального предпринимателя, привело к появлению такого участника механизма как финансовый управляющий¹. При этом положение финансового управляющего обуславливается рядом особенностей, связанных с его участием в процедуре банкротства граждан. Особое внимание заслуживает вопрос, касающийся деликтоспособности, как одного из элементов его правового статуса². В рамках данного исследования предлагается рассмотреть некоторые проблемные аспекты, связанные с привлечением финансового управляющего к административной и гражданско-правовой ответственности.

Говоря об обозначенных видах ответственности, необходимо отметить, что в отношении финансового управляющего в полной мере применимы нормы, распространяющие свое действие на арбитражных управляющих, участвующих в иных процедурах банкротства. При этом в свете формирования обширной су-

дебной практики в области банкротства граждан, правоприменители сталкиваются с неоднозначным толкованием имеющихся норм, непосредственно влияющих на привлечение финансового управляющего к ответственности.

Первый вопрос связан с возможностью расширительного толкования «обязанностей» финансового управляющего, в контексте части 3 статьи 14.13. КоАП РФ³. В научной литературе высказывается точка зрения, согласно которой под «обязанностями» финансового управляющего необходимо понимать не только обязанности в буквальном смысле, но и субъективные права, что обуславливается наличием публично-правовых элементов его деятельности⁴.

Заявленный вопрос находит отражение и в анализе судебной практики. Так, суд кассационной инстанции указал, что подача заявления о признании сделок недействительными является правом, а не обязанностью финансового управляющего, в связи с чем неподача такого заявления не может расцениваться как неисполнение обязанностей, установленных законодательством о банкротстве⁵. Верховный суд РФ, в свою очередь, отменил решения кассационной инстанции, указав, что при принятии решения не было учтено, что процедура банкротства носит публично-правовой характер, а значит общее требование распространяется также на реализацию прав финансового управляющего, которые предоставлены ему для защиты законных интересов должника и кредиторов⁶. Вышеизложенное указывает на то, что деятельность арбитражных управляющих расценивается как квазигосударственная (исключительно публичная), а права и обязанности скорее трактуются как полномочия, которые подлежат исполнению, что влечет повышение возникновения административно-деликтных рисков.

В тоже время необходимо учитывать, что в каждом конкретном случае судом будет оцениваться добросовестность и разумность действий управляющего, что, например, в случае с оспариванием сделки должника, приводит к тому, что оценка наличия положительных или отрицательных последствий такого действия или бездействия будет носить «вероятностный» характер⁷.

Второй вопрос связан с возможностью широкого толкования нормы, которая определяет перечень сведений, подлежащих обязательному опубликованию в делах о несостоятельности граждан. Анализ судебной практики показывает, что зачастую финансовый управляющий привлекается к административной ответственности за нарушение сроков опубликования в ЕФРСБ сведений о признании сделки должника недействительной⁸. Вопрос о правомерности таких действий обуславливается тем, что статья 213.7 Закона о банкротстве⁹ определяет перечень той информации, которая должна быть опубликована финансовым управляющим, при этом указанный перечень не содержит сведений о признании сделок должника недействительными, однако норма содержит оговорку о том, такой перечень не является исчерпывающим. П. В. Донцов и М. А. Стрыкина считают, что сведения о признании сделок недействительными не подлежат опубликованию, в виду

того факта, что статья 213.7 Закона о банкротстве является специальной нормой, а значит перечень сведений, подлежащих опубликованию в делах о банкротстве граждан, ограничивается рамками параграфа 1.1 главы X Закона о банкротстве¹⁰. Изложенное позволяет выявить необходимость четкого определения перечня сведений, подлежащих опубликованию в делах о несостоятельности граждан.

Переходя к вопросу гражданско-правовой ответственности финансового управляющего, необходимо отметить, что анализ судебной практики позволяет установить достаточно обширный перечень оснований, по которым суды взыскивают убытки с управляющих, участвующих в процедуре банкротства граждан. К таким основаниям можно отнести: непринятие мер по оспариванию сделок должника, непринятие мер по взысканию дебиторской задолженности и неосновательного обогащения в пределах срока исковой давности, выплата должнику денежных средств в размере прожиточного минимума, на которые он не имел права и другие основания.

В рамках данного исследования предлагается особое внимание уделить вопросу выплаты должнику прожиточного минимума из конкурсной массы. Отметим, что данный вопрос непосредственно связан с исполнительским иммунитетом, который накладывается на денежные средства и имущество, с целью обеспечения гарантии достойного уровня жизни гражданина-должника. Анализ пункта 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве и части 1 статьи 446 ГПК РФ¹¹ позволяет установить, что из конкурсной массы исключаются деньги на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума, а действия по исключению осуществляются финансовым управляющим самостоятельно.

Практическая трудность обуславливается тем, что зачастую финансовые управляющие трактуют указанное положение единообразно по отношению, как к денежным средствам, составляющим прожиточный минимум должника, так и к имуществу, подлежащему исключению из конкурсной массы в виду наложения на него иммунитета от реализации. При этом как показывает судебная практика финансовый управляющий не может просто исключить необходимую сумму из конкурсной массы, такая выплата денежных средств в размере величины прожиточного минимума может быть обусловлена только наличием у должника дохода, из суммы которого и подлежат выплате указанные денежные средства¹². Судебные органы отмечают, что нормы об иммунитете не могут толковаться таким образом, при котором должник становится кредитором по текущим платежам, требования которого будут удовлетворяться за счет средств, вырученных от реализации конкурсной массы во внеочередном порядке¹³. В этой связи, верно отмечает М. С. Кудинова: законодательство о банкротстве не предусматривает возможность накопления сумм ежемесячного прожиточного минимума за прошедший период и их последующую выплату должнику¹⁴.

В целях предотвращения спорных ситуаций и взыскания убытков с финансовых управляющих, видится целесообразным законодательно закрепить за фи-

нансовом управляющим обязанность по выплате прожиточного минимума из поступающего дохода должника и указать на недопустимость при отсутствии дохода производить выплаты из денежных средств, вырученных от реализации имущества, находящегося в конкурсной массе.

Проведенное исследование позволило выявить некоторые проблемные аспекты привлечения финансового управляющего к административной и гражданско-правовой ответственности, требующие разрешения для эффективного функционирования института несостоятельности (банкротства) граждан.

Литература

1. *Селимова Д. М.* Проблемы правового положения финансового управляющего // Закон и право. 2021. № 2. С. 70.
2. *Морхат П. М.* Правоотношения и юридическая ответственность в сфере несостоятельности (банкротства): монография. М.: Юстицинформ, 2021. С. 350.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Российская газета. 2001. № 256.
4. *Пучков В. О.* Административная ответственность арбитражного управляющего в праве России и государств постсоветского пространства: тенденции развития регулирования в контексте цифровизации // Арбитражные споры. 2022. № 1. С. 118–158.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 мая 2020 г. № Ф07-5872/2020 по делу № А05-11092/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 нояб. 2020 г. № 307-ЭС20-11632 по делу № А05-11092/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Старицын И. А.* Вопросы гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего за уклонение от оспаривания сделок несостоятельного должника // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. №3А. С.111–119.
8. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 марта 2019 г. № 17АП-1798/2019-АК по делу № А60-65747/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О несостоятельности (банкротстве): Федер закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Российская газета. 2002. № 209-210.
10. *Донцов П. В., Стрыгина М. А.* Особенности привлечения финансового управляющего к административной ответственности по части 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Российский судья. 2020. № 3. С. 63.
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. 2002. № 220.
12. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28 дек. 2018 г. № 07-АП-3685/17 по делу № А03-17903/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 апр. 2019 г. № Ф04-489/2019 по делу № А03-17903/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. *Кудинова М. С.* Защита прав кредитора от возможных злоупотреблений правом со стороны должника и финансового управляющего в деле о банкротстве физического лица // Арбитражные споры. 2022. № 4. С. 130–191.

А. Ю. Лунева
Студент ВВГУ (г. Владивосток)
Научный руководитель: М. В. Вронская

БАНКРОТСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Проблема правового регулирования банкротства физических лиц является актуальной в современной экономической ситуации. С ростом уровня жизни и доступности кредитов многие граждане сталкиваются с трудностями в выплате долгов и могут оказаться в состоянии банкротства. В этом случае важно иметь законодательную базу, которая позволит решать проблемы должников и кредиторов, а также обеспечивать защиту прав и интересов обеих сторон.

Ключевые слова: банкротство физических лиц; внесудебная процедура банкротства; исполнительский иммунитет; проблемы правового регулирования; тенденции развития процедуры банкротства; совершенствование института банкротства; нововведения.

A. Y. Luneva
Student, Vladivostok State University
Supervisor: M. V. Vronskaya

BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS: PROBLEMS AND TRENDS IN LEGAL REGULATION

The problem of legal regulation of bankruptcy of individuals is relevant in the current economic situation. With rising living standards and the availability of credit, many citizens face difficulties in paying off debts and may find themselves in a state of bankruptcy. In this case, it is important to have a legislative framework that will allow solving the problems of debtors and creditors, as well as ensuring the protection of the rights and interests of both parties.

Keywords: bankruptcy of individuals; out-of-court bankruptcy procedure; executive immunity; problems of legal regulation; trends in the development of the bankruptcy procedure; improvement of the institution of bankruptcy; innovations.

Банкротство физических лиц является сложной и многогранной проблемой, которая требует решения не только на законодательном, но и на практическом уровне. Возникают вопросы о том, как защитить права должников и кредиторов, как обеспечить социальную защиту граждан в период банкротства, как предотвратить злоупотребления со стороны должников и кредиторов, и как обеспечить эффективное функционирование системы банкротства в целом.

Последние изменения законодательства в области банкротства содействуют сохранению бизнеса в России и сохранению рабочих мест. Введенное в законо-

дательство понятие «моратория на подачу заявлений о банкротстве» посодействовало компаниям преодолеть финансовые трудности в нестабильный период времени и способствовало сохранению бизнеса. Мораторий ограничивает только права кредиторов подавать в указанный период иски в суд о введении процедуры банкротства. Однако сам должник сохраняет за собой право подачи такого заявления о собственном банкротстве в суд.

С сентября 2020 года законодатель решил адаптировать доступ физических лиц к банкротству и ввел внесудебную процедуру, которая проходит посредством обращения гражданина в многофункциональный центр предоставления государственных услуг (МФЦ). Однако не всякий желающий сможет воспользоваться этой «услугой»¹.

Институт внесудебного банкротства гражданина, как и любой другой новый для российского права институт, пока не в полной мере воспринят юридическим сообществом. В целом позитивно оценивая саму идею государственного содействия граждан, попавших в тяжелое материальное положение, их реабилитацию и возвращение в экономический оборот, многие специалисты пока не видят в механизме внесудебного банкротства тех посылов, которые, преследуя совместную цель минимизации нагрузки на суды, позволят в полноценной степени повысить доступность и эффективность банкротства для граждан².

Одним из главных вопросов, возникающих на практике и касающихся банкротства гражданина, являются аспекты, связанные с единственным жильем должника. Необходимость введения в законодательство Российской Федерации имущественного иммунитета обусловлена стремлением федерального законодателя путем предоставления гражданину-должнику имущественного (исполнительского) иммунитета сохранить ему и лицам, находящимся на его иждивении, условия, необходимые для достойного существования³.

Такой подход подтверждается правовой позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой общее предназначение данного правового института – «гарантировать указанным лицам условия, необходимые для их нормального существования; такое регулирование выступает процессуальной гарантией социально-экономических прав этих лиц в сфере жилищных правоотношений»⁴.

Сложность данной темы заключается в том, что нередко банкротами признаются физические лица, которые имеют большое состояние и единственным жильем для них является элитная недвижимость⁵.

В юридической литературе проводится классификация имущественных иммунитетов. Например, по мнению В. В. Яркова⁶, имущественные иммунитеты в исполнительном производстве подразделяются по степени юридической защиты имущества на «абсолютные» и «относительные».

Из-за отсутствия законодательного закрепления критериев роскошности жилых помещений арбитражным судам пришлось выработать свои собственные кри-

терии, основанные на судебной практике. Такими критериями были: большая жилая площадь на каждого члена семьи, повышенная стоимость жилого помещения. Суд допускает возможность изъятия единственного жилья, только если в случае продажи жилья у должника остаются средства для приобретения нового жилья, которое в соответствии с Жилищным кодексом РФ не будет ухудшать его положение.

Проблема обращения взыскания на единственное жилье должника, имеет важную социальную и правовую роль. С одной стороны, законодателю и судам необходимо защищать конституционные гарантии граждан на жилище. С другой же стороны необходимо осуществлять справедливое распределение конкурсной массы в рамках процедуры банкротства, касающегося роскошного жилья, которое по своим характеристикам превышает социальные нормы в разы⁷.

Однако, как и любой инструмент правовой защиты, исполнительский иммунитет может быть злоупотреблен должником. В частности, должник может использовать исполнительский иммунитет для того, чтобы затянуть процедуру банкротства и уклоняться от погашения своих долгов. Полагается, необходимостью ввести в законодательство применение имущественного иммунитета только в крайних случаях, тем самым снизив нагрузку на суды, а также простимулирует должников не злоупотреблять правом. Ужесточение требований к должнику для получения исполнительского иммунитета поспособствует эффективному контролю действий должника и предотвращения затягивания процедуры банкротства, а также ограничение в праве на заключение кредитных договоров в течение нескольких лет, тем самым обеспечив защиту прав кредиторов.

Несмотря на то, что банкротство физических лиц в РФ существует уже более 20 лет, в его применении все еще существует ряд проблем: сложность процедуры; низкий уровень информированности; недостаточная развитость рынка; ограниченность возможностей; проблемы с исполнением решений суда.

Специалисты подмечают следующие тенденции: кардинальный рост общего количества банкротных дел каждый год; количество внесудебных банкротств будет расти незначительными темпами; подобная процедура, как реструктуризация долгов, применяется в банкротстве крайне редко.

Тенденции банкротства физических лиц в России определяются экономической и социальной ситуацией в стране, а также правительственной политикой в области защиты прав потребителей и борьбы с неплатежеспособностью граждан.

Предложения по совершенствованию института банкротства физических лиц в России:

- разработка механизмов для упрощения процедуры банкротства, включая снижение затрат на судебные и юридические услуги и сокращение времени на принятие решения по делу;
- увеличение роли кредиторов в процессе банкротства, включая расширение их прав;

- улучшение системы мониторинга финансового состояния граждан и предупреждения об опасности наступления банкротства;
- разработка и внедрение более жестких мер ответственности для злоупотребляющих банками, а также повышение квалификации сотрудников финансовых учреждений в области предоставления кредитов;
- совершенствование процедуры реструктуризации долгов физических лиц, что помогло бы избежать банкротства;
- расширение перечня имущества, не подлежащего реализации при банкротстве для сохранения жизненно важных ресурсов;
- введение мер, направленных на предотвращение злоупотребления правом должника, включая более строгое наказание за сокрытие имущества.
- улучшение контроля за деятельностью конкурсных управляющих;
- улучшение процесса информирования граждан о возможности и процедуре банкротства.

Таким образом, можно сказать, что введение процедуры банкротства физического лица, в целом, разрешает многие вопросы, возникшие по поводу несостоятельности граждан, даже несмотря на жесткие последствия для физического лица. Важность решения проблемы банкротства физических лиц в России состоит в обеспечении стабильности финансовой системы и поддержки физических лиц в период финансовых трудностей⁸.

Литература

1. Поляк М. Статистика банкротства физических лиц // Банкротство физических лиц [Электронный ресурс] // Списание Долгов. 2022. URL: <https://fcbg.ru/statistika-bankrotstva-fizicheskikh-lic>
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина. [Электронный ресурс]: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 289-ФЗ. Доступ из справ.-правовой базы «Гарант».
3. По делу о проверке конституционности положения абзаца третьей части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. В. Безменова и Н. В. Калабуна [Электронный ресурс]: Постановление КС РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 30. Ст. 3988.
4. Малюшин К. А. Принципы гражданского исполнительного права: проблемы понятия и системы / науч. ред. В. В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2011. URL: <http://www.consultant.ru/law/podborki/ispolnitelskij-immunitet/>.
5. Правовое регулирование экономических отношений. Несостоятельность (банкротство) / под ред. Е. П. Губина, С. А. Карелиной. М., 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvennoe-zhilie-pri-bankrotstve-dolzhnika-predostavlenie-immuniteta-dlya-roskoshnogo-zhilya>
6. Ярков В. В. Имущественные иммунитеты от взыскания в предпринимательских отношениях // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 10. С. 9–12.
7. Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве: науч.-практ. пособие / В. А. Гурев, И. В. Селионов // Деловой стиль. 2019.
8. Сорочкин А. Банкротство физических лиц // Жилищное право. 2016. № 1. С. 90.

А. Ю. Лунева, Е. Ю. Старовойтова
Студенты ВВГУ (г. Владивосток)
Научный руководитель: С. В. Батаев

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной статье рассматриваются общие тенденции развития предпринимательского права, в частности перспективы развития данной отрасли права, а также нововведения в сфере правового регулирования бизнеса в России, включая «правовые песочницы», регистрацию юридических лиц и процедуры банкротства.

Ключевые слова: предпринимательское право; инновации; цифровая экономика; налогообложение экспериментальные правовые режимы; регулятивные песочницы; банкротство.

A. Y. Luneva, E. Y. Starovoitova
Students, Vladivostok State University
Supervisor: S. V. Bataev

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF BUSINESS LAW AT THE PRESENT STAGE

This article discusses general trends in business law, in particular the prospects of development of this branch of law, as well as innovations in the sphere of legal regulation of business in Russia, including taxation, "legal sandboxes" and the registration of legal entities.

Keywords: business law; innovation; digital economy; taxation experimental legal regimes; regulatory sandboxes; bankruptcy.

В современном мире оптимальной экономической системой является модель, основанная на конкуренции, признании многообразия форм собственности, свободы предпринимательства. Именно благодаря рыночной экономике удовлетворяются важнейшие общественные потребности: создаются новые рабочие места, возникают предложения магазинов по наполнению качественными товарами, а государственный бюджет – налоговыми поступлениями¹.

Современное предпринимательское право находится в постоянном развитии и изменении в соответствии с изменяющимися условиями бизнеса и экономики. Некоторые из основных тенденций развития предпринимательского права на современном этапе включают в себя:

– глобализацию экономики и развитие международного предпринимательства. С ростом международной торговли и инвестиций возрастает необходи-

мость в разработке и применении международных норм и правил для регулирования деятельности предпринимателей;

- развитие электронной коммерции и цифровой экономики. С развитием Интернета и цифровых технологий возникают новые формы бизнеса и возникают новые проблемы в правовом регулировании деятельности предпринимателей;

- упрощение процедур создания и регистрации предприятий. Во многих странах существуют программы по упрощению и снижению затрат на регистрацию и создание предприятий, что способствует развитию малого и среднего бизнеса;

- развитие альтернативных форм предпринимательства. Кроме традиционных форм бизнеса, таких как индивидуальное предпринимательство или юридические лица, все большую популярность приобретают альтернативные формы предпринимательства, такие как кооперативы, сетевой маркетинг;

- расширение правовых гарантий для предпринимателей;

- развитие регулирования корпоративных отношений. В связи с увеличением количества крупных корпораций и компаний становится все важнее развитие правовых инструментов, регулирующих корпоративные отношения;

- укрепление защиты прав потребителей²;

- делегирование государственных функций на частный сектор. Позволяет снизить государственные расходы и повысить эффективность функционирования экономики;

- увеличение роли альтернативных способов разрешения споров;

- внедрение новых технологий. Современное предпринимательское право все больше ориентировано на внедрение новых технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект для облегчения бизнес-процессов и повышения эффективности предпринимательской деятельности;

- развитие правовых инструментов для борьбы с коррупцией и преступлениями в сфере бизнеса. Данные тенденции развития предпринимательского права позволяют обеспечить эффективную защиту прав и интересов предпринимателей, а также создать благоприятный климат для развития предпринимательства и экономического роста в целом.

В то же время российское правительство активно работает над улучшением нормативно-правовой базы для предпринимательства в стране. Это включает в себя инициативы по оптимизации процедур регистрации и лицензирования бизнеса, снижению административного бремени и предоставлению поддержки и стимулов для малого и среднего бизнеса.

В последние годы в России произошло несколько нововведений в правовом регулировании предпринимательства. Вот несколько примеров.

Со вступлением в силу Федерального закона от 28 июня 2022 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего

предпринимательства в Российской Федерации» условия получения поддержки для малого и среднего бизнеса стали более лояльными: состав сведений, содержащихся в едином реестре субъектов-получателей поддержки, дополнен сведениями о наименовании и реквизитах нормативного правового акта, на основании которого оказывается поддержка, подробной информацией о совершенном нарушении порядка и условий оказания поддержки.

Помимо вышеуказанных мер закон указывает и на аспект цифровизации правового регулирования предпринимательской деятельности, обязуя предпринимателей подписывать электронные документы усиленной цифровой подписью при их подаче через сайты соответствующих государственных органов³.

Упрощение регистрации бизнеса: 25 августа 2021 года вступили в силу изменения, внесенные в статью 9 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон № 129-ФЗ) Федеральным законом от 26 мая 2021 г. № 143-ФЗ. В соответствии с нововведениями нотариус, засвидетельствовавший подлинность подписи заявителя на заявлении о регистрации, обязан самостоятельно направить такое заявление и другие документы в регистрирующий орган в рамках одного нотариального действия в тот же день. В иных случаях представление документов в регистрирующий налоговый орган нотариусом возможно по просьбе заявителя. Согласно новому закону, бизнес может зарегистрироваться онлайн и получить все необходимые разрешения и лицензии в течение трех дней. Благодаря этому предпринимателям стало проще и быстрее начинать новый бизнес в стране⁴.

Введение «регуляторных песочниц»: В 2020 году был принят новый закон, позволяющий предприятиям тестировать инновационные продукты и услуги в условиях «нормативной песочницы» без необходимости соблюдать все существующие правила, что позволит предприятиям реализовывать новые идеи и технологии без риска нарушения существующих норм. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ, вступивший в силу в 2021 году, позволяет вводить экспериментальные правовые режимы (далее – ЭПР) в сфере медицины, фармацевтики и телемедицины, транспорта, сельского хозяйства, финансового рынка, онлайн-торговли, строительства, государственных и муниципальных услуг и осуществления госконтроля (надзора) и муниципального контроля, и конечно же, в сфере промышленности. Ожидается, что регуляторные песочницы позволят показать реальную востребованность технологических решений, а также помогут совершенствовать законодательство с учетом развития технологий, но без чрезмерного обременения различными ограничениями⁵.

Введение новых процедур банкротства: В 2021 году на рассмотрение в Государственную Думу был принят законопроект, предусматривающий внесение

масштабных изменений в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», упрощающий и ускоряющий процесс банкротства для предприятий. К примеру, законопроектом предложено введение реструктуризации долгов – новой процедуры, применяемой в деле о банкротстве к юридическому лицу. Данная процедура направлена на восстановление платежеспособности юридического лица, сохранение работоспособности хозяйствующего субъекта и удовлетворение требований кредиторов. В рамках законопроекта так же содержится предложение о наделении федерального органа исполнительной власти полномочиями на проведение проверки наличия признаков преднамеренного и фиктивного банкротства в отношении стратегических предприятий и организаций, государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, более 25% голосующих акций которых находится в государственной или муниципальной собственности, а также должников, имеющих на момент возбуждения дела о банкротстве задолженность по обязательным платежам свыше 100 млн руб. Законопроект предлагает закрепить на законодательном уровне новый правовой институт – институт субординации. Он предполагает, что требования владельцев бизнеса и иных лиц, контролирующих должника, считаются субординированными по отношению к требованиям иных кредиторов и будут погашаться в пятую очередь реестра требований кредиторов⁶.

В целом, эти нововведения в правовом регулировании предпринимательства в России были направлены на снижение административной нагрузки, поощрение инноваций и создание более благоприятных условий для работы бизнеса в стране.

Литература

1. Предпринимательское право: прикосновение к науке: сборник научных работ. Вып. 7 [Электронный ресурс] / отв. ред. С. Ж. Соловых, О. Н. Ермолова; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. 136 с. URL: https://www.srgoa.pf/documents/nauch_izdania/PP7V.pdf.
2. *Лаптев В. В.* Понятие предпринимательского (хозяйственного) права [Электронный ресурс] // Предпринимательское (хозяйственное) право / под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского. М., 2006. С. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-korporativnogo-prava-v-sovremennyh-usloviyah>.
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс]: Федер. закон от 28 июня 2022 г. № 197-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206280031?index=1&rangeSize=1>
4. С 25.08.2021 изменились правила подачи заявлений на регистрацию ЮЛ и ИП [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной налоговой службы, 2021.
5. *Шперлик К.* Как работают регуляторные песочницы для бизнеса [Электронный ресурс] // Журнал «Контур», 2020. URL: <https://kontur.ru/articles/5971?ysclid=lfqmrifafh735762670>
6. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Законопроект № 1172553–7 // Система обеспечения государственной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7?ysclid=lfqn02jigb985754970>

А. Г. Мамаева, Д. А. Михайленко
Студенты СФУ (г. Красноярск)
Научный руководитель: А. В. Ковалёва

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются вопросы представительства в арбитражном процессе юридических лиц за счёт участия в качестве представителя не только профессиональных юристов, но и совместно с ними технических специалистов, являющихся работниками юридических лиц и знакомыми с особенностями работы в них, значения такого представительства для арбитражного процесса, анализируются примеры рассмотрения в суде дел с участием такого представителя.

Ключевые слова: технический представитель, арбитражный процесс, организация, юридическое лицо, квалифицированный юрист, специалист, юридическое образование.

A. G. Mamaeva, D. A. Mikhailenko
Students, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
Supervisor: A.V. Kovaleva

TECHNICAL REPRESENTATIVE IN THE ARBITRATION PROCESS

The article examines the issues of representation in the arbitration process of legal entities through the participation as a representative of not only professional lawyers, but also together with them technical specialists who are employees of legal entities and familiar with the specifics of working in them, the significance of such representation for the arbitration process, as well as the analysis of examples of cases in court with the participation of such a representative.

Keywords: technical representative, arbitration process, organization, legal entity, qualified lawyer, specialist, legal education.

В арбитражном процессе существует подвид судебного представителя (назовем его «техническим» представителем), являющегося работником юридического лица и знакомого с сферой деятельности и особенностями работы в нем, но не имеющего при этом высшего юридического образования. Понятие «технический представитель» отсутствует в доктрине арбитражного процесса, поэтому попытаемся сформулировать свое определение данного понятия. Итак, техническим представителем можно назвать лицо, не имеющее высшего юридического образования, но знакомое с внутренней структурой организации (юридического лица) и особенностями ее деятельности, и ввиду этого необходимое в процессе для защиты интересов данной организации.

Норма, позволявшая представлять организацию ее работникам (либо адвокатам), закреплялась еще в статье 36 АПК 1992 года. Уже тогда закладывалась идея о профессиональном представительстве¹. Впоследствии в 2002 году его заменил новый АПК РФ, где подобная норма закреплена в статье 59 АПК РФ.

Важную роль в истории существования института технического представителя сыграло Постановление Конституционного суда от 16 июля 2004 г. № 15-П, в котором часть 5 статьи 59 АПК РФ (ныне утратила силу) фактически признавалась Конституционным судом нарушающей положения Конституции РФ (ст. 19, где закреплено равенство всех перед законом и судом) и в котором неограниченному кругу лиц была предоставлена возможность быть представителями, даже не имея высшего образования в принципе. Так были значительно расширены возможности граждан для участия в экономической правосудии, однако это было сделано в ущерб профессионализму судебных представителей, что не могло не сказаться негативно на качестве оказания юридической помощи (ввиду низкого качества непрофессионального представительства).

В пункте 3 статьи 59 действующего АПК РФ закрепляется, что представителями граждан и организаций могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

Стоит обратить внимание на Постановление Конституционного суда от 16 июля 2020 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59...»². В нем суд указал, что наличие высшего юридического образования либо ученой степени в области права, а равно адвокатского статуса, не является гарантией оказания квалифицированной помощи. Даже адвокат с высшим юридическим образованием из-за наличия определенных нюансов в каждом конкретном деле может быть недостаточно компетентным. Именно поэтому в некоторых делах гораздо важнее наличие у судебного представителя именно специального, а не юридического образования. Разумеется, здесь присутствует логика. С одной стороны, человек, проработавший много лет в одной компании, знает специфику ее деятельности, какие-то тонкости в регулировании отдельных правоотношений. Тем более, если он является специалистом в прикладных сферах (таможенное, страховое или банковское дело, антикризисное управление, бухгалтерский учет, кадастровая инженерия, строительство и т. д.). И с другой стороны, опытный адвокат, который, несмотря на все свои глубокие юридические познания, не наблюдал за этой компанией на протяжении долгого времени и самостоятельно не познал механизм, специфику ее работы. Суть заключается и в вопросе заинтересованности этих двух лиц (несомненно, у технического специалиста она – прямая, ведь речь идет о его организации). Этот вывод подтверждается и практикой судов.

Так, в Постановлении от 5 сентября 2022 г. по делу № А72-16860/2021³ интересы ПАО «Т Плюс» представляли технические специалисты, проработавшие в сфере теплоснабжения более 20 лет. Именно они на основе своего многолетнего опыта работы предупредили о том, что «единовременное включение всех котельных города и подключения всех потребителей в день начала отопительного сезона приведет к аварии».

Четвертый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 29 июня 2022 г.⁴ указал, что не любое лицо может быть допущено в арбитражный процесс, а лишь то, которое в силу специфики деятельности, выполняемых им полномочий и обязанностей, могло бы дать определенные пояснения, основываясь на своих познаниях. Это бы отнимало время судебного процесса. Но это никак не нарушает право лиц на судебную защиту и не ограничивает право выбирать любого лица в качестве представителя. Поэтому законодатель и устанавливает критерий наличия юридического образования для оказания в процессе квалифицированной юридической помощи.

Подводя итог, подчеркнем, что в тех делах, где разрешаются исключительно правовые вопросы, не требующие каких-либо специальных внутриорганизационных знаний судебных представителей об особенностях деятельности организации, пояснения каких-либо отдельных фактов и обстоятельств, а самое главное опыта, полученного в процессе работы, требуются компетентные юристы.

По нашему мнению, значение данного института заключается в повышении удобства ведения дел, особенно, для юридических лиц, которые обладают своей собственной спецификой применительно к конкретной сфере хозяйственной деятельности. В действующем АПК (ст. 59) нет императивного предписания о том, чтобы каждый из представителей имел высшее юридическое образование или ученую степень, поэтому юридическое лицо может иметь двух представителей – профессионального юриста, нанятого организацией для представительства, и сотрудника организации, который хорошо знаком с ее внутренним устройством и особенностями ее функционирования (например, если организация является промышленным предприятием, то сотрудник может разбираться в технических вопросах, необходимых для ведения дел – в функционировании тех или иных аппаратов и т. д.). Это обусловлено тем, что профессиональный юрист может не обладать достаточными знаниями в сфере деятельности данной коммерческой организации (а обладание такими знаниями может значительно повлиять на исход дела, так как эти знания используются в доказывании).

Похожий вывод закреплен в пункте 21 Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 23 декабря 2021 г. №46: в нем допускается участие в процессе наряду с адвокатами и лицами с высшим юридическим образованием в качестве представителей лиц, не имеющих такого образования либо ученой степени по юридической специальности.

Таким образом, наличие в качестве судебного представителя лица, имеющего высшее юридическое образование, необходимо, но в некоторых случаях необходимо и участие совместно с ним технического специалиста. Возможность совместного представительства интересов юридического лица или предпринимателя с участием одновременно профессионального юриста и профильного работника организации существенно повышает эффективность и качество судебной защиты. Было бы полезным также введение подобной нормы в Арбитражный и Гражданский процессуальный кодексы РФ, что может значительно способствовать упрощению гражданского судопроизводства, а также целесообразно было бы закрепить в законодательстве определение понятия «технический представитель» во избежание неточного толкования.

Литература

1. *Кузнецов А. П.* Эволюция института представительства в арбитражном процессе // Вестник Московского университета МВД России, 2020. С. 232–234.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П // Судебные и нормативные акты РФ: интернет-ресурс. URL: <https://www.consultant.ru> [дата обращения: 05.04.2023].
3. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 сентября 2022 г. по делу № А72-16860/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: интернет-ресурс. URL: <https://sudact.ru> [дата обращения: 05.04.2023].
4. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 29 июня 2022 г. по делу № А78-2437/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: интернет-ресурс. URL: <https://sudact.ru> [дата обращения: 05.04.2023].

Е. Ю. Мартянова
Канд. юрид. наук, доцент
кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ В МЕТАВСЕЛЕННОЙ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Анализируются нормативные, технологические и компетентностные предпосылки и препятствия использования метавселенной в качестве площадки для проведения судебного разбирательства.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, метавселенная, судебное заседание.

E. Y. Martyanova
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Perm State University

CONDUCTING COURT SESSIONS IN THE METAVERSE: FOREIGN LAW ENFORCEMENT EXPERIENCE

The normative, technological and competence prerequisites and obstacles to the use of the metaverse as a venue for court sessions are analyzed.

Keywords: digitalization of justice, metaverse, court session.

Цифровизация правосудия – многогранный процесс, детерминированный развитием технологического сектора. Приспособление существующих разработок в сфере IT и игровой индустрии для достижения целей судопроизводства проявляется и в создании автоматизированных систем, включая «Мой арбитр», «ГАС Правосудие», и в использовании видеоконференц-связи, систем веб-конференции (ст. 155.1, 155.2 ГПК РФ, ст. 153.1, 153.2 АПК РФ). По данным ВС РФ, в 2022 году было проведено более 350 000 судебных заседаний по видеоконференции¹.

Появление альтернативного пространства, названного метавселенной², и представляющего собой виртуальный мир, позволяющий воспроизводить в нем явления и процессы, характерные для реального мира, вызвало существенный интерес со стороны пользователей: в метавселенной проводятся презентации модных коллекций, концерты, предлагаются к приобретению виртуальные участки и иные предметы³. Широкий функциональный спектр виртуальной площадки, неограниченность круга лиц, способных одновременно находиться в одной точ-

ке метавселенной, и эффект «погруженности» пользователя получили высокую оценку со стороны зарубежных правоприменителей и послужили обоснованием для использования метавселенной в целях отправления правосудия.

Так, 23 сентября 2022 года Народным судом города Сямынь (Китай) были проведены судебные заседания в метавселенной по делам о дорожно-транспортных происшествиях⁴. 15 февраля 2023 года судом г. Магдалены (court of Magdalena) было удовлетворено ходатайство истца о проведении судебного заседания в метавселенной Horizon Workrooms⁵.

К достоинствам использования метавселенной в качестве площадки для проведения судебного разбирательства следует отнести:

- обеспечение возможности участия и одновременного присутствия на заседании всех лиц, а также слушателей, что особенно актуально при рассмотрении групповых исков, при множественности участников судебного заседания;
- возможность подключения из любой точки мира;
- ощущение эффекта интерактивности и реальности присутствия за счет использования VR-очков, что на данный момент недостижимо при использовании видеоконференц-связи, систем веб-конференции.

В качестве препятствий использования указанной технологии можно назвать:

- затруднительность идентификации участников процесса. Однако данное препятствие является потенциально преодолимым: суд г. Магдалены использовал искусственный интеллект Chat GPT для проверки личности участников с помощью регистрационных данных, кодов проверки, цифровых подписей и технологии распознавания лиц и голоса⁶;
- возможные сложности с поддержанием порядка в судебном заседании, невозможность удаления аватара участника из виртуального зала судебного заседания при нарушении им порядка. Представляется, что данная проблема может быть решена технически через предоставление такого функционала судье самой платформой;
- необходимость несения затрат участниками процесса на приобретение виртуальных очков. Например, для участия в заседании суда Магдалены участники приобретали очки Oculus Quest 2;
- недостаточность цифровых компетенций у некоторых участников процесса, представителей судейского корпуса. Данное препятствие также потенциально преодолимо путем повышения квалификации, развития цифровой культуры;
- возможность срыва судебного заседания в связи с отключением интернет-соединения, техническими помехами, блокировкой участников метавселенной, взлома аккаунтов и пр.;
- риск искажения принципов судопроизводства⁷;

– опасность «дегуманизации, увеличения неравенства и чрезмерного раскрытия данных»⁸, которая характерна и для других проявлений цифровизации.

Преломляя опыт зарубежных судов к российской правовой действительности, следует отметить, что рассмотренные метаморфозы способа организации проведения судебных заседаний невозможны без изменения нормативной канвы, объема и характеристик технологического оснащения, способного обеспечить реализацию процессуальных требований и соблюдения гарантий, а также качества цифровых компетенций.

Литература

1. В 2022 году суды провели более 350 000 заседаний по видеоконференции. URL: https://www.vsrfru/press_center/mass_media/31566/?ysclid=lhan2mo53012157695 (дата обращения: 05.05.2023).
2. Aydin A. Three-dimensional law metaverse law // International research in social, human and administrative sciences XII Chapter: 1. 2023. https://www.researchgate.net/publication/368469297_THREE-DIMENSIONAL_LAW_METAVERSE_LAW (дата обращения: 05.05.2023).
3. Hermès' Entry into the Metaverse Hails a New Era for Digital Luxury Fashion. URL: <https://jingdaily.com/hermes-trademark-application-metaverse/> (дата обращения: 05.05.2023); Virtual Concert In The Metaverse: The Future of the Musical Industry. URL: <https://www.eventx.io/blog/virtual-concert-in-the-metaverse-the-future-of-the-musical-industry> (дата обращения: 05.05.2023); How To Buy Land & Real Estate In The Metaverse. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2022/03/23/how-to-buy-land--real-estate-in-the-metaverse/?sh=265d61fb546e> (дата обращения: 05.05.2023).
4. "元宇宙+庭审+课堂教学" 厦门思明法院推动司法数字化智能化. URL: http://fj.people.com.cn/n2/2022/0923/c181466-40137243.html?_x_tr_sch=http&_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 05.05.2023).
5. Future of justice: Colombia makes history by hosting its first-ever court hearing in the metaverse. URL: <https://www.euronews.com/next/2023/03/01/future-of-justice-colombia-makes-history-by-hosting-its-first-ever-court-hearing-in-the-me> (дата обращения: 05.05.2023).
6. Metaverse Hearings Now in Session: Colombian Court Conducts First Hearing in the Metaverse. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:9le4DMhZ1CcJ:https://inter-american-law-review.law.miami.edu/metaverse-hearings-now-in-session-colombian-court-conducts-first-hearing-in-the-metaverse/&hl=ru&gl=ru&strip=1&vwsrsc=0> (дата обращения: 05.05.2023).
7. Магомедова К. К., Эфендиева Д. К. Гарантии справедливой судебной процедуры в условиях цифровизации правосудия по гражданским делам // Российский судья. 2023. № 1. С. 10–13.
8. Пайан Г. Права человека и цифровизация правосудия // Вестник гражданского процесса. 2022. № 2. С. 165–181.

А.З. Махмутова

Студент УрГЭУ (г. Екатеринбург)

Научный руководитель: А. В. Головизнин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ ПЛАНА О ФИНАНСОВОМ ОЗДОРОВЛЕНИИ БЕЗ СОГЛАСИЯ КРЕДИТОРОВ КАК НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА CRAM-DOWN

Рассматривается институт cram-down, анализируется практика его применения в РФ, выделяются преимущества и недостатки данного механизма. В заключение делается вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства в сфере банкротства.

Ключевые слова: cram-down, финансовое оздоровление, кредитор, реструктуризация, банкротство.

A. Z. Makhmutova

Student, Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

Supervisor: A. V. Goloviznin

SOME ASPECTS OF THE ADOPTION OF A PLAN OF FINANCIAL REHABILITATION WITHOUT THE CONSENT OF CREDITORS, AS THE INEVITABILITY OF THE INSTITUTION OF CRAM-DOWN

In this article the author considers the institute of cram-down, analyzes the practice of its application in the Russian Federation, highlights the advantages and disadvantages of this mechanism. The conclusion is made about the need to improve the current legislation in the field of bankruptcy.

Keywords: cram-down, financial rehabilitation, creditor, restructuring, bankruptcy.

В соответствии с пунктом 3 статьи 75 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве)¹ арбитражный суд может вынести определение о финансовом оздоровлении без учета мнения кредиторов при условии предоставления банковской гарантии в качестве обеспечения исполнения обязательств должника.

Хотелось бы отметить, что на практике зачастую встречаются случаи, когда лицом, ходатайствующим о введении финансового оздоровления не исполняются предписания, предусмотренные названной статьей, в связи с чем, суды нередко отклоняют данные ходатайства.

Также весьма затруднительным является и получение банковской гарантии, как отмечает бывший судья ВАС РФ, ныне доцент РШЧП Р. Т. Мифтахутдинов: «как позывает практика очень сложно получить такой способ обеспечения ис-

полнения обязательств, как банковская гарантия, т.к. кредитная организация попросту не желает идти на такой риск»². В связи с вышеизложенным, следует прийти к выводу о практической невозможности введения финансового оздоровления должника вопреки мнению кредиторов.

Хотя в большинстве зарубежных стран данной проблемы не возникает, так как существует, так называемый, институт *scam-down*, который означает принятие решения судом о судьбе должника в отсутствие мнения кредиторов.

В соответствии с § 1129, главой 11 Кодекса США о банкротстве³, суд может принять решение о судьбе должника вопреки решению собрания кредиторов в случае, если должник убедит суд, что в результате финансового оздоровления и исполнения данного плана кредитор «заработает» больше, чем при ликвидации должника.

Разъясним данную статью на примере: так, в деле о банкротстве должник должен 100 миллионов. Должник составляет план по оздоровлению бизнеса, согласно которому он может выплатить долг кредиторам после 5 лет 200 миллионов. Суд, осознав реалистичность данного плана, принимает решение о финансовом оздоровлении в обход мнения кредитора. Единственным условием здесь является то, что должнику надо доказать, что: кредиторы «получат» в рамках реализации плана о финансовом оздоровлении больше.

Единственное, что оценивает суд в данном случае – реалистичность плана. Например, кредиторы могут участвовать, как бизнесмены в данном плане, сделав максимально эффективным. Например, выступить с заявлением, что ремонт, который нужен должнику на оздоровление бизнеса вместо 30 тысяч (условных единиц) можно сделать за 15 тысяч (условных единиц), так как, по мнению кредиторов, это никак не отразится на функционировании бизнеса впоследствии.

Что касается последствий пандемии COVID-19 в РФ в качестве мер по оздоровлению бизнеса во время пандемии была введена статья 9.1 Закона о банкротстве, которая помимо прочего содержит в себе новый экспериментальный для российского права институт судебной рассрочки, который уже успел именоваться как первая *scam-down* организация в России.

Так, судебная рассрочка по пункту 3 статьи 9.1 Закона о банкротстве может быть предоставлена юридическим лицам и ИП, на которых распространяется мораторий на банкротство, а также, если данными лицами подано заявление о признании себя банкротом.

В следующем пункте данной нормы рассматриваются условия и порядок предоставления судебной рассрочки должнику. Согласно данным приведенным в едином федеральном реестре юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности⁴ на 15 сентября 2020 г., институтом судебной

рассрочки сумели воспользоваться в 246 случаях, среди которых 151 юридическое лицо и 95 индивидуальных предпринимателей.

Причем *сram-down* следует отличать от мирового соглашения, поскольку план реструктуризации принимается путем голосования кредиторов (ст. 213.16 Закона о банкротстве), при этом воля и мнение арбитражного управляющего не имеет значения, его интересы не учитываются, т.к. выполнение должником условий, изложенных в пункте 3.1 статьи 9.1 Закона о банкротстве, дают ему в суде гарантию на утверждение соответствующей реабилитационной процедуры. В мировом же соглашении арбитражный управляющий выступает его подписантом, если это, например, конкурсное производство, соответственно, отсутствие его подписи влечет и недействительность такого соглашения. Также мировое соглашение прекращает дело о банкротстве в отличие от реструктуризации.

На наш взгляд, *сram-down* ограничивает допущение злоупотреблений со стороны кредиторов, которые выступают против потенциально осуществимого плана финансового оздоровления. Весьма важным аргументом в поддержку этого считается, что кредиторы нередко используют институт банкротства с целью ликвидации другой компании. К тому же для рыночной экономики важно, чтобы лицо продолжало вести хозяйственную деятельность, а в случае признания юридического лица банкротом, как мы знаем, последствием является его ликвидация. Также значительным преимуществом *сram-down* является то, что при его практике роль судьи в принятии решения сводится к минимуму, ему попросту следует осуществить выбор наиболее обоснованной позиции, которая максимально раскрыта и аргументирована.

При этом основной проблемой при применении процедуры реструктуризации является срок осуществления плана, который по статье 213.14 Закона о банкротстве не может превышать трех лет, в то время как некоторые положения предусматривают еще более короткий срок – два года. В результате увеличивается денежная стоимость ежемесячных платежей, при этом не учитывается доход должника и его возможность выплачивать требуемую сумму. Этот пример показывает, что трехлетний срок может оказаться губительным для граждан и нанести значительный ущерб – лишить их имущества из-за финансового долга. Зарубежная практика свидетельствует о том, что в подобных процессах, где сроки больше соответствуют аспекту финансового оздоровления, ситуация совершенно иная. Например, Республика Корея может похвастаться десятилетним сроком реструктуризации, в то время как канадское законодательство вообще не предусматривает таких сроков⁵.

Рассмотрим примеры, связанные с понуждением должника к заключению плана реструктуризации на его условиях. Так, должник представил план реструктуризации собранию кредиторов, которыми он одобрен не был. Поэтому суд в данном деле оценивал условия плана, исходя из требований должника, «эконо-

мики» плана. По итогу суд определение оставил без изменения, ведь утверждение плана реструктуризации долгов соответствует целям института банкротства, способствует соблюдению баланса интересов должника и его кредитора⁶.

Перейдем теперь к «зеркальной» практике, где кредиторы заставили должника прибегнуть к плану реструктуризации. Например, определением суда изначально было удовлетворено ходатайство об утверждении плана реструктуризации долгов гражданина в редакции банка, однако в итоге оно отменилось. Поскольку у должника отсутствовал реальный источник дохода для исполнения ежемесячного долга⁷.

Таким образом, Закон о банкротстве является достаточно полным и четко определяющим действия на каждом этапе реструктуризации, в то же время законодателю необходимо увеличить срок для удовлетворения требований кредиторов, например, с трех до пяти или более лет, ипотечные обязательства – до 15 лет. Это позволит улучшить законодательную базу и предотвратить дальнейшие проблемы с данными положениями и обязательствами.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43, ст. 4190.
2. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве: научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 / Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу, 2020. № 9, Спец. выпуск. С. 105.
3. 11 U.S. Code Chapter 11 – §1129. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/chapter-11> (дата обращения: 14.05.2023).
4. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: <https://fedresurs.ru/possibilities> (дата обращения: 14.05.2023).
5. Юсупов И. И. Реструктуризация долгов гражданина по делам о банкротстве / И. И. Юсупов // Актуальные вопросы современной науки и образования: сб. статей VII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч., Пенза, 10 января 2021 года. Ч. 2. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. С. 50–53.
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 4 мая 2022 г. № Ф09-1700/22 по делу № А60-63762/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=239064#9MYIFeTae6sQCSb21> (дата обращения: 14.05.2023)
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 мая 2022 г. № Ф07-3046/2022 по делу № А56-90328/2020. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=263444#NhrWFeToBFD0Qvgr> (дата обращения: 14.05.2023)

Н. О. Мельников
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Сятчихин

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В РОССИИ

Рассматривается вопрос зарождения и развития досудебного порядка урегулирования споров в России, а также формы и виды досудебного урегулирования споров, существующие в современном российском законодательстве. Разработка механизмов дальнейшего совершенствования института досудебного урегулирования споров требует тщательного анализа исторической практики его становления и развития.

Ключевые слова: досудебный порядок, урегулирование споров, претензия, медиация, СССР, дореволюционный.

N. O. Melnikov
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

FEATURES OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF PRE-TRIAL DISPUTE SETTLEMENT IN RUSSIA

The issue of the origin and development of the pre-trial dispute settlement procedure in Russia, as well as the forms and types of pre-trial dispute settlement existing in modern Russian legislation, is considered. The development of mechanisms for further improvement of the institute of pre-trial dispute settlement requires a thorough analysis of the historical practice of its formation and development.

Keywords: pre-trial procedure, dispute settlement, claim, mediation, USSR, pre-revolutionary.

Российскому законодательству досудебное урегулирование споров известно с глубокой древности. Как отмечает А. С. Хищенко, урегулирование разного рода правовых конфликтов посредством заключения мирового соглашения, именуемого в документах различных периодов как «миролюбное соглашение», «мировая запись», «мировой ряд» и т.д., является наиболее древним правовым обычаем на территории российского государства¹. «Миролюбные соглашения» и иные мировые решения посреднического характера являлись одними из наиболее распространенных источников обычного права. При этом сходство, например, «мирового ряда» с современной медиацией заключается, как отмечает В. В. Астапова, во внесудебном характере, а также привлечении посредников, чтобы стороны могли договориться об условиях разрешения правового кон-

фликта. Помимо этого, соглашение сторон, содержащее условия разрешения правового конфликта, оформлялось особой грамотой, что также роднит «мировой ряд» с медиацией².

Позже отдельные нормы, в той или иной степени касающиеся досудебного урегулирования споров посредством примирительных процедур, фигурировали в Русской правде, относящейся к XII веку. Так, согласно статье 1 Русской правды, «...если свободный убьет свободного, то мстить могут брат за брата, сын за отца, либо племянники; а если не захотят мстить, то должны заплатить 40 гривен за голову...»³. Данная норма, хотя и касается уголовно-правовых отношений, все же, как нам представляется, являет собой пример, демонстрирующий существовавшую в то время возможность решить спор мирным путем, не прибегая к помощи судебных органов. Тем более, к тому моменту прообразы примирительных процедур уже продолжительное время применялись на практике в рамках обычного права. В свою очередь, Новгородская берестяная грамота, относящаяся к концу XIII – началу XIV вв., содержала первое в российском законодательстве упоминание института мирового соглашения, причем, заключенного за пределами официальной судебной процедуры, поэтому его можно относить к досудебным способам урегулирования споров. Причем, как отмечает Е. А. Чегодаева, в тексте используются понятия «урядиться» и «смолвити», которые, как вытекает из Псковской судной грамоты конца XV в., означают заключение мировой записи, составленной в присутствии свидетелей⁴. Стоит заметить, что в более поздние периоды развития российского государства досудебное урегулирование споров продолжало существовать в законодательстве. Яркими примерами указанного обстоятельства являются Судебник 1497 г. (ст. 4, 5, 53)⁵, а также Соборное Уложение 1649 г. (ст. 121)⁶, которое, что немаловажно, устанавливало возможность формирования конфликтующими сторонами третейского суда, решение которого по своей юридической силе являлось тождественным решению обычного суда.

В начале XVIII в., в период петровских преобразований, в институте примирительных процедур уже вполне определенно сложились две основные формы достижения мира между сторонами спора: мировое соглашение и посредничество⁷. Впоследствии досудебное урегулирование споров получило еще более четкое закрепление в российском законодательстве. В частности, как отмечают В.А. Галицкая и К.В. Казарян, в 1775 г. были учреждены совестные суды, рассматривавшие гражданские дела в порядке примирительной процедуры⁸, если стороны достигали соглашения, то суд скреплял их примирение печатью. Если же примирение сторонами не было достигнуто, производство по делу в совестном суде прекращалось, однако стороны имели возможность обратиться для разрешения спора в общие суды.

Несколько позже, в 1832 г., были учреждены коммерческие суды, деятельность которых заключалась в применении досудебных процедур между участни-

ками торгового оборота, и это событие является предпосылкой сегодняшних примирительных процедур, применяемых в арбитражном процессе. Коммерческие суды действовали на основе Устава гражданского судопроизводства и Устава торгового судопроизводства, входивших в Свод законов Российской империи. Так, в составе Устава гражданского судопроизводства был специальный раздел, посвященный примирительному разбирательству и включавший в себя главы о мировых сделках (ст. 1357–1366) и о третейском суде (ст. 1367–1400). Иными словами, в данном нормативном правовом акте с процессуальной точки зрения, официально, существовало уже две примирительные процедуры – третейская процедура и заключение мирового соглашения.

Еще более детальной правовая регламентация досудебного урегулирования споров в российском законодательстве стала в 1864 г., когда была проведена судебная реформа. Устав гражданского судопроизводства 1864 г., а также Устав коммерческого судопроизводства 1864 г.⁹ содержали целый перечень положений, регулирующих примирительное разбирательство. Что же касается претензионного порядка урегулирования споров, то его не было вплоть до образования советского государства, он встречался лишь эпизодически, в отдельных нормативных правовых актах материального права.

Правовая регламентация досудебного урегулирования споров существенно изменилась в советское время, что было связано с трансформацией государства, экономических отношений и т. д. Как отмечает А. С. Хищенко¹, произошедшая вследствие изменения отношения к собственности ликвидация системы торгового судопроизводства, ориентированного на применение досудебного порядка, фактически повлекла за собой упразднение демократических начал материального и процессуального права, включая диспозитивность, мировые соглашения и т. д. Иными словами, как отмечает Д. Е. Михель, с образованием советского государства, отличавшегося особенной концепцией социально-экономического развития, примирительные процедуры оказались не востребованными¹⁰. Исключение, по большей части, составляло мировое соглашение, возможность заключения которого подразумевалась в ГПК РСФСР 1923 г. (ст. 382–388)¹¹, а также в ГПК РСФСР 1964 г. (ст. 293)¹² Допускалось заключение мирового соглашения и в арбитражном процессе, что следует, в частности, из Правил производства дел в Высшей Арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороне и местных арбитражных судов 1923 г.¹³ и ряда иных нормативных актов. Тем не менее, если примирительные процедуры как вариант досудебного урегулирования споров советским законодательством, в отличие от дореволюционного, фактически не признавалась, то соблюдение претензионного порядка до обращения в судебные органы являлось обязательным на протяжении почти всего существования советского государства. В частности, указания на досудебное урегулирование конфликта содержались в Положении об органах государственного арбитража

1931 г. и Правилах рассмотрения ими споров 1934г. Согласно данным нормативным правовым актам, истец при обращении в суд обязан был приложить материалы, подтверждающие принятие мер для непосредственного урегулирования спора. Аналогичные требования, только гораздо более разработанные, формализованные впоследствии нашли отражение в Положении о государственной арбитражной комиссии при Совете Министров СССР 1960 г.¹⁴ Это было связано с тем, что в 1960-е гг. в Госарбитраж поступало огромное количество споров, которые конфликтующие стороны могли бы урегулировать самостоятельно. Если сторонами не был соблюден претензионный порядок, то арбитраж отказывал в приеме иска. Кроме того, если заявление подавалось без приложенных к нему материалов, доказывающих соблюдение претензионного порядка, оно оставалось без движения.

Стоит заметить, что данный порядок был несколько усовершенствован позже, в Постановлении Совета Министров СССР от 17 октября 1973 г. № 758, которым было утверждено Положение «о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями и урегулирования разногласий по хозяйственным договорам». Но в целом порядок оставался прежним, зародившимся в 1930-е гг. и окончательно оформившимся в 1960-е гг. Таким образом, в советский период законодатель делал акцент уже не на примирительных процедурах, а на обязательном претензионном порядке как условии последующего обращения в суд, в частности в Госарбитраж. Соответственно, советское законодательство в данной сфере было противоположностью дореволюционному, что вполне закономерно, учитывая различные общественные реалии.

Достаточно интересным и насыщенным в плане становления и истории досудебного урегулирования споров является и постсоветский период. Более того, данный период, как нам представляется, является уникальным. Он вобрал в себя черты и элементы правового регулирования, существовавшие в дореволюционный и советский период, и синтезировал их. Что касается претензионного порядка урегулирования споров, то здесь отправной точкой в постсоветский период стало Положение о претензионном порядке урегулирования споров 1992 г. Оно, как отмечает М. А. Волкова, обладало ключевым значением для формирования досудебного урегулирования, однако составляющие его положения были весьма лаконичными. В частности, в нем отсутствовали цели и задачи досудебного порядка, однако в то же время содержалось множество положений технического характера¹⁵. Указанный нормативный правовой акт утратил силу с принятием в 1995 г. АПК РФ, который фактически отменил обязательность досудебного порядка урегулирования споров в экономической сфере. Аналогичная ситуация имела место и в гражданском процессуальном законодательстве.

Новый этап развития процедуры досудебного урегулирования наступил с принятием в 2002 г. новых, действующих в настоящее время, АПК РФ и ГПК РФ. В соответствии с частью 3 статьи 132 ГПК РФ, к исковому заявлению должны быть приложены документы, свидетельствующие о соблюдении обязательной досудебной процедуры, если ее обязательность в конкретном случае установлена законодательством¹⁶. Подобная норма содержится и в пункте 7 части 1 статьи 126 АПК РФ, в соответствии с которой к иску должны прилагаться документы, подтверждающие соблюдение истцом претензионного или иного досудебного порядка, за исключением случаев, если его соблюдение не предусмотрено федеральным законом¹⁷. Если речь идет о претензии, то, как утверждает Е. В. Любимова, она должна содержать обстоятельства, на которых основаны требования к должнику и сформулированные требования к должнику, иначе документ не будет признан претензией¹⁸. Что же касается иных способов досудебного урегулирования споров, то в настоящее время и АПК РФ, и ГПК РФ предусматривают множество таких способов, допуская их применение и, более того, делая акцент на его приоритетности. В частности, согласно части 2 статьи 138 АПК РФ¹⁶, стороны вправе прибегнуть к примирительным процедурам для урегулирования возникшего между ними спора.

Современный этап развития досудебного урегулирования споров в российском законодательстве характеризуется как наличием дореволюционных, так и советских черт. Советской чертой, безусловно, является вступившая в силу в 2016 г. норма, согласно которой обращению в суд первой инстанции для подачи искового заявления в обязательном порядке должен предшествовать претензионный порядок досудебного урегулирования спора. Однако в современном российском законодательстве допускаются и другие формы, под которыми понимаются, прежде всего, примирительные процедуры, включая медиацию, третейское разбирательство и т.д. Указанное обстоятельство роднит современное законодательство в данной сфере с дореволюционным, в рамках которого примирительным процедурам уделялось достаточно большое значение.

Таким образом, в российском законодательстве институт досудебного урегулирования споров прошел довольно продолжительный путь становления и развития. Формы и виды досудебного урегулирования споров менялись и совершенствовались, подстраиваясь под реалии меняющегося общества. в постсоветский период становления и развития института досудебного урегулирования споров данный институт стал поистине уникальным и эффективным, поскольку вобрал в себя как дореволюционные, так и советские черты. Соответственно, можно заключить, что российское законодательство в сфере регламентации досудебного урегулирования споров отличается большой степенью преемственности, что весьма немаловажно.

Литература

1. *Хищенко А. С.* Примирительные процедуры в процессе правового регулирования: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 43.
2. *Астапова В. В.* История становления института посредничества в России // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2016. № 15. С. 198.
3. Русская правда. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html>. (дата обращения: 10.05.2023).
4. *Чегодаева Е.А.* Эволюция примирительных процедур в России: историко-правовой аспект. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/20590/1/Chegodaeva_Evolution.pdf (дата обращения: 20.02.2023).
5. Судебник 1497 г. URL: <https://www.prlib.ru/item/372569>. (дата обращения: 11.05.2023).
6. Соборное уложение 1649 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>. (дата обращения: 11.05.2023).
7. *Мельник С. В., Ломовская А. В.* История развития примирительных процедур // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2019. № 2. С. 85.
8. *Галицкая В. А., Казарян К. В.* Институт примирительных процедур в России: история становления и развития // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 1. С. 153.
9. Судебные уставы 1864 г. URL: <https://www.prlib.ru/section/683295>. (дата обращения: 03.05.2023).
10. *Михель Д. Е.* Ретроспективный взгляд на развитие примирительных процедур в России // Философия права. 2014. № 4 (65). С. 52.
11. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44189#06594206939260197>. (дата обращения: 22.04.2023).
12. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. URL: <https://zakonbase.ru/content/base/11>. (дата обращения: 22.04.2023).
13. Правила производства дел в Высшей Арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороне и местных арбитражных судов 1923 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3811#08789607916163176>. (дата обращения: 03.05.2023).
14. Положение о государственной арбитражной комиссии при Совете Министров СССР 1960 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3811#08789607916163176>. (дата обращения: 03.05.2023).
15. *Волкова М. А.* История развития претензионного порядка урегулирования споров // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве / Сборник материалов Международной научно-практической конференции 26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Очередыко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». СПб.: Астерион, 2019. С. 70.
16. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. . законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.
17. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. . законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.
18. *Любимова Е. В.* Сторона спора как критерий предметной подсудности // Эволюция российского права: тезисы докладов XIV Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 28–29 апреля 2016 г.) / Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург, 2018. с. 836–839.

ВЗЫСКАНИЕ УБЫТКОВ С ДИРЕКТОРА ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА К НАЛОГОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Анализируется судебная практика по взысканию убытков с директора юридического лица, возникших при привлечении юридического лица к налоговой ответственности, рассматриваются особенности и проблемы данной категории споров.

Ключевые слова: ответственность, убытки, недоимки, штрафы, пени.

S. F. Minenko
Student, Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation (Moscow)

RECOVERY OF LOSSES FROM THE DIRECTOR WHEN BRINGING A LEGAL ENTITY TO TAX LIABILITY

The article analyzes judicial practice on recovery of losses from the director of a legal entity that arose when bringing a legal entity to tax liability, discusses the features and problems of this category of disputes.

Keywords: liability, losses, arrears, fines, penalties.

В соответствии с Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 (далее – Постановление № 62), в случае привлечения юридического лица к налоговой ответственности по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора понесенные в результате этого убытки юридического лица могут быть взысканы с директора. Из данного разъяснения можно сделать вывод, что на директора фактически может быть переложена обязанность по уплате налогов (недоимки) и налоговых санкций (штрафы и пени).

При этом указанное положение Постановления № 62 (и сама возможность взыскания убытков с директора в пользу юридического лица по данному основанию) подвергается критике в литературе. Так, О. В. Гутников отмечает, что таким образом нарушается принцип отделения, а также размывается грань между публично-правовой ответственностью юридического лица и гражданско-правовой ответственностью директора за свои действия, связанные с управлением юридическим лицом¹.

По общему правилу, в качестве убытков при привлечении юридического лица к налоговой ответственности с директора взыскиваются суммы налоговых

санкций (штрафы и пени)². По данной категории дел неправомерные действия директора (нарушение обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно) выражаются в занижении налоговой базы и ненадлежащем исполнении публично-правовых обязанностей по уплате обязательных платежей (в том числе нарушении сроков оплаты), которые повлекли за собой возникновение для юридического лица дополнительной обязанности по уплате штрафов и начисленных пеней³. На наш взгляд, взыскание с директора налоговых санкций (штрафов и пеней), которые уплатило юридическое лицо в связи с противоправным поведением своего руководителя, кажется обоснованным – посредством этого компенсируются имущественные потери юридического лица. При должном исполнении директором своих обязанностей соответствующие неблагоприятные последствия в виде возникновения убытков не возникли бы.

В судебной практике можно встретить редкие случаи, когда с директора в качестве убытков вместе с налоговыми санкциями взыскивается сумма недоимки⁴. С таким подходом судов нельзя согласиться.

Недоимка по своей правовой природе не является налоговой санкцией. Статья 11 Налогового кодекса Российской Федерации дает определение недоимки – это сумма налога или сумма сбора, не уплаченная в установленный законодательством о налогах и сборах срок. Юридическое лицо в любом случае обязано оплатить недоимку, так как она является обязательным налоговым платежом и в любом случае подлежит уплате налогоплательщиком (юридическим лицом) независимо от действий его руководителя. Уплата обществом законно установленных налогов не может рассматриваться как нарушение прав и интересов юридического лица. Таким образом, уплата недоимки юридическим лицом при привлечении его к налоговой ответственности вследствие действий директора не является убытками по смыслу статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации. В обратном случае на директора перекладывается обязанность по уплате налогов вместо юридического лица. Указанная позиция также подтверждается Постановлением Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П.

В судебной практике можно встретить следующие случаи отказа в удовлетворении требований о взыскании убытков с директора:

Во-первых, суды отказал в удовлетворении требований на основании разъяснения, содержащегося в пункте 4 Постановления № 62, в соответствии с которым директор может представить доказательства того, что квалификация действий (бездействия) юридического лица в качестве правонарушения на момент их совершения не являлась очевидной, в том числе по причине отсутствия единообразия в применении законодательства налоговыми, таможенными и иными органами⁵. При этом А. В. Кузнецов отмечает, что директор должен действительно проанализировать судебную и административную практику, в противном случае нельзя утверждать, что он действовал разумно⁶.

Во-вторых, в привлечении юридического лица к налоговой ответственности отсутствовала вина директора⁷, а равно не были доказаны наличие у директора умысла на неуплату обществом налогов, факт совершения им недобросовестных действий не в интересах общества⁸.

В-третьих, суд отказал в удовлетворении требования по причине того, что неуплата налога была вызвана отсутствием у организации денежных средств, в том числе в связи с ненадлежащим исполнением контрагентами обязательств по оплате выполненных работ⁹.

В-четвертых, при отказе в удовлетворении требований суд указал, что само наличие решения налогового органа о привлечении юридического лица к ответственности не является доказательством вины его руководителя в причинении юридическому лицу ущерба¹⁰. При этом можно встретить противоположные позиции, где вина директора выводится из самого факта привлечения к ответственности управляемого им юридического лица¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время судебная практика по взысканию убытков с директора в пользу юридического лица, возникших в связи с привлечением управляемого им юридического лица к налоговой ответственности, является крайне неоднородной и противоречивой. Устранение указанных нарушений в судебной практике, по нашему мнению, возможно после соответствующих разъяснений высших судебных инстанций.

Литература

1. Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография // ИЗИСП, КОНТРАКТ, с. 233–234.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 сент. 2022 г. № Ф05-21142/2022 по делу № А41-64372/2021.
3. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 1 марта 2016 г. № Ф02-7647/2015 по делу № А78-6413/2013.
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 сент. 2019 г. № Ф09-5128/19 по делу № А76-16015/2018.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11 авг. 2022 г. № Ф08-7255/2022 по делу № А53-12158/2021
6. Кузнецов А. А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10. С. 13–14.
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 марта 2023 г. № Ф06-28288/2022 по делу № А65-1633/2021.
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 июня 2020 г. № Ф01-8935/2020 по делу № А29-14182/2018.
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 мая 2018 г. № Ф03-1803/2018 по делу № А04-7151/2016.
10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15 февр. 2019 г. № Ф01-6967/2018 по делу № А43-8828/2018.
11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 марта 2023 г. № Ф06-28290/2022 по делу № А65-27540/2021.

А. Н. Михалева

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Е. В. Аристов

КОНСУЛЬТАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТА КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Рассматривается понятие и содержание заключение эксперта и специалиста, необходимость включение заключения специалиста в перечень доказательств в гражданский процессуальный кодекс.

Ключевые слова: заключение эксперта, заключение специалиста, роль специалиста.

A. N. Mikhaleva

Student, Perm State University

Supervisor: E.V. Aristov

THE ROLE OF THE SPECIALIST IN THE EXPERT'S CONCLUSION

The article discusses the concept and content of an expert's and specialist's opinion, the need to include a specialist's opinion in the list of evidence in the civil procedure code.

Keywords: expert's opinion, specialist's opinion, specialist's role.

В связи с технологическим прогрессом в мире, произошло усложнение общественных отношений, в результате чего специальные познания в области науки и цифровизации необходимы как для фиксации юридических фактов, так и в случае возникновения конфликта – для разрешения споров. В настоящее время в судах все чаще прибегают к привлечению в процесс специалиста и эксперта, которые по классификации субъектов гражданских процессуальных правоотношений в текстах современных учебных изданий относятся к лицам, содействующим правосудию.

Процессуальное положение эксперта в гражданском процессе более детализировано, чем у специалиста, поэтому доказательством выступает заключение эксперта, также показания эксперта, полученные в судебном заседании. Эксперт — это лицо обладающий специальными знаниями и назначенный судом, либо руководителем учреждения для дачи заключения.

Заключение эксперта представляет собой источник, на основе которого можно установить или опровергнуть факты, имеющие значение для дела. Выражено в письменной форме, в виде ответов на поставленные судом или участниками процесса вопросы, выступает как средство доказывания, которое формиру-

ется при анализе обстоятельств, субъектами (экспертами) обладающими специальными знаниями в области науки, ремесла, искусства, техники¹.

Заключение состоит из трех частей: вводной, исследовательской, синтезирующей.

В вводной части указываются данные о деле, наименование об экспертном учреждении, данные об эксперте, точная дата и время начала и окончания исследования, основание, информация об органе назначивший экспертизу, перечень принятых материалов иных объектов исследования, их характеристика, род и вид экспертизы.

Исследовательская часть включает: описание материалов исследования, информация о применяемых методах, применяемые технические средства, отражаются этапы экспертизы, полученные результаты. То есть в данной части отражаются все действия совершаемые над объектом исследования, также принято отображать все этапы в форме таблицы.

Заключительная часть представляет собой синтез всего проведенного исследования, обобщенное мнение всех экспертов и формирование общего вывода, ответов на поставленные вопросы, эксперт также может выходить за рамки поставленных вопросов в случаях, если считает, что выявленные особенности будут иметь значение при рассмотрении и разрешения дела. Также при комиссионной экспертизе, если мнение одного эксперта не будет совпадать с мнениями других, он может указать свои выводы отдельно².

Согласно статье 188 ГПК РФ специалистом называют лицо обладающие профессиональными знаниями, которое выполняет две задачи: консультация и пояснения; техническая помощь (фотографирование, составление планов, схем, отбор образцов для экспертизы, оценка имущества). Перечень остается закрытым. В отличие от УПК РФ, где есть определение понятию «заключение специалиста», как письменному документу, где фиксируются суждения специалиста по поставленным вопросам, в ГПК РФ же отсутствует данная форма³.

Стоит заметить и тот факт, что заключение специалиста согласно статье 74 УПК является самостоятельным доказательством в отличии от гражданского процесса. Деятельность специалиста в гражданском судопроизводстве несет не менее важный характер чем в уголовном или арбитражном процессе.

В уголовном процессе согласно статье 58 специалиста привлекают для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию⁴. В арбитражном процессе осуществляет консультационный характер.

То есть понятие заключение специалиста существуют лишь в уголовном производстве и многие путают и употребляют данное понятие к гражданскому и

арбитражному процессу, в последнем применяется термин консультация специалиста. Характерной похожей чертой специалиста и эксперта является отнесения в гражданском процессе к группе лиц, оказывающее содействие в осуществление правосудия, а также лица имеющие знания, профессиональные и специальные, что в большинстве случаях отождествляют.

Судья может не прибегать к помощи специалиста, к примеру при оценке заключения эксперта, но в случаях, когда компетентность эксперта вызывает сомнение, то суд может получить консультацию специалиста или назначить повторную экспертизу. В данной ситуации есть минусы, в частности: при назначении повторной экспертизы может быть вынесено определение о приостановлении, из-за чего разбирательство затягивается, а также встает вопрос о распределении расходов, связанных с экспертизой⁵.

Повышение значимости фигуры специалиста в гражданском процессе, способствовало решению многих проблем, а также увеличило эффективность производства. В частности, стоит привлекать специалиста при определении круга вопросов эксперту, так как стороны, судья, не могут полноценно разбираться в том или ином виде экспертизы. Конечно, стороны могут прибегать к шаблонным вопросам, но нет абсолютно аналогичных ситуаций в жизни, в связи с этим задачи могут существенно различаться, что приведет к двусмысленному толкованию и не однозначному результату. Также необходимы консультации специалиста для судей, которые также не в силах разбираться во всех сферах жизни⁶.

При не правильной постановке вопроса, в определении о назначении экспертизы нельзя обжаловать (на определение можно подать частную жалобу только в части приостановления производства и распределения судебных расходов). Таким образом, посредством консультаций специалиста, существовала бы возможность оперативно подтвердить или опровергнуть корректность вопросов, направленных эксперту, что сэкономит временные и финансовые ресурсы. Стоит отметить, что ГПК РФ предусматривает, как устную, так и письменную форму консультаций специалиста.

Также консультации специалиста можно было бы использовать при оценке заключения эксперта, в частности проведение проверки правильности выбора методик при данном виде исследования, так как разные методы могут привести к разным выводам и человек не обладающий специальными знаниями, не в состоянии определить необходимость тех или иных методов, т. е. это направлено на определении критерия достоверности самого заключения⁷.

В связи изложенным можно сделать вывод о необходимости более детальной разработки письменных показаний специалиста, основанной на методе сравнительного правоведения в сфере регулирования процессуальных правоотношений.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Российская газета. 2002. №220.
2. *Сорокотягин И. Н. Сорокотягина Д. А.* Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов / М.: Изд-во Юрайт, 2023. 288 с.
3. *Галлямова К. Р.* Эксперт и специалист в гражданском судопроизводстве: проблемы разграничения процессуального статуса // Вопросы российской юстиции. 2020. Вып. 7. С. 606–617.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Российская газета. 2001. №249.
5. *Магафуров И. Р.* Оценка заключения эксперта в гражданском процессе // Евразийский научный журнал. 2015. Вып.12. С. 156–158.
6. *Зайцева Е.М.* Некоторые проблемы назначения судебной экспертизы по гражданским делам // Наука, образование и культура. 2019. Вып. 4(38). С. 44–46.
7. *Красноженова Е. Г. Петракова А. И.* Оценка заключения эксперта в гражданском процессе // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие»: материалы Международной научно-методической конференции и Международной студенческой научной конференции. Санкт-Петербург, 29 марта 2020 г.. 2020. С. 227–231.

ПОДСУДНОСТЬ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЗАКОНАХ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Проводится анализ норм института подсудности потребительских споров в законодательстве о защите прав потребителей государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Делается вывод о необходимости дальнейшей гармонизации положений о подсудности дел о защите прав потребителей в национальных законах государств-членов ЕАЭС.

Ключевые слова: защита прав потребителей; подсудность; ЕАЭС, гармонизация, законодательство

K. I. Mokhova
Student, St. Petersburg State University

JUDGMENT OF CASES ON CONSUMER RIGHTS PROTECTION IN THE LAWS OF THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS

The analysis of the norms of the institute of jurisdiction of consumer disputes in the legislation on the protection of consumer rights of the member states of the Eurasian Economic Union (the EAEU) is carried out. It is concluded that it is necessary to further harmonize the provisions on the jurisdiction of consumer protection cases in the national laws of the EAEU member states.

Key words: consumer rights protection; jurisdiction; EAEU, harmonization, legislation.

В ЕАЭС развитием механизмов реализации согласованной политики в сфере защиты прав потребителей занимается Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК, Комиссия) – постоянно действующий наднациональный орган Союза. В полномочия ЕЭК входит выработка рекомендаций для государств-членов по реализации согласованной политики в сфере защиты прав потребителей.

Во всех государствах-членах создана необходимая правовая и институциональная база по защите прав потребителей, действуют и постоянно совершенствуются законы о защите прав потребителей и иные правовые акты, регламентирующие потребительские отношения.

Действующее национальное законодательство о защите прав потребителей предоставляет существенные гарантии соблюдения прав и законных интересов лиц, приобретающих товары, работы или услуги исключительно для личного

пользования. К числу таких гарантий относится альтернативная подсудность споров по делам о защите прав потребителей, обеспечивающая дополнительные правовые возможности защиты своих прав и законных интересов потребителям по сравнению с иными субъектами гражданско-правовых отношений.

Статья 60 Договора о Евразийском экономическом союзе закрепляет положение, в соответствии с которым права потребителей и их защита гарантируются законодательством государств-членов о защите прав потребителей, а также Договором. При этом, учитывая полномочия Евразийской экономической комиссии, закрепленные Договором в данной сфере, определение прав потребителей и установление механизмов их защиты отнесено к национальной компетенции. Кроме того, одной из целей Программы совместных действий государств-членов ЕАЭС в сфере защиты прав потребителей №12 от 21 июня 2022 г. является гармонизация потребительского законодательства государств-членов.

В законодательстве Российской Федерации нормы о подсудности дел по защите прав потребителей содержатся в Законе Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 05.12.2022). Согласно Закону иски по данной категории дел могут предъявляться истцом в суд по его месту жительства или пребывания, либо по месту заключения или исполнения договора, либо по месту нахождения организации (ее филиала или представительства) или по месту жительства ответчика, являющегося индивидуальным предпринимателем. Стоит отметить, что из всех государств-членов ЕАЭС только Российская Федерация закрепила специальные правила подсудности именно в законе о защите прав потребителей. Остальные государства-члены либо имеют отсылочные нормы в своих законах о защите прав потребителей к положениям гражданского и гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) о подсудности дел по таким спорам, либо вообще не содержат ни отсылочных, ни специальных норм по данной категории дел.

Так, например, Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-3 «О защите прав потребителей» (с изм. и доп. по состоянию на 05.01.2022) не содержит специальных норм о подсудности. Специальная норма содержится в части 12 статьи 47 ГПК Республики Беларусь (с изм. и доп. по состоянию на 27.05.2021): «Иск о защите прав потребителя может быть предъявлен по месту жительства или нахождения истца либо по месту исполнения договора или по месту причинения вреда».

Аналогичная ситуация в законодательстве Республики Казахстан и Кыргызской Республики. Нормы специальной подсудности содержатся не в законах о защите прав потребителей, а в гражданских процессуальных кодексах Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 08.04.2023) и Кыргызской Республики (ред. от 11.04.2023). При этом специальные нормы этих государств схожи по

содержанию: «иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по месту жительства истца либо по месту заключения или исполнения договора».

Отдельно стоит отметить законодательство о защите прав потребителей Республики Армения. В Законе Республики Армения от 26 июля 2001 г. № ЗР-197 «О защите прав потребителей» (ред. от 13.12.2022) отсутствуют нормы подсудности по потребительским спорам. Более того, отсутствует специальная норма о подсудности дел о защите прав потребителей и в Гражданском процессуальном кодексе. Согласно Кодексу защита прав потребителей осуществляется органами местного самоуправления и общественными организациями в соответствии с законодательством Республики Армения.

Проведенное сравнение позволяет сделать следующие выводы.

В законодательствах государств-членов ЕАЭС отсутствует единый подход к определению подсудности по делам о защите прав потребителей. В большинстве государств-членов предусмотрены правила об альтернативной подсудности по потребительским спорам, однако в содержательном аспекте положения различаются. Наиболее широкий перечень возможностей предусмотрен в законодательстве России. Учет этого при совершенствовании национальных законов о защите прав потребителей будет способствовать гармонизации потребительских законодательств государств-членов ЕАЭС, создаст условия для формирования единого правового пространства.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023).
2. Макарова О. А., Ковалевская Ю. И. Законодательство о защите прав потребителей в государствах-участниках СНГ в контексте сближения правового регулирования // Третьи цивилистические чтения памяти профессора МГ Прониной. 2021. С. 137–140.
3. Змиевский, Д. В. Актуальные проблемы института подсудности дел о защите прав потребителей / Д. В. Змиевский, В. А. Медведев // Право и практика. 2022. № 4. С. 165–168.
4. Осауленко Л. Н. О некоторых вопросах обеспечения единообразного применения права Евразийского экономического союза в контексте защиты прав потребителей Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда: Междунар. конф. (г. Минск, 17–19 ноября 2021 года): сб. материалов / Суд Евразийского экономического союза; А. С. Бугаева [и др.]. Минск: Колорград, 2022. С. 410
5. О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февр. 1992 г. № 2300-1.
6. О защите прав потребителей: Закон Республики Беларусь от 9 янв. 2002 г. № 90-3.
7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 янв. 1999 г. № 238-3.
8. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан; Кодекс Республики Казахстан от 31 окт. 2015 г. № 377-V
9. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики. Кодекс Кыргызской Республики от 25 янв. 2017 г. № 14
10. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 27 февр. 2018 г. №ЗР-110.

Д. Р. Мустаева
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Э. М. Фролович

ПРИКАЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Анализируется возможность эффективного взаимодействия института приказного производства с существующими информационными технологиями, в частности, для более надлежащего и удобного уведомления сторон о существующих в отношении них процедурах в области приказного производства.

Ключевые слова: приказное производство, судебный приказ, надлежащее уведомление должника.

D. R. Mustaeva
Master's Student, Perm State University
Supervisor: E. M. Frolovich

ORDER PRODUCTION THROUGH THE PRISM OF INFORMATION TECHNOLOGIES

The possibility of effective interaction of the institute of writ proceedings with existing information technologies is analyzed, in particular, for more appropriate and convenient notification of the parties about the procedures existing in relation to them in the field of writ proceedings.

Key words: writ proceedings, court order, proper notification of the debtor.

Приказное производство, которое отличается удобством и быстротой осуществления правосудия имеет ряд недостатков, в том числе, связанных со слабым взаимодействием со справочно-информационными порталами, интернет ресурсами в целом. Наличествует явный пробел в данном аспекте, что, в конечном счете, отражается на недостаточной эффективности института приказного производства.

При подаче взыскателем заявления о выдаче судебного приказа, суд направляет должнику копию судебного приказа. Данная копия направляется заказным письмом Почтой России с отслеживанием по трек-номеру на адрес должника, по которому он зарегистрирован. При этом десятидневный срок для обжалования начинается течь в тот день, когда письмо поступило на адрес должника. Возникает вопрос, является ли это надлежащим порядком уведомления должника о вынесении в отношении него судебного приказа, ведь это единственный способ уведомления должника, на сегодняшний день. С одной стороны,

суд совершил, как может показаться на первый взгляд, все необходимое для уведомления должника. С другой стороны, может возникнуть ситуация, когда должник не проживает по зарегистрированному адресу, но в противовес можно, конечно, утверждать, что лицо несет ответственность, касательно получения судебных писем на адрес по которому оно зарегистрировано, однако это не достаточно обосновано, ведь лицо может жить по другому адресу в помещении, которое арендует, то есть это тот случай, когда фактический адрес проживания не совпадает с адресом по которому лицо зарегистрировано. К слову, арендодатели неохотно дают согласие на регистрацию арендаторов в своей собственности, ввиду особых правовых последствий для собственников.

Другая ситуация, когда лицо находилось, условно говоря, в командировке, на стационарном лечении, отпуске и так далее, то есть, когда лицо объективно не могло узнать о том, что в отношении него подано заявление о выдаче судебного приказа.

На сегодняшний день Почтой России разработана особая система ускоренного получения отправлений, где любой желающий гражданин, может подключиться к ней бесплатно, путем заполнения электронной формы на сайте Почты России, либо путем подключения через Госуслуги, подтвердив учетную запись через данный информационный портал. То есть, когда данному лицу будет приходиться письмо в отделение Почты России, в том числе, судебное, система автоматически будет информировать его путем смс-извещения, с указанием соответствующего трек-номера.

По трек-номеру на сайте Почты России можно посмотреть идентифицирующие данные письма, в частности, что письмо является судебным. Также путем звонка на горячую линию Почты России, назвав трек-номер отправления, можно узнать необходимые данные, указанные на конверте. Оператор также может назвать адрес откуда отправлено письмо, назвав, в том числе, конкретный суд.

После получения необходимой информации, гражданин может непосредственно обратиться в суд лично или через представителя, либо позвонив туда, или написав на электронную почту, а также определенную информацию можно получить на сайте суда.

Узнав необходимые данные, должник имеет право написать заявление об отмене судебного приказа. Данное заявление можно подать в суд лично, либо через представителя, либо путем направления письма, в том числе, через Почту России, либо же через автоматизированную информационную систему ГАС «Правосудие» или онлайн-сервис «Мой Арбитр». Однако мировые суды к системе ГАС «Правосудие» не относятся, поэтому данный способ подачи заявления для них исключается.

Однако встает вопрос, касательно тех граждан, которые не зарегистрированы или не желают регистрироваться в системе, разработанной Почтой России.

Как в таком случае данные граждане должны узнать о судебном приказе в отношении них? Данную проблему можно было решить благодаря portalу Госуслуг. Схема может выглядеть следующим образом, при подаче заявления о вынесении судебного приказа, копия судебного приказа направляется не только заказным письмом Почтой России, но и автоматически гражданин уведомляется через портал Госуслуг, то есть приходит соответствующее уведомление на девайс.

На сегодняшний день большая часть граждан имеет и активно пользуется порталом Госуслуг, стоит даже обратить внимание, что часть услуг гражданин может получить исключительно только через данный портал.

Одним из эффективных способов уведомления также может являться смс-извещение из суда. В этом случае встает вопрос, где суд должен взять контактный номер телефона должника? В первую очередь, можно вновь обратиться к portalу Госуслуг, так как гражданин при регистрации на портале может указать свой контактный номер телефона, в таком случае, на указанный номер, автоматически может приходиться смс-извещение из суда, в частности, о том, что в отношении лица имеется судебный приказ.

В данных случаях, остается та часть граждан, которая не пользуется интернет-ресурсами, не проживает по зарегистрированному адресу и не один из способов уведомления ему не подходит.

В основном речь идет о поколении преклонного возраста, ведь, как правило, они и являются жертвами недобросовестных взыскателей, узнав о том, что в отношении них выносился судебный приказ, только, когда судебные приставы уже сняли со счета соответствующие денежные суммы. Защитить таких граждан достаточно сложно, вплоть до невозможности. В таком случае, с такими гражданами можно связаться только либо лично, либо путем телефонного звонка. Как же решить данную проблему? Во-первых, с такими гражданами может связываться по телефону, специально разработанный робот ассистент, который будет уведомлять лицо о наличии судебного приказа и возможности его обжаловать. Для того, чтобы узнать контактный номер телефона, можно сформировать взаимосвязь суда с операторами связи, банками для того, чтобы найти достоверный номер телефона гражданина и связаться с ним. В том случае, когда с гражданином не удалось связаться, следует автоматически направлять запрос, например, в органы социальной защиты, участковым уполномоченным полицией, с требованием, чтобы сотрудник соответствующего органа лично уведомил гражданина, если с ним не удалось связаться по телефону. И в том случае, когда исчерпаны все возможные варианты уведомления, только тогда можно по истечении срока для обжалования выносить судебный приказ.

Одна из главных необходимостей сводится к тому, что требуется создать единую базу с контактными данными граждан, к которой будет доступ у судов. В эту базу могут входить данные, например, с портала Госуслуг, данные взятые у

операторов связи, кредитных организациях, медицинских учреждений, органов внутренних дел и иных формирований, где могут содержаться максимально достоверные данные граждан государства. Вся эта системная база автоматически должна обновляться при добавлении новых и удалении устаревших данных.

Создание такой системы с помощью информационных технологий, требует достаточно немалого финансирования. Однако когда встает вопрос о соблюдении прав и законных интересов граждан государства, вопрос финансирования должен ставится на задний план.

Литература

1. *Суханов Е. А.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. 251 с.
2. *Троицкий О. Э.* Приказное производство: понятие, сущность, проблематика [Электронный ресурс]. Доступ с сайта www.elibrary.ru.
3. *Туманов Д. А.* Приказное производство в настоящее время: процесс или фикция процесса? // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 170.
4. *Ходеева У. А.* Приказное производство как форма судопроизводства: проблемы и перспективы правового регулирования // Молодой ученый. 2016, № 15.1.
5. *Шадловская О. Д.* Приказное производство как упрощенная форма гражданского судопроизводства: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2015. С. 234.
6. *Ярков В. В.* Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений. М.: Статут, 2017. С. 704.

В. С. Мяснянкина, Д. В. Потапова
Студенты ЮЗГУ (г. Курск)
Научный руководитель: Е. Н. Воронов

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Рассматривается история становления и актуальные проблемы развития института коллекторской деятельности в РФ и Зарубежных странах. Раскрывается понятие коллекторской деятельности, а также анализируются нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность коллекторских агентств. Рассматриваются перспективы развития коллекторской деятельности в РФ и Зарубежных странах с учетом последних изменений законодательства.

Ключевые слова: коллекторские агентства, институт коллекторской деятельности, заемщик, кредитор, кредитная организация, возврат просроченной задолженности.

V. S. Myasnyankina, D. V. Potapova
Students, Southwest State University (Kursk)
Scientific supervisor: E. N. Voronov

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF COLLECTION ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

The article examines the history of the formation and current problems of the development of the institute of collection activities in the Russian Federation and foreign countries. The concept of collection activity is revealed, as well as regulatory legal acts regulating the activities of collection agencies are analyzed. The prospects for the development of collection activities in the Russian Federation and Foreign countries are considered, taking into account the latest changes in legislation.

Keywords: collection agencies, institute of collection activities, borrower, lender, credit institution, repayment of overdue debts.

История возникновения института коллекторской деятельности берет свое начало в прошлом столетии. США и Великобритания являются странами-первопроходцами, в которых впервые появились и получили законодательное закрепление первые коллекторские агентства. В США в 1978 году появился закон «О добросовестной практике взимания долгов», детально регламентирующий права и обязанности коллекторов, который не потерял актуальности в реалиях

нашего времени, а также лег в основу первых нормативно-правовых актов других стран, регулирующих коллекторскую деятельность.

Идею создания подобного рода агентств на территории Российской Федерации связывают с положительным опытом работы подобных организаций на территории США. Появление первых коллекторских агентств в России относится преимущественно к началу 2000-х годов. Оно было вызвано интенсивным развитием рынка кредитования и увеличением сумм просроченной задолженности. Неэффективная работа органов принудительного исполнения вынудила крупных кредиторов, прежде всего, банки искать альтернативные способы взыскания задолженностей. Так в 2001 г. было зарегистрировано Агентство по сбору долгов при банке «Русский стандарт»¹. Но через некоторое время перед российским обществом встала серьезная проблема фактической безнаказанности лиц, использующих незаконные методы взыскания задолженности. Самые резонансные нарушения прав должников неоднократно обсуждались в СМИ.

Проанализировав историю становления и развития деятельности коллекторов в РФ и Зарубежных странах, мы пришли к выводу, что под коллекторской деятельностью в современных реалиях принято понимать профессиональную деятельность по взысканию просроченной задолженности, осуществляемую взыскателями, которые являются субъектами данной деятельности, направленной на погашение должником задолженности.

Но несмотря на тот факт, что их деятельность законодательно регламентирована в подавляющем большинстве стран, проблемы, связанные с осуществлением коллекторской деятельности, в настоящее время продолжают быть актуальной частью существования вышеупомянутого правового института.

Несмотря на положительную тенденцию возврата долгов в Германии, русскоязычная газета «Русская Германия», издаваемая в ФРГ, описывает факты получения от «коллекторских» агентств писем подозрительного характера. В подавляющем числе случаев они содержат незаконные требования об оплате несуществующих долгов, которые в дальнейшем сопровождаются угрозами наступления судебных тяжб относительно ненастоящих должников либо передачи их персональных данных в главное бюро кредитных историй Германии – SCHUFA Holding AG²⁰. При этом как пишут СМИ, ссылаясь на статистику Федерального союза потребителей «Verbraucherzentrale Bundesverband», около 56 % писем – незаконны, 30 % являются спорными относительно правомерности предмета их претензий, и лишь в 14 % случаях такие сообщения являются обоснованными и оправданными².

На сегодняшний день в США проблемой является факт отсутствия регулирования использования технологий, которые возникли после 1977 г., а именно сообщения, отправляемые с телефонов, а также использование социальных сетей. Как показывает практика, этим пробелом в законодательстве пользуются недоб-

росовестные коллекторы. В социальных сетях они создают фальшивые профили с использованием чужих фотографий, добавляются в друзья к должникам, начинают слать сообщения, оставлять массовые комментарии, тем самым нарушая запрет, установленный FDСРА на взаимодействие с третьими лицами. В подобных случаях, как показывает судебная практика, суд принимает решение в пользу должника.

Закон, устанавливающий ограничения для коллекторов, в РФ принимался в условиях крайней необходимости решения проблемы нарушения прав и законных интересов должников со стороны лиц, осуществляющих возврат просроченной задолженности. Поэтому, как и любой другой нормативный акт, ФЗ № 230 от 3 июля 2016 г. имеет недостатки.

На сегодняшний день в законе отсутствует легальное определение понятия «Коллекторской деятельности», а также дефиниций таких понятий как «угроза», «контакт», «грубое нарушение закона», «оказание психологического давления»³. В статье 2 Федерального закона № 230-ФЗ законодатель решил ограничиться тремя определениями, что, несомненно, вызывает вопросы и требует расширения списка основных понятий для полного и единообразного толкования терминов, фигурирующих в данном нормативно правовом акте.

Кроме того, имеются нормы, которые вызывают неоднозначное толкование и в дальнейшем могут потребовать уточнения и корректировки. Так, определяя в статье 4 способы взаимодействия лиц, взыскивающих задолженность, с должником, законодатель предусматривает два варианта взаимодействия. Это перечень, указанный в пункте 1 данной статьи, который не требует заключения письменного соглашения, и иные способы (п. 2), требующие заключения письменного соглашения. И здесь возникает неопределенность в том, что же это за «иные» способы взаимодействия, и появляется возможность широкой их трактовки со стороны недобросовестных лиц. Кроме того, неясно, в какой момент должно заключаться письменное соглашение об иных способах взаимодействия: до появления задолженности или после⁴.

Помимо способов взаимодействия государство предоставляет физическим лицам – должникам существенную гарантию соблюдения их прав – заключения письменного соглашения на осуществление, направленного на возврат его просроченной задолженности. Только при наличии такого документа коллекторская деятельность в отношении конкретного лица становится правомерной. Физическое лицо, согласно части 4 статьи 4 Федерального закона № 230-ФЗ, вправе в любой момент отказаться от исполнения соглашения. В связи с этой нормой, В. А. Гуреев отмечает возможности злоупотребления должниками, предусмотренными им законом правами, из-за нежелания подавляющего количества должников идти на контакт с коллекторскими организациями. По его мнению, это может привести к повышению размера задолженности должников перед банками и

снижению эффективности работы коллекторских организации⁵. Таким образом, предоставление той или другой стороне необоснованных преференций в своих действиях нарушает баланс интересов сторон данных правоотношений⁶. Если допустить немотивированный отказ, речь может идти о шантаже со стороны должника и манипулировании своим правом.

Предполагается, что, подписывая соглашение о способах взаимодействия с кредитором (взыскателем) и (или) давая согласие на осуществление взаимодействия, должник осознает свои действия и их последствия, поэтому для отказа у него должны быть весомые основания. Считаем, что в данной норме целесообразно сделать поправку следующего содержания: «Отказ от соглашения должен быть мотивированным. В случае если деятельность юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности, нарушает условия осуществления указанной деятельности, затрагивает законные интересы физических лиц, то такое соглашение теряет юридическую силу немедленно после установления данного нарушения уполномоченным органом государственной власти».

Ряд вопросов также вызывает норма, закрепленная в части 6 статьи 8 о том, что должник может отказаться от взаимодействия через четыре месяца после возникновения обязательств. Предлагается, что эффективнее было бы установить отказ должника от взаимодействия через четыре месяца с момента первого взаимодействия кредитора или коллекторской организации с ним⁷.

В рассматриваемом законе прописаны условия, необходимые для осуществления коллекторской деятельности, однако отсутствуют какие-либо положения и санкции в отношении тех лиц, которые по факту осуществляют данную деятельность, но не имеют разрешения на ее осуществление. Вследствие этого возникают закономерные вопросы, касающиеся воздействия на таких «псевдокolleкторов», прикрывающимися, как показывает практика, чаще всего лицами, оказывающими юридические услуги, или сотрудниками банка.

В настоящий момент существуют 2 законопроекта, предлагающих новеллы в отношении деятельности коллекторских агентств. Так, авторы законопроекта № 241968-8, внесенного на рассмотрение 24 ноября 2022 г., предлагают установить запрет передачи долгов пенсионеров перед кредитными организациями коллекторам, учитывая уязвимость данной категории граждан⁸. С этой целью законопроектом предлагается внести изменения в статью 5 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)», о запрете содержания условия, касающегося возможности уступки кредитором третьим лицам прав (требований) по договору потребительского кредита (займа) в случае его заключения с пенсионе-

ром. Это означает, что кредитор не вправе будет передавать персональные данные заемщика-пенсионера коллекторам.

Законопроектом также вносится изменение в статью 1 Федерального закона № 230-ФЗ, согласно которому данный Федеральный закон не распространяется на правоотношения по взысканию долгов заемщиков, являющихся получателями пенсии в соответствии с пенсионным законодательством. Таким образом, в случае принятия законопроекта, новые поправки позволят защитить права пенсионеров, имеющих долги перед кредитными организациями, и устранить возможное давление на них со стороны коллекторов.

Другой законопроект № 154486-8 посвящен изменениям в УК РФ и в статьях 150, 151 УПК РФ⁹. Авторы законопроекта считают, что меры, предусматривающие ответственность за нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности, включая административную ответственность, являются недостаточными и малоэффективными. Представляется, что юридическим механизмом, который позволил бы противодействовать деятельности лиц, использующих незаконные способы осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности, на ранней стадии, обеспечивая этим превентивную защиту интересов граждан, могла бы стать именно уголовная ответственность.

Кроме того, привлечение к уголовной ответственности коллекторов сделало бы контроль за их деятельностью законченным, так как существовал бы механизм привлечения как к административной, так и к уголовной ответственности. Думается, что введение в УК РФ специальной нормы, предусматривающей ответственность за незаконную деятельность, осуществляемую в целях возврата просроченной задолженности, позволит повысить уровень защиты прав и законных интересов физических лиц, а также обеспечит неотвратимость уголовной ответственности за противоправные действия в указанной сфере.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что некоторые аспекты, закрепленные в нормативно правовых актах, регулирующих деятельность коллекторов как в Зарубежных странах, так и в России освещены слабо и требуют соответствующих поправок. Но несмотря на наличие определенных проблем и дискуссионных вопросов, перспективы развития института коллекторской деятельности выглядят многообещающе, несмотря на тот факт, что совершенствование регулирования данного правового института идет в одних странах быстрее, в других медленнее, но в целом как показывает статистика, в большинстве своем имеют место тенденции к положительным изменениям.

Литература

1. *Воронов Е. Н.* Эволюция органов принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов в России (XI–XXI вв.): монография. М.: Юрлитинформ. 2016. С. 344.
2. *Дубов Е. И.* Сравнительное исследование противодействия преступлениям в сфере возврата просроченной задолженности на примере Российской Федерации и некоторых представителей романо-германской правовой семьи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 101.
3. *Воронов Е. Н.* Понятие и правовые основы контроля (надзора) за деятельностью "коллекторов" // Научный журнал Дискурс. 2017. № 12(14). С. 249
4. *Тарасенко О. А.* Предпринимательская деятельность коллекторов и перспективы ее развития // Юрист.2014. № 14. С. 29.
5. *Гуреев В. А.* Сфера действия законодательства о защите прав должников при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности: проблемные вопросы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 11. С.8.
6. *Воронов Е. Н.* Федеральная служба судебных приставов как субъект исполнительного производства // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5-1(44). С. 30.
7. *Филонов А. В.* Проблемы правового регулирования коллекторской деятельности в Российской Федерации // Власть Закона. 2017. № 3(31). С. 228.
8. Законопроект № 241968-8 см.: [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/241968-8?ysclid=lawqkta3l633772957>.
9. Законопроект № 154486-8 см.: [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/154486-8#bh_histras.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «УМНОГО» КОНТЕЙНЕРА КАК СПОСОБА ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ГРУЗА

Реализация гражданско-правовой ответственности в случае невозможности установления места повреждения груза в рамках смешанной перевозки груза представляет объективную сложность из-за множественности лиц на стороне исполнителя. Чтобы устранить данную сложность в практике хозяйственной деятельности используются смарт-контейнеры, оборудованные специальными техническими средствами, позволяющими устанавливать состояние груза, однако данное обстоятельство находится в не поля правового регулирования, в связи с чем ни перевозчик, ни грузовладелец не обязаны предоставлять друг другу информацию, полученную с помощью данного контейнера.

Ключевые слова: смешанная перевозка груза, повреждение груза, смарт-контейнер, гражданско-правовая ответственность.

M. Yu. Nazarov
Postgraduate, Perm State University
Supervisor: V. G. Golubtsov

USING A SMART-CONTAINER AS A WAY TO LOCALIZE CARGO DAMAGE

The implementation of civil liability in case it is impossible to establish the place of damage to the cargo within the framework of a mixed cargo transportation is an objective difficulty due to the multiplicity of persons on the side of the contractor. To eliminate this complexity in the practice of economic activity, smart containers equipped with special technical means are used to determine the condition of the cargo, however, this circumstance is not in the field of legal regulation, and therefore neither the carrier nor the cargo owner are obliged to provide each other with information obtained using this container.

Keywords: mixed cargo transportation, cargo damage, smart-container, civil liability

Нелокализованное повреждение грузов непосредственно связано с контейнерной перевозкой, ведь именно данный вид упаковки груза и порождает правовую неопределенность. Данную проблему не снять, прекратив использовать сами контейнеры, так как отмечает А.С. Скаридов, «перевозка генеральных грузов ... почти полностью осуществляется в контейнерах»¹. Использование контейнеров не остановить, это тенденция современной международной торговли², так как контейнеры, по мнению М.А. Егоровой, позволяют обеспечить сохранность и идентификацию груза³.

Это представляет собой интересный парадокс – груз в контейнере сохраняется лучше, чем упакованный иным способом, но в случае его повреждения, установить действительную причину нарушения сохранности гораздо сложнее. Совершенно очевидно, что вскрывать контейнер при каждой передаче груза от одного перевозчика другому не имеет смысла, как минимум по причине того, что теряется скорость перевозки, ради которой груз и упаковывается в контейнер. Кроме того, например, M. D. Güner-Özbek замечает, что даже если контейнер будет открыт, то каким образом перевозчик сможет понять – поврежден груз или нет, если это не только не очевидные повреждения⁴.

Груз неодушевленный и молчаливый, потому не может самостоятельно предоставить сведения о своем повреждении. В иностранной литературе отмечается, что ранее в истории существовала возможность достоверного определения состояния груза в любой момент перевозки – к примеру, рабы, в отличие от неодушевленных товаров могли самостоятельно избегать опасности⁵. Очевидно, что в современном обществе это неприменимо, однако относительный выход все же есть.

С развитием технического прогресса становится возможным отслеживать состояние груза посредством «умных контейнеров», оснащенных оборудованием для записи температуры, вибрации, наклона и других показателей, способных оказать влияние на сохранность груза. Данные технические средства способны предоставить необходимые сведения для возможности локализации места повреждения груза, однако с этим есть проблема обязанности предоставлять данные указанной телеметрии.

Иностранный исследователь F. Stevens поднимает два вопроса. Во-первых, если контейнер принадлежит грузовладельцу, то должен ли он передавать данные сведения перевозчику, например если происходит значительное повышение температуры, это может свидетельствовать о пожаре в контейнере, безопасность транспортного средства и соседнего груза находится в интересах перевозчика, но от него не зависит. Во-вторых, отдельные контейнеры имеют дистанционное управление, если контейнер контролируется грузовладельцем, то именно он может изменять настройки контейнера, например, изменить температуру рефрижератора, при обнаружении повреждения груза в пункте назначения против перевозчика будет играть презумпция вины, автор отмечает, что перевозчик не обязан знать, что контейнер является умным и дистанционно управляемым⁶.

Сославшись на точку зрения А. А. Федосеева, отмечающего важность принципа информационного сотрудничества, в соответствии с которым стороны должны раскрывать «друг другу информацию, необходимость в получении которой хотя бы для одной из сторон возникла в ходе существования правоотношения»⁷, можно сказать, что и грузовладелец обязан делиться полученными сведениями о состоянии груза от систем умного контейнера, однако, что именно сподвигнет лицо на такие действия? Добросовестность? Декларирование необходимости обмениваться информацией?

В литературе, например, отмечается, что «добросовестность ... связана с морально-нравственными представлениями о честности, порядочности»⁸, или установленная иностранными исследователями зависимость – полагаясь на добросовестность сторон, в дальнейшем порождается неопределенность и непредсказуемость судебного разбирательства⁹. Поэтому логично, отойти от пограничных категорий, тем более, если можно воспользоваться объективными характеристиками. Перевозчики и грузовладельцы являются предпринимателями, разумными субъектами, воспринимающими только рациональные аргументы о стоимости того или иного варианта поведения, прибыли и издержках от них.

Как представляется, стимулировать добросовестность у грузовладельцев может только риск возложения убытков именно на владельца груза, если он обладал сведениями, которые могли помочь сохранности груза, но он не сообщил их перевозчику. В момент открытия контейнера, даже если грузоотправитель не сообщил перевозчику об особых свойствах контейнера, перевозчику станет известно о наличии специального оборудования в контейнере, грузовладелец не сможет объективно скрыть данные сведения. Кроме того, доказывая наличие повреждения или порчи груза, грузовладелец будет ссылаться именно на сведения, полученные посредством указанного оборудования. Именно в этот момент и следует ответить на вопрос, а должен ли был грузовладелец сообщить перевозчику о возможном повреждении груза, если он получил эти данные раньше открытия контейнера.

В итоге, представляется целесообразным возлагать гражданско-правовую ответственность за повреждение груза на грузовладельца, если он в силу объективных причин, таких как наличие специального оборудования в транспортном контейнере, принадлежащем ему, мог предотвратить или снизить размер причиненного вреда.

Литература

1. *Скарпидов А. С.* Морское право. СПб.: Academus, 2006. 934 с.
2. *Shakil S. M.* An Analysis of the Advantages and Disadvantages of Using a Multimodal Transport System in the Carriage of Goods / S.M. Shakil, K.A. Mostafa // *International Journal of Law, Humanities & Social Science*. 2018. Vol. 2. № 4. P. 60–61.
3. *Егорова М. А.* Коммерческое право: учебник для вузов. М.: Статут, 2013. 640 с.
4. *Güner-Özbek M. D.* The Carriage Of Dangerous Goods by Sea. Springer, 2008. 350 p.
5. *Encyclopedia of Law and Economics* / eds. A. Marciano, G. B. Ramello. Springer, 2019. 2172 p.
6. *Maritime Liabilities in a Global and Regional Context* / eds. B. Soyer, A. Tettenborn. – Informa Law from Roudledge, 2019. 334 p.
7. *Федосеев А. А.* Влияние принципа информационного сотрудничества субъектов гражданского правоотношения на распределение бремени доказывания // *Современная кодификация цивилистического процессуального законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции. Материалы VII Симпозиума журнала «Вестник гражданского процесса»*. Казань, 2020. С. 150–155.
8. *Шарков А. В.* Принцип добросовестности в юридической науке и гражданском законодательстве // *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 60-6. С. 11–17.
9. *Precontractual Liability in European Private Law* / eds. J. Cartwright, M. Hesselink. Cambridge University Press, 2009. 509 p.

НЕПОТИЗМ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

В статье описывается влияние nepотизма на эффективность корпоративного управления и юридического лица в целом. Приведены конкретные примеры вредных последствий для компании при высоком проценте nepотизма, а также судебная практика по вопросам ответственности.

Ключевые слова: nepотизм, юридическое лицо, акционеры, генеральный директор, родственники.

M. S. Pokrovskaya

Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

NEPOTISM AND RESPONSIBILITY OF THE SOLE EXECUTIVE BODY OF A LEGAL ENTITY

The article describes the impact of nepotism on the effectiveness of corporate governance and the legal entity as a whole. Concrete examples of the latter harmful to the company with a high percentage of nepotism are given, as well as judicial practice on holding the CEO accountable for violations committed by him against the interests of the company.

Keywords: nepotism, legal entity, shareholders, general director, relatives.

В современном мире в рамках развития и функционирования корпораций нередко возникают конфликты между акционерами/участниками и исполнительными органами юридического лица. Их основная причина в различии конечных интересов субъектов. Акционерам/участникам юридических лиц важно, чтобы деятельность юридического лица систематически приносила прибыль, а исполнительные органы заинтересованы в повышении заработной платы и различных премий, увеличение корпоративных расходов для собственных личных нужд, что естественным образом расходится с интересами участников/акционеров компаний. Также, деятельности корпорации вредит nepотизм, который является распространенным явлением в исполнительных органах компании, что еще хуже сказывается на ее показателях, потому что должности в исполнительных органах получают лица, которые имеют недостаточную компетенцию для грамотного управления компанией. Nepотизм – одна из форм проявления коррупции, когда личные интересы, основанные на семейных связях, выходят на первый план по сравнению с другими интересами, в частности, интересами юридического лица.

В своей статье я бы хотела поднять проблему ответственности единоличного исполнительного органа за принятие решений в пользу своих родственников, вредящих интересам юридического лица и меры ответственности за них.

Согласно американскому исследованию 2016 года, *Family First: Does Nepotism Hinder Investments at U.S. Firms*¹, влияние родственных связей негативно сказывается на деятельности юридического лица. Для более понятной иллюстрации такого влияния приведу пример из исследования: больше всего родственных связей было обнаружено в пищевых компаниях и издательской деятельности, СМИ. Согласно исследованию, в данных компаниях каждый пятый генеральный директор имеет своего родственника на одной из ключевых позиций. Эти компании характеризуются большими оборотами, но низкой маржинальностью, соответственно, компании низкоэффективные, в том числе, по причине высокого процента nepotism. Согласно исследованию, данные компании вкладывают в собственное развитие на 7.7 % меньше и на 6 % меньше в НИОКР, чем те компании, где уровень nepotism ниже. И несмотря на то, что отчеты, которые американские компании подают в комиссию по ценным бумагам, требуют огромное количество данных и максимальной прозрачности, во многих американских корпорациях nepotism по-прежнему сохраняется.

Во второй половине статьи хотелось бы исследовать влияние различных мер ответственности единоличного исполнительного органа юридического лица на количество подобных нарушений. Стоит отметить, что в доктрине гражданского права до сих пор сохраняются споры по поводу определения ответственности органов управления, в частности, единоличного. По мнению А. В. Габова, «органы управления не способны нести какую-либо гражданско-правовую ответственность, поскольку не обладают имущественной обособленностью. Такую ответственность могут нести физические лица – члены органов управления юридического лица, а также лица, осуществляющие управление юридическим лицом по договору с ним»². По мнению А. М. Моисеева и О. В. Калининой, эта концепция является наиболее логичной, поскольку ответственность за причинившие юридическому лицу вред действия несет ответственность конкретное физическое лицо своим имуществом, а не орган управления в целом³.

Перед рассмотрением конкретных мер ответственности за неправомерные действия хотелось бы обозначить, что единоличный исполнительный орган не несет ответственность за все действия, которые повлекли негативные последствия для юридического лица. Он будет нести ответственность только за неправомерные действия или бездействие, исключаящие предпринимательский риск и иные факторы, которые напрямую связаны с причинением убытков юридическому лицу.

Обращаясь к статье 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» единоличный исполнительный орган при осуществлении ими прав и ис-

полнении обязанностей должен действовать в интересах общества добросовестно и разумно⁴. Понятие обязанность действовать добросовестно предполагает ведение бизнеса исполнительным органом на честных условиях. Согласно Постановлению Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 17 июня 2014 года⁵, для того чтобы доказать недобросовестность в действиях директора, необходимо, что лицо действовало с фактическим умыслом, заведомо осознавая последствия своих действий и предвидя наступление негативных последствий для общества. Как измерить критерий разумности действий, пока неясно. Но можно предположить, что разумными действия единоличного исполнительного органа являются тогда, когда они совершены после сбора и анализа всей доступной этому лицу информации. Но кто гарантирует, что используемого объема информации при анализе будет достаточно? При принятии решения может понадобиться доступ к сертификации, которая стоит миллионы или миллиарды долларов, или закрытой для публичного пользования информации, к которой единоличный исполнительный орган по понятным причинам не имеет доступа. Таким образом, привлечение к ответственности по критерию неразумность действий остается затруднительным.

Следующим основанием, по которому также можно привлечь директора к ответственности, является обязанность директора по организации управления в компании. Именно в данном ключе проявляется больше всего nepотических нарушений и связей. Для более удобного для единоличного исполнительного органа управления, при организации управления в компании могут привлекаться родственники, несмотря на их некомпетентность и отсутствие образования в этой сфере. Такое поведение может затрагивать как выбор удобных такому лицу контрагентов, так и выдача доверенности на право представительства от имени общества почти с такими же полномочиями, как у единоличного исполнительного органа. Такое встречалось в российской судебной практике. Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 21 января 2014 г. № 9324/13 по делу № А1213018/2011 подобные действия, нанесшие юридическому лицу в дальнейшем убытки, были признаны неразумными⁶.

Стоит отметить, что все равно встает вопрос об ответственности единоличного исполнительного органа, когда он нанимает либо содействует найму некомпетентных сотрудников только исходя из родственной связи с ними, что приносит юридическому лицу косвенные убытки. По этой причине юридическое лицо показывает средние по рынку показатели, которые постепенно ухудшаются, реализуют бракованную продукцию или оказывают некачественные услуги. Используя российское законодательство, крайне трудно будет доказать факт недобросовестности единоличного исполнительного органа в описанном случае, потому что его прямой умысел не был направлен на причинение вреда или

убытков юридическому лицу, но постепенные его действия так или иначе привели к ухудшению показателей компании.

В выводе можно сказать, что на сегодняшний день меры ответственности за nepotизм являются достаточно слабыми, привлечь можно только то физическое лицо, которое явно действует недобросовестно и неразумно, но за конкретные межличностные связи внутри корпорации российские юридические лица не обязаны отчитываться, за систематическое снижение прибыли компании вследствие высокого процента nepotизма в руководстве компании также не установлена ответственность, вследствие чего крайне сложно привлечь таких лиц к ответственности.

Литература

1. Family First: Does Nepotism Hinder Investments at U.S. Firms? Fabrizio Leone, Gianpaolo Parise, Carlo Sommovilla* This Version: October, 2016 URL: https://www.eurofidai.org/sites/default/files/pdf/paris-meeting/2016/Parise_2016.pdf (дата обращения 12.05.2023).
2. Габов А. В.; Гутников О. В.; Сеницын С. А. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 1. Общие положения о юридических лицах. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Инфра-М, 2015.
3. Моисеев А. М., Калинина О. В. Ответственность единоличного исполнительного органа за причиненные его действиями убытки // Экономика. Право. Общество. 2017; №3. С. 40-46.
4. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 17 июня 2014 г. № 3290/14 по делу № А23-4456/2012 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 10.
6. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 21 янв. 2014 г. № 9324/13 по делу № А12-13018/2011.

П. Ю. Самкова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: А. В. Сятчихин

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Представлены основные признаки трансграничной несостоятельности, приведена судебная практика, иллюстрирующая иностранный элемент как отличительный признак трансграничной несостоятельности.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность, признаки трансграничной несостоятельности, иностранный элемент.

P. Y. Samkova
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

ON THE CONCEPT OF SIGNS OF CROSS-BORDER INSOLVENCY

The article presents the main features of cross-border insolvency, and provides case law that illustrates the foreign element as a hallmark of cross-border insolvency.

Keywords: cross-border insolvency, signs of cross-border insolvency, foreign element.

Трансграничная несостоятельность включает в себя признаки национального банкротства, а также обладает и отличительным признаком – присутствием иностранного элемента.

В Российской Федерации по Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ¹ (далее – Закон о банкротстве) признаком несостоятельности (банкротства) является неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

В рамках «коллизийного» подхода понимания трансграничной несостоятельности выделяются основные виды проявления иностранного элемента в банкротстве, а именно нахождение активов или части активов должника на территории иностранного государства, наличие иностранных участников в деле о банкротстве, иностранные по отношению друг к другу кредиторы и должник, возбуждение в отношении одного и того же должника производств по делу о несостоятельности в двух и более государствах. Этот перечень не является ис-

черпывающим. При трансграничной несостоятельности иностранный элемент может проявляться, как один, так и совокупностью.

Ярким примером присутствия иностранного элемента при несостоятельности можно привести дело о банкротстве голландской компании KPNQuest N.V., которая занималась телекоммуникационными кабелями. Кабели проходили через Европу, что позволяло соединять крупные города европейских стран. Между тем, одна часть кабеля, находившаяся в Великобритании, принадлежала Великобританской дочерней компании KPNQuest N.V., часть кабеля, расположенная в Германии, принадлежала немецкой дочерней компании и так далее. Когда материнская компания обанкротилась, то многие дочерние компании также должны были вступить в процедуру банкротства. Но кредиторы банкротства голландской компании не обладали полномочиями по распоряжению имуществом дочерних компаний. Так как активы должников продавались по отдельности, то выручка от продажи оказалась значительно ниже, чем могла бы быть, если бы компания была продана целиком².

Приведенный пример банкротства компании KPNQuest N.V. показывает сложности, с которыми можно столкнуться при урегулировании производства, связанного с трансграничной несостоятельностью, когда в деле присутствуют иностранные участники, и когда активы должника находятся в разных государствах.

Для стран Европы распространена практика производства банкротства при наличии иностранных участников в деле, тогда как в России такая деятельность еще не получила должного развития. Но в России существует практика признания иностранных участников несостоятельными, поэтому целесообразно рассмотреть, кого в Российской Федерации можно признать банкротом.

Для начала рассмотрим условия признания иностранных граждан в России банкротами. Возможно ли произвести такую процедуру в Российской Федерации? Для этого приведем дело о банкротстве гражданки Н. В. Кузнецовой (дело № А81-6187/2015)³.

Гражданка Н. В. Кузнецова обратилась в Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа с заявлением о признании ее банкротом. При этом она является гражданкой Украины, но у нее также имеется вид на жительство в РФ.

В данном деле суд решает, компетентен ли он рассматривать это дело о банкротстве и приводит ряд аргументов в пользу производства этого дела: ссылается на ряд российских законов и на международные акты, также указывает на совокупность обстоятельств, которые дают основания говорить о том, что должник тесно связан с российским правопорядком.

В итоге судья приходит к выводу, что все эти данные дают основание полагать, что на основе этого конкретного дела связь должника с Украиной не препятствует для ведения процедуры банкротства в отношении Н. В. Кузнецовой и тем самым, процедура признания гражданина банкротом может быть произведена в России.

Для того чтобы признать иностранных юридических лиц в России несостоятельными (банкротами), в Российской Федерации отсутствует правовое регулирование. Российская Федерация не участвует ни в одном многостороннем международном договоре о взаимном признании иностранных судебных решений, важном для трансграничного банкротства. Из этого следует, что российские суды не могут рассматривать дела о банкротстве иностранных юридических лиц. Поэтому для того, чтобы начать процедуру банкротства иностранного юридического лица нужно обращаться в компетентный суд иностранного государства.

В пример можно привести определение Арбитражного суда Краснодарского края от 2 февраля 2015 г. по делу № А32-43709/2014⁴, в котором производство по делу о несостоятельности турецкого юридического лица было прекращено. В этом случае суд ссылаясь на то, что международные соглашения между Россией и Турецкой Республикой не предусматривают возможности рассматривать в арбитражном суде на территории России на основании норм Российской Федерации, дела о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, учрежденных в Турецкой Республике. Также турецкое юридическое лицо не является юридическим лицом, учрежденным в соответствии с нормами Гражданского кодекса РФ, соответственно на него не могут распространяться нормы Гражданского кодекса РФ и ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в части несостоятельности (кроме режима конкурсного кредитора).

Также в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 15 ноября 2017 г. по делу № А40-15873/2017⁵ суд оставил без изменения определение Арбитражного суда города Москвы от 5 апреля 2017 г. по делу № А40-15873/17 по которому было прекращено производство о признании несостоятельным (банкротом) кипрского юридического лица. Для этого суд ссылаясь на часть 4 статьи 38 АПК РФ⁶, по которому заявление о признании банкротом подается в арбитражный суд по месту нахождения должника. К тому же Арбитражный суд указал, что ликвидация юридического лица осуществляется в соответствии с законодательством страны, где такое лицо было зарегистрировано.

Резюмируя изложенное, у трансграничной несостоятельности можно выделить неисчерпывающий перечень признаков, при этом основными являются иностранные по отношению друг к другу кредиторы и должник, возбуждение в отношении одного и того же должника производств по делу о несостоятельности в двух и более государствах, нахождение всех активов должника или их части на территории иностранного государства, наличие иностранных участников в деле о банкротстве.

Кроме того, в ходе рассмотрения судебной практики о признании несостоятельным (банкротом) иностранного субъекта, мы можем сделать вывод о том, что в Российской Федерации имеется возможность признать иностранное физическое лицо несостоятельным, в то время как для иностранного юридического лица такой порядок не предусмотрен.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 43.
2. Galen R. van. The European Insolvency Regulation and Groups of Companies // INSOL Europe Annual Congress. Cork Ireland. 2003. 16–18 October. URL: <https://www.iiiglobal.org>.
3. Определение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 июня 2016 г. по делу № А81-6187/2015. URL: <https://casebook.ru/> (дата обращения: 12.05.2023).
4. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 2 февр. 2015 г. по делу № А32-43709/2014. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eveRrhKrKKW0/?ysclid=lhjmn0m682612369798> (дата обращения: 12.05.2023).
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 нояб. 2017 г. по делу № А40-15873/2017. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/reEX1QDFGCml/?ysclid=lhjmt43qou485792375> (дата обращения: 12.05.2023).
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18.03.20223) // Российская газета. 2002. № 137.

Е. Ю. Старовойтова
Студент ВВГУ (г. Владивосток)
Научный руководитель: М. В. Вронская

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются общие тенденции развития цифровизации нотариата, в частности этапы данного процесса, а так же нововведения в сфере правового регулирования нотариальной деятельности в России, включая специализированные сервисы, обслуживание физических и юридических лиц, а так же проблемы и перспективы информатизации правовых услуг.

Ключевые слова: информатизация правовых услуг, нотариат

E. Y. Starovoitova
Student, Vladivostok State University
Supervisor: Vronskaya M. V.

DIGITALIZATION OF NOTARY ACTIVITY

This article discusses the general trends in the development of digitalization of the notary, in particular the stages of this process, as well as innovations in the field of legal regulation of notary activity in Russia, including specialized services, legal and legal entities, as well as problems and prospects of informatization of legal services.

Keywords: informatization of legal services, notary.

В последние годы цифровизация произвела революцию в юридической отрасли, изменив способы предоставления, управления и доступа к юридическим услугам.

Такое разнообразие информационных возможностей в правовой сфере не могло не затронуть и нотариальную деятельность. Цифровизация российского нотариата имеет свой уникальный путь, в результате которого отечественным юристам уже удалось значительно повысить эффективность и скорость своей работы. Об истоках, законодательной базе, проблемах и тенденциях цифровизации нотариальной деятельности в нашей стране будет изложено далее.

Цифровизация нотариата в Российской Федерации может быть разделена на несколько хронологических этапов, первый из которых был начат еще в прошлом десятилетии:

- Внедрение электронного документооборота в 2013 году. В связи с этим в том же году «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» пополнились новой главой – УП.1 «Единая информационная система нотариата»¹.
- Появление бесплатных нотариальных онлайн-сервисов. С 2017 года начал свою работу электронный реестр доверенностей. В 2018 году Федеральной но-

тариальной палатой был утвержден порядок формирования простой электронной подписи. В апреле того же года был запущен в эксплуатацию онлайн-реестр наследственных дел².

- Внедрение технологии блокчейн. В 2019 году Фонд «Сколково», создал основанную на блокчейне платформу под названием «Нотариальная цепь» для облегчения нотариального заверения электронных документов³.

- Развитие Единой нотариальной информационной системы: Принятие Федерального закона от 27.12.2019 № 480-ФЗ закрепило ряд нововведений в области цифровизации нотариальной деятельности. Далее, в 2020 году Министерством юстиции Российской Федерации был издан приказ, положения которого совершенствовали работу ЕИСН⁴.

- Расширение дистанционного нотариального заверения. В 2021 году в Российской Федерации одной из ключевых мер, реализованных в ответ на пандемию, стало внедрение услуг дистанционного нотариального заверения.

Перечисленные этапы цифровизации нотариальной системы в Российской Федерации направлены на повышение эффективности, доступности и безопасности нотариальных услуг, а также на снижение необходимости личного взаимодействия.

За последние годы многие нотариальные услуги в Российской Федерации подверглись цифровизации. Это связано не только с вынужденной необходимостью, обусловленной пандемией, но и с вполне запланированными программами цифровизации в рамках таких проектов, как «цифровое правительство».

Возможности нотариусов в России за последние годы расширились за счет работы с электронными документами и оказания нотариальных услуг онлайн. Создание многочисленных электронных сервисов упрочило взаимодействие нотариата как с индивидуальными пользователями, так и с другими государственными органами и организациями. Это также уменьшило потребность в личном общении, что стало особенно важным во время пандемии COVID-19⁵.

В последние годы в Российской Федерации реализован ряд нововведений в законодательстве, связанных с цифровизацией нотариальной деятельности. Вот некоторые примеры:

- Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Этот закон ввел новые форматы совершения нотариальных действий, такие, как возможность удаленного обращения за услугами нотариуса, а так же обозначил технические изменения с целью цифровизации нотариальных баз данных, межведомственного взаимодействия и открытого доступа к данным.

- Положение о единой информационной системе нотариата обозначило начало функционирования в России Единой нотариальной информационной системы (ЕНИС).

- Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Данным законом введены новые правила нотариального заверения электронных документов в России, в частности, финансовых активов.

- Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 588-ФЗ предусматривает оплату нотариальных действий в соответствии с единым нотариальным тарифом, включающим в себя федеральную и региональную составляющие⁶.

- Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 402-ФЗ "О внесении изменений в статью 189 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации", согласно которому ФНП сможет обрабатывать и предоставлять неограниченному кругу лиц сведения об отмене всех электронных доверенностей.

Подводя итоги, можно сказать, что данные нововведения в законодательстве, связанные с цифровизацией нотариальной деятельности в Российской Федерации, конкретизируют права и обязанности субъектов права в сфере нотариальных услуг, а так же заполняют пробелы в законодательстве о нотариате и смежных с ним подотросях.

Перспективы и проблемы цифровизации нотариата:

- Безопасность и надежность. Хотя платформа ЕИСН предоставляет безопасные услуги электронного нотариального заверения, необходимы дальнейшие усилия для обеспечения безопасности и надежности нотариальных услуг в эпоху цифровых технологий.

- Цифровой разрыв. Не у всех есть доступ к надежному Интернету и цифровым устройствам, что может создать барьер для доступа к онлайн-нотариальным услугам. Этот вопрос необходимо решить, чтобы каждый мог извлечь выгоду из цифровизации нотариусов.

- Правовая база. Правовая база для цифровизации нотариальной деятельности в России все еще развивается, и могут возникнуть некоторые юридические проблемы и неопределенности, которые необходимо решить, чтобы обеспечить законность и применимость электронных нотариальных услуг.

Ожидается, что использование услуг электронного нотариального заверения будет расти, а дальнейшие инновации в области технологий и законодательства, вероятно, продолжат повышать эффективность и доступность нотариальных услуг в России.

В результате произведенного анализа можно сказать, что процессы цифровизации нотариальной деятельности в России с каждым годом лишь набирают обороты. Тенденции информатизации законодательных процессов направлены на сохранение прежних правовых традиций при их органичном сочетании с новой цифровой реальностью. Основными задачами цифровизации института нотариата в России является повышение его эффективности и доступности для граждан.

Литература

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/?ysclid=lf87n8pxng847311708.
2. *Тарасова Е. А.* Современный нотариат = электронный нотариат? // Пермский юридический альманах. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-notariat-elektronnyy-notariat-tsifrovizatsiya-notarialnoy-deyatelnosti/>.
3. Единая информационная система нотариата – пять лет опережающего развития // СМИ Нотариат.РФ. URL: <https://www.xn--80aaxsfmme.xn--p1ai/ru-ru/news/edinaya-informacionnaya-sistema-notariata-pyat-let-operezhayushhego-razvitiya>.
4. Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата, внесения в них сведений, в том числе порядка исправления допущенных в таких реестрах технических ошибок: Приказ от 30 сент. 2020 г. № 225 (с изм. на 14.12.2022) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565912475?ysclid=lf85pm7oj391838988>.
5. Электронный документ проще и доступнее через нотариуса // СМИ Нотариат.РФ. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/elektronnyj-dokument-proshe-i-dostupnee-cherez-notariusu>.
6. *Гулевич И. В., Власенко В. С.* Процесс цифровизации в нотариальной практике: современные тенденции., Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2022. Т. 8(74). № 1. С. 234–237.

ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматривается проблема использования некорректной терминологии при изучении вопросов, посвященных судебному усмотрению, которые в частности затрагивают арбитражное судопроизводство. Сформулировано определение судебного усмотрения в арбитражном процессе с выделением его отличительных черт.

Ключевые слова: судебное усмотрение, арбитражный процесс, суд, судья.

P. S. Sukhikh
Master's Student, Perm State University

THE CONCEPT AND SPECIFICS OF JUDICIAL DISCRETION IN THE ARBITRATION PROCESS

The problem of using incorrect terminology in the study of issues related to judicial discretion, which in particular affect arbitration proceedings, is considered. The definition of judicial discretion in the arbitration process is formulated with the allocation of its distinctive features.

Keywords: judicial discretion, arbitration process, court, judge.

Вопросы необходимости и безопасности существования судебного усмотрения носят весьма дискуссионный характер, как в настоящее время, так и множество лет назад, однако до сих пор не сформировано представление о корректном использовании терминологии при разрешении указанных вопросов. Как показывает анализ научных работ современных правоведов, наибольшей популярностью пользуется изучение судебного усмотрения в уголовном праве, также внимание уделяется конституционному и гражданскому праву, но в меньшем объеме. Данная работа ориентирована на исследование судебного усмотрения при рассмотрении споров в рамках арбитражного судебного процесса, так как рассматриваемая область наделена рядом особенностей, влияющих на реализацию судебного усмотрения.

С целью изучения такого явления, как судебное усмотрение в арбитражном процессе, для начала обратимся к понятию судебного усмотрения вне зависимости от отраслевой привязки. Стоит отметить, что действующее в настоящий момент законодательство не содержит толкование данного понятия, поэтому

обратимся к наиболее популярным словарям с целью формирования представления о данном явлении.

Термин «усмотрение» согласно толковому словарю С. И. Ожегова трактуется как «решение, заключение, мнение»¹. Если обратиться к толковому словарю русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, можно заметить, что здесь содержится более многогранное определение данного понятия, так как усмотрение понимается как «действие, решение или склонность действовать, решать по собственному желанию, а не по закону, произвол»². А В. И. Даль в толковом словаре живого великорусского языка определил термин «усмотреть» как «усмотреть что-либо, увидеть, увидать, узреть очами, открыть и распознать, заметить»³.

Обобщая предложенные в словарях определения, следует, что усмотрение – это решение или сложившееся мнение определенного субъекта, сформированное на основании имеющихся у данного субъекта предпосылок, отличных от тех, что предусмотрены нормами права.

Важным в теоретическом аспекте является факт того, что большинство правоведов указывают на тождественность понятий «судебное усмотрение» и «судейское усмотрение», что представляется несправедливым и побуждает к дифференциации данных категорий.

В первую очередь обратимся к норме права, содержащейся в части 1 статьи 1 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁴, и заметим, что судебная власть в Российской Федерации осуществляется исключительно судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке присяжных и арбитражных заседателей.

Кроме того, анализируя рассматриваемые понятия, необходимым представляется рассмотреть данный вопрос с семантической точки зрения, из чего вытекает, что «судебное усмотрение» является более обширным и охватывающим «судейское усмотрение» ввиду того, что первое подразумевает усмотрение всех ранее указанных субъектов, осуществляющих судебную власть в соответствии с частью 1 статьи 1 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», а последнее охватывает единоличное принятие решения судьи. Если вернуться к толковому словарю С. И. Ожегова с целью поиска определений рассматриваемых понятий, то мы заметим, что «судебный» подразумевает ссылку к понятию «суд», а «судейский» – «судья», что также подтверждает представленные выше доводы относительно сопоставления рассматриваемых понятий¹.

Применительно к рассмотрению дел в рамках арбитражного процесса представляется наиболее удачным использование термина «судебное усмотрение» в связи с тем, что в силу положений статьи 17 АПК РФ⁵ в рамках разрешения экономических споров наиболее популярным является именно коллегиальное рассмотрение судебных дел в составе трех судей или судьи и двух арбитражных заседателей. А если вопрос судебного усмотрения касается апелляция-

ной, кассационной или надзорной инстанций, то термин «судейское усмотрение» не подлежит применению в виду недопустимости единоличного рассмотрения дела.

Представляется необходимым определить понятие судебного усмотрения в арбитражном процессе в связи с тем, что арбитражный суд, разрешая экономические и иные отнесенные к его ведению споры, имеет специфику, установленную АПК. Для начала выделим некоторые черты, которые в сущности отличают арбитражный процесс от смежных процессуальных отраслей. Во-первых, предмет спора, либо его характер, который должен быть экономический и связан с предпринимательской либо иной экономической деятельностью. Во-вторых, субъектный состав, а если быть точнее юридический статус сторон, который должен отвечать критериям, содержащимся в части 2 статьи 27 АПК⁶. Еще одной отличительной чертой является то, что арбитражное судопроизводство представляет собой симбиоз гражданского и административного судопроизводства и таким образом на него возложено одновременное разрешение дел в сферах частного и публичного права.

Таким образом, исходя из общего определения судебного усмотрения и особенностей арбитражного судопроизводства, можно сформировать следующее определение. Судебное усмотрение в арбитражном процессе представляет собой решение арбитражного суда, сформированное на основании имеющихся у него не предусмотренных нормами права предпосылок, с учетом соблюдения юридического равенства различных форм собственности, используемых в предпринимательской деятельности, а также общественного интереса.

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 с.
2. Толковый словарь русского языка. Репринтное издание: в 3 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2001. Т. 2. 789 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 4. 688 с.
4. О судебной системе Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. 752 с.

Н. Е. Тихов
Студент ТГУ (г. Томск)
Научный руководитель: Н. В. Багрова

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ НЕУСТОЙКИ И ЗАРАНЕЕ ОПРЕДЕЛЕННЫХ УБЫТКОВ

Рассматриваются вопросы соотношения неустойки и заранее определенных убытков в российском гражданском праве. Затронуты вопросы о применении норм о неустойке к институту паушальных убытков.

Ключевые слова: заранее оцененные убытки, возмещение убытков, договорная ответственность, гражданско-правовая ответственность, способы защиты прав.

N. E. Tihov
Student, Tomsk State University
Supervisor: Bagrova N.V.

PROBLEMS OF THE CORRELATION OF PENALTY AND LIQUIDATED DAMAGES

The work is devoted to the issues of correlation of penalty and liquidated damages in Russian civil law and the issues of application of penalty rules to the institution of liquidated damages.

Keywords: liquidated damages, damages, contractual liability, civil liability, remedies.

Специфика ЗОУ заключается в том, что стороны могут установить в договоре твердую сумму, которая рассчитывается на основе оценки потенциальных убытков, либо же стороны могут указать механизм расчета ЗОУ. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, сторона, нарушившая положения договора, возмещает убытки, установленные договором, при этом та сторона, в пользу которой взыскиваются ЗОУ, не должна доказывать их наличия и их размер. Как правило, для расчета ЗОУ привлекаются соответствующие эксперты, подсчитывающие вероятную сумму убытков на основании смет и технических сведений. Из-за своей специфики ЗОУ часто подвергаются сравнению с неустойкой. Дело в том, что механизм действия ЗОУ очень сильно напоминают действие неустойки. ЗОУ рассчитываются и устанавливаются заранее, а истцу не нужно доказывать их наличие.

Обратив внимание на эти сходства, можно задаться справедливыми вопросами: есть ли вообще разница между неустойкой и ЗОУ? Возможно ли применение норм о неустойке к институту ЗОУ? Нужно ли вообще разделять неустойку и ЗОУ? Целями данной работы является поиск ответов на указанные вопросы и выявление критериев для разграничения неустойки и ЗОУ, если таковые имеются.

Исследуя проблему соотношения ЗОУ и неустойки, следует начать с первоисточников, а именно аналогичных институтов в континентальном и английском праве. Обратив внимание на институт заранее оцененных убытков в германском праве, следует отметить, что там происходит дублирование института неустойки¹. А. Г. Карапетов обращает внимание, что в германском праве критерии разграничения неустойки и ЗОУ не являются достаточно четкими, а обоснование их выделения в отдельный институт выглядит недостаточно аргументированным.

Совсем по-другому сложилась ситуация с выделением и применением института ЗОУ в английском праве. В данной правовой системе неустойка не может носить штрафной характер, выступать мерой ответственности должника, в противном случае она попросту не будет взыскана с него в суде. Предположительно из-за таких положений и возникла потребность в применении института ЗОУ, поскольку это позволяет в допустимой степени обходить ограничения, которые установлены в отношении неустойки.

В германском праве институт ЗОУ во многом является дублирующим, то в английском праве ситуация прямо противоположная. Каким образом сложилась судьба ЗОУ в России?

Исследователи проблемы соотношения ЗОУ и неустойки считают, что информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156² является поводом для выделения ЗОУ в отдельный институт, обозначения его самостоятельного характера³. ВАС отметил, что аналоги ЗОУ в нашей правовой системе отсутствуют и даже выделил критерий для разделения неустойки и ЗОУ. ВАС указал, что условия, устанавливающие в договоре положения о ЗОУ, должны выступать результатом разумной оценки потенциальных убытков. Однако, на мой взгляд, данную позицию не стоит считать основанием для выделения ЗОУ в самостоятельный институт. Ведь речь шла о споре иностранной и российской компании, в контексте того, что отношения между данными контрагентами регулировались совсем не российским правом, положения о ЗОУ в договоре не являются противоречивыми. ВАС лишь указал на допустимость наличия положений о ЗОУ в отношениях между российскими и иностранными контрагентами и исполнения решений иностранных судов по таким договорам. Кроме того, ВАС, указав на критерий отличия неустойки и ЗОУ и пояснив, что ЗОУ должны выступать результатом разумной оценки потенциальных убытков, никак не разграничил неустойку и ЗОУ. Безусловно, напрашивается вывод о разной правовой природе неустойки (если говорить о неустойке как о мере ответственности) и ЗОУ, поскольку правовая природа ЗОУ в большей степени является компенсационной, а не штрафной. Однако в конечном итоге возникает вопрос о потребности разграничения неустойки и ЗОУ в российском праве. Таким образом, при рассмотрении вопроса о самостоятельности ЗОУ как института, на мой взгляд, исследователи слишком широко трактуют правовую позицию ВАС.

В практике суды удовлетворяют требования о взыскании ЗОУ. В решении Арбитражного суда Республики Татарстан указано, что стороны согласовали возмещение ЗОУ подрядчику, в случае досрочного прекращения договорных отношений⁴. Арбитражный суд города Москвы указывает, что к ЗОУ неприменимы положения о возмещении убытков. Свою позицию суд аргументирует тем, что требования о взыскании ЗОУ изначально не носили цели наказания должника за причинение ущерба, а прежде всего были направлены на компенсацию кредитором его потерь⁵. Анализ данных решения, позволяет выявить довольно спорный критерий разграничения ЗОУ и неустойки. Неустойка может выступать как мера ответственности, ЗОУ выступает только как мера, направленная на компенсацию потерь. Кроме того, также следует, что истец не должен доказывать размер ЗОУ, поскольку он уже был согласован в договоре. Однако вновь возникает аналогия с неустойкой, которую истец также не должен доказывать. Критерий разделения неустойки и ЗОУ по их правовой направленности можно проследить в решениях судов, однако в чем смысл разграничения указанных институтов, по указанному критерию, если в конечном итоге и неустойка и ЗОУ не нуждаются в доказывании и могут быть взысканы с ответчика? Суды все также не перестают отождествлять ЗОУ с неустойкой. Верховный суд в своем решении указывает, что убытки, которые возникли в связи с нарушением одной из сторон условий договора, могут быть заранее определены в договоре в виде неустойки⁶. ВС также указывает, что кредитор освобождается от обязанности доказывания наличия своих убытков и их размера. Стоит отметить, что речь идет о зачетной неустойке. В таком случае корректнее утверждать, что неустойка в широком смысле⁷ включает в себя институт заранее оцененных убытков. В том же решении ВС указывает, что правила статьи 333 ГК РФ о снижении неустойки применяются к любым видам неустоек, что позволяет утверждать о применимости норм о неустойке к ЗОУ. Ответчик в суде может добиться снижения неустойки, применяя статью 333 ГК РФ. Аналогичная ситуация может возникнуть и с ЗОУ, поскольку бремя доказывания в такой ситуации переносится на должника и, доказав несоразмерность фактического ущерба и установленных договором ЗОУ, он будет правомерно требовать снижения уплаты таких убытков. На мой взгляд, говорить о различиях ЗОУ и неустойки некорректно, поскольку ЗОУ не обладает достаточным количеством особенностей, с уверенностью позволяющих выделить их в отдельный институт. Неустойка, хоть и может выступать мерой ответственности, но в определенных случаях также может носить компенсационный характер⁸, что по своей направленности совпадает с направленностью ЗОУ.

Можно сделать вывод о том, что неустойка в широком смысле включает в себя заранее оцененные убытки и, следовательно, их разделение представляется искусственным и намеренным.

Литература

1. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве / А. Г. Карпетов. М.: Статут, 2005.
2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26 февр. 2013 г. № 156.
3. *Сятчихин А. В.* Возмещение заранее оцененных убытков: анализ развития отечественной судебной практики // Legal Concept. Vol. 16, no. 2, 2017. Pp. 104–108.
4. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 29 авг. 2022 г. по делу № А65-27128/2020.
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 13 июля 2020 г. по делу № А40-269619/2019.
6. Определение Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. по делу № А40-224969/2020.
7. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7.
8. Учение об обеспечении обязательств / Гонгало Б. М. М.: Статут, 2002.

Д. А. Федяев
Канд. юрид. наук, доцент
кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

ЗАКОНОДАТЕЛЬ ПРОТИВ СНИЖЕНИЯ СУДЕБНОЙ НАГРУЗКИ

Поднимается вопрос влияния законодательных изменений на судебную нагрузку. На примере одной из последних законодательных новелл показано, что даже незначительное изменение процессуального законодательства, осуществленное без предварительного анализа в научной среде и публичного обсуждения, может создать дополнительную нагрузку на судебную систему. Автором поддержан более взвешенный подход к изменению кодифицированных правовых актов, предложены варианты устранения законодателем уже допущенной ошибки.

Ключевые слова: гражданский процесс, снижение судебной нагрузки, законотворческий процесс.

D. A. Fedyaev
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Perm State University

LEGISLATOR AGAINST REDUCING THE BURDEN ON THE JUDICIARY

The article raises the issue of the impact of legislative changes on the judicial workload. On the example of one of the latest legislative novels, it is shown that even a slight change in procedural legislation, carried out without preliminary analysis in the scientific community and public discussion, can create an unforeseen additional burden on the judicial system. The author supports a more balanced approach to changing codified legal acts, and suggests options for the legislator to eliminate an already made mistake.

Keywords: civil proceedings, reducing the burden on the judiciary, legislative process.

Одной из приоритетных, если не экзистенциальных, проблем современного правосудия в России, активно обсуждаемой как в научных исследованиях, так и среди практиков является чрезмерная нагрузка на судей. Снижение судебной нагрузки с очередной раз признано одной из главных целей реформирования судебной системы X Всероссийским съездом судей, прошедшим в конце 2022 г.¹ М. А. Рахманова и П. В. Шумов приводят данные проведенного в 2019 г. исследования, согласно которым 62 % российских судей в судах общей юрисдикции отмечают практику регулярных переработок более чем вдвое. По данным того же исследования, среднестатистический российский судья рассматривает дела с темпом в 3-5 раз выше рекомендуемого². По понятным причинам в системе судов общей юрисдикции основная нагрузка приходится на мировых судей.

Так, например, по данным Агентства по делам юстиции и мировых судей Пермского края в 2022 году мировыми судьями Пермского края рассмотрено более 1 170 тыс. дел и материалов, соответствующий показатель 2021 года превышен на 18,7 %³. По сведениям из того же источника за последние пять лет количество рассмотренных мировыми судьями дел и материалов увеличилось на 42,3 %. Средняя суммарная служебная нагрузка на мировых судей края по сравнению с 2021 годом возросла с 643 до 763 дел и материалов в месяц. На 24 участках нагрузка превышает 1 000 дел и материалов в месяц.

Если обратиться к структуре рассмотренных дел, то более половины от общего количества рассмотренных дел и материалов традиционно составляют из гражданских правоотношений (в 2022 г. – 617 тыс.). 93,8 % в объеме рассмотренных гражданских дел – дела о вынесении судебных приказов, из которых 55,9 % – по заявлениям ресурсоснабжающих организаций, управляющих компаний и ТСЖ о взыскании с граждан задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги. Из сказанного следует вывод, что наиболее значимую долю в структуре дел, рассмотренных мировыми судьями Пермского края, занимают дела о вынесении в пользу ресурсоснабжающих организаций судебных приказов о взыскании с граждан задолженности по оплате за жилищно-коммунальные услуги. Судя по всему, в других регионах ситуация схожая.

В сложившемся положении, когда столько усилий теоретиков и практиков направлено на поиски действенных механизмов снижения нагрузки на судебную систему, особенно досадно получать от законодателя подножки в виде недостаточно продуманных нормативных новелл, откровенно противодействующих этому процессу.

В качестве одного из последних примеров рассмотрим недавно принятый Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 80-ФЗ «О внесении изменений в статью 60 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»⁴ (далее – Закон № 80-ФЗ). Пунктом 2 статьи 2 данного закона пункт 3 части 2 статьи 124 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) дополнен указанием на право взыскателя при обращении с заявлением о вынесении судебного приказа о взыскании задолженности по оплате помещения, машино-места в многоквартирном доме, коммунальных услуг, взносов на капитальный ремонт общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, энергетических ресурсов (выше мы показали, что это наиболее многочисленная категория дел) не указывать фамилию, имя, отчество должника, если таковые взыскателю неизвестны. Согласно нововведению взыскателю достаточно сообщить об этом суду, и тогда такие сведения о должнике, неизвестные взыскателю, предоставляются суду организацией, уполномоченной на предоставление све-

дений из Единого государственного реестра недвижимости, в порядке, установленном федеральным законом.

В анализируемой норме прямо не указано, но очевидно, что сведения предоставляются по специальному запросу суда, как это было в предшествующей редакции той же статьи для идентификаторов должника, если таковые не были известны взыскателю. Сложно отрицать, что направление любого рода запросов – это дополнительная нагрузка на суд, а поскольку речь идет о приказном производстве, то с учетом родовой подсудности гражданских дел о выдаче судебного приказа (п. 1 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ) – на мировых судей.

Вступление Закона № 80-ФЗ в силу со дня его официального опубликования (статья 3 Закона), а не по истечении обычных десяти дней согласно статье 6 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ⁵, сигнализирует о том, что первый принимался для экстренного решения неких задач, которые попытаемся установить. Также постараемся оценить дополнительную нагрузку на мировую юстицию, которую этот закон, уверены, без всякого злого умысла породил.

Первоначальная редакция проекта рассматриваемого Закона, внесенного на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД ФС РФ) Парламентом Кабардино-Балкарской республики не содержала пункта 2 статьи 2, внесшего впоследствии изменения в статью 124 ГПК РФ⁶. Обратим внимание на то, что в первоначальном варианте не было и положения о вступлении в силу с момента опубликования; оно было привнесено позднее, что опять же свидетельствует о спонтанности последующих изменений. Законопроект, как указано в пояснительной записке к нему⁷, предполагал устранение несогласованности, обеспечения единства и непротиворечивости системы правовых норм, относящихся к институту судебного представительства путем внесения изменений в часть 1 статьи 60 АПК РФ и статью 51 ГПК РФ в части возможности установления запрета быть представителем в суде помимо процессуальных кодексов также другими федеральными законами. Предложение вполне разумное и не вызывающее возражений. При рассмотрении в первом чтении законопроект получил положительное заключение Правового управления Аппарата ГД ФС РФ и Комитета ГД ФС РФ по государственному строительству и законодательству. Не составит большого труда соотнести, что положения итоговой редакции Закона № 80-ФЗ о приказном производстве имеют мало общего с институтом представительства, устранение элементов несогласованности в котором должен был обеспечить законопроект по замыслу его разработчиков.

Проанализировав историю движения законопроекта между чтениями в ГД РФ, обнаруживаем, что интересующие нас поправки появились в ходе второго чтения, как это нередко бывает, если надо избежать обсуждения. Такой некорректный метод неоднократно подвергался серьезной критике как в научной

литературе⁸, так и со стороны видных участников законотворческого процесса⁹. На недопустимость внесения в ходе второго чтения поправок, выходящих за пределы изначального предмета правового регулирования законопроекта указало в своем заключении правовое управление аппарата Совета Федерации¹⁰. Примечательно, что поправки были внесены известным широкой общественности депутатом¹¹, который ранее выступил одним из инициаторов получивших негативную оценку со стороны многих специалистов¹² изменений в законодательство о персональных данных и о государственной регистрации недвижимости, внесенных Федеральным законом 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ¹³ (далее – Закон № 266-ФЗ) и запретивших получение третьими лицами выписок из Единого государственного реестр недвижимости (далее – ЕГРН) с личными данными собственников недвижимости без их согласия.

Внесенные Законом № 266-ФЗ изменения в законодательство о запрете предоставления личных данных из ЕГРН вступали в силу 1 марта 2023 г., а поправки в законопроект Парламента Кабардино-Балкарской республики внесены в ходе второго чтения в конце февраля 2023 г. Сопоставление сроков появления поправок, их содержания и автора, скорости прохождения через Совет Федерации Федерального Собрания РФ (на следующий день после поступления из ГД ФС РФ) и вступления в силу Закона № 80-ФЗ позволяет предположить, что появившиеся во втором чтении тогда еще проекта Закона № 80-ФЗ поправки были направлены на экстренное нивелирование негативных последствий вступавших в силу 1 марта 2023 г. изменений в законодательство о персональных данных и о государственной регистрации недвижимости.

Действительно, как показала практика, введенный 1 марта 2023 г. запрет на получение из ЕГРН сведений о правообладателе объекта недвижимости – физическом лице порождал значительные затруднения для ресурсоснабжающих организаций при взыскании в судебном порядке с граждан задолженности по оплате за фактически потребленные жилищно-коммунальные услуги, когда договор не заключен и собственник недвижимости неизвестен. Хотя в повторном заключении на уже кардинально уточненный проект федерального закона № 115954-8 правовое управление аппарата ГД ФС РФ указало на наличие у ресурсоснабжающих организаций не просто возможности, но обязанности вести реестр потребителей коммунальных услуг¹⁴.

Закон № 80-ФЗ стал попыткой устранить возникшую коллизию, но, следует констатировать, попыткой неудачной. В результате, если раньше до обращения в суд с заявлением о выдаче судебного приказа на взыскание задолженности за жилищно-коммунальные услуги, а в преобладающей своей массе это дела приказного производства (абз. 9 статьи 122 ГПК РФ), ресурсоснабжающая организация должна была приложить усилия и средства, чтобы самостоятельно устано-

вить собственника (владельца) недвижимости, то сейчас взыскатель освобожден от этого Законом № 80-ФЗ. Достаточно лишь указать, что отсутствует информация о родовых данных должника, и дальше это становится проблемой суда, который должен направлять соответствующие запросы в компетентные органы.

Законом № 266-ФЗ параллельно с запретом на свободное получение персональных данных из ЕГРН были дополнены Основы законодательства Российской Федерации о нотариате статьей 85.1, допускающей в качестве компенсации введенного ограничения получение заинтересованным лицом через нотариуса выписки из ЕГРН с данными правообладателя объекта недвижимости, если это необходимо для защиты прав и законных интересов обращающегося за выпиской¹⁵. Причем в пункте 5 статьи 85.1 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате в качестве обстоятельств, подтверждающих наличие оснований для запроса нотариусом выписки, названо предъявление заявителем иска к правообладателю объекта недвижимости задолженности по уплате платежей, связанных с использованием данного объекта.

Исходя из этого, ресурсоснабжающие организации при взыскании с граждан задолженности за жилищно-коммунальные услуги сохранили возможность запрашивать через нотариуса выписки из ЕГРН с целью установления владельца объекта недвижимости. Однако новая редакция пункта 3 части 2 статьи 124 ГПК РФ абсолютно их к этому не стимулирует. Зачем тратить время и, надо признать, не такие уж малые при значительном количестве взысканий, деньги на получение через нотариуса выписки о собственнике объекта недвижимости, если можно просто написать в заявлении о выдаче судебного приказа, что данные должника неизвестны? То, что раньше ресурсоснабжающие организации так или иначе делали за плату, сейчас за них вынужден делать суд и абсолютно безвозмездно. Понятно, что даже в тех случаях, когда собственника недвижимости можно каким-то образом установить, поставщик жилищно-коммунальных услуг предпочтет переложить это на суд.

Пункт 3 части 2 статьи 124 ГПК РФ в редакции Закона № 80-ФЗ не дает суду право отказать взыскателю в запросе персональных данных должника на том основании, что по мнению суда взыскателем не предприняты самостоятельно доступные для этого меры. Здесь вполне можно было бы провести аналогию с частью 2 статьи 57 ГПК РФ, обязывающей в ходатайстве об истребовании доказательств указывать причины, препятствующие самостоятельному получению доказательства. К сожалению, Законом № 80-ФЗ это не предусмотрено, что считаем серьезным нормотворческим упущением. Для его устранения считаем достаточным ввести в пункт 3 части 2 статьи 124 ГПК РФ уточнение о том, что можно запрашивать данные правообладателя недвижимости только, если заявителем представлены доказательства невозможности получения таких сведений. На

практике таким доказательством, может стать отказ нотариуса в запросе сведений и удостоверении выписки из ЕГРН.

По предварительным оценкам Агентства по делам юстиции и мировых судей Пермского края на основании уже рассмотренных дел о вынесении судебных приказов по заявлениям ресурсоснабжающих организаций о взыскании задолженности за жилищно-коммунальные услуги за истекший с 1 марта 2023 г. период, количество дел, требующих от суда направление запроса о персональных данных владельца недвижимости в Пермском крае к концу года превысит 10 тысяч. Это, мягко говоря, не способствует снижению нагрузки на мировых судей и их аппарат, вынужденных обрабатывать огромное количество запросов при сохранении прежней штатной численности персонала. Само по себе направление запросов, их обработка, подготовка и направление ответов уполномоченными органами также влечет дополнительные расходы бюджетов разных уровней.

К Закону № 80-ФЗ имеются замечания теоретического характера. Думается, при отсутствии у взыскателя персональных данных должника требование не может иметь бесспорный характер, что является обязательным условием для рассмотрения в порядке приказного производства. Как можно вести речь о бесспорности требования, если даже неизвестно обязанное лицо? Между тем, действующая формулировка пункта 3 части 2 статьи 124 ГПК РФ обязывает суды принимать такие требования для рассмотрения в порядке приказного производства. С другой стороны, даже если мировой судья на основании пункта 3 части 3 статьи 125 ГПК РФ откажет в принятии заявления о вынесении судебного приказа, сославшись на наличие спора о праве, это не будет решением проблемы, так как требование будет предъявлено в порядке искового производства и нагрузка сместится с мировой юстиции на федеральные суды общей юрисдикции. Тем более, что пункт 3 части 2 статьи 131 ГПК РФ в редакции Закона № 80-ФЗ предусматривает положения аналогичные пункту 3 части 3 статьи 125 ГПК РФ, допускающие предъявление искового заявления без указания фамилии, имени, отчества ответчика.

Таким образом, на примере одного из последних изменений в процессуальном законодательстве, мы постарались показать, как спонтанные и от того не до конца продуманные, новеллы могут создать существенную дополнительную нагрузку на судебную систему. Это еще раз убеждает в том, что любая законодательная инициатива, тем более по корректировке кодифицированных актов, по умолчанию имеющих системообразующий характер, требует предварительного научного осмысления и публичного обсуждения.

Литература

1. О развитии судебной системы Российской Федерации: Постановление X Всероссийского съезда судей от 1. дек. 2022 г. № 1 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Рахманова М. А. Нагрузка на судей и качество правосудия / М. А. Рахманова, П. В. Шумов // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 10. С. 213.
3. Служебная нагрузка мировых судей Пермского края за 12 месяцев 2022 года. URL: <https://mirust.permkrai.ru/dokumenty/283184> (дата обращения: 15.05.2023).
4. О внесении изменений в статью 60 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2023 г. № 80-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 12, ст. 1893.
5. О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: Федер. закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ (в ред. от 01.05.2019) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 8, ст. 801.
6. О внесении изменений в статью 60 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 51 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Проект Федерального закона № 115954-8 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.04.2022). Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 60 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 51 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Бошно С. В., Васюта Г. Г. Поправки к законопроекту и пределы трансформации концепции закона // Право и современные государства. 2017. №3. С. 9–20.
9. Матвиенко подвергла критике практику внесения концептуальных изменений в законопроекты URL: <https://vmeste-rf.tv/news/30399/> (дата обращения: 15.05.2023).
10. Заключение правового управления аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ по Федеральному закону «О внесении изменений в статью 60 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации», принятому Государственной Думой 14 марта 2023 года // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/115954-8> (дата обращения: 15.05.2023).
11. Таблица поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству к принятию [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/115954-8> (дата обращения: 15.05.2023).
12. Будылин С. Л. Осторожно, реестр закрывается! Какие возможности остаются у банков при поиске активов // Юридическая работа в кредитной организации. 2022. № 3. С. 44–53; Мутаев Х. ЕГРН не будет прежним [Электронный ресурс] // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2022/8/17/egrn_ne_budet_prezhnim (дата обращения: 15.05.2023); Бевзенко Р. После закрытия реестра недвижимости надо запретить... // Zakon.ru. 14.10.2015. URL: https://zakon.ru/blog/2015/10/14/posle_zakrytiya_reestra_nedvizhimosti_nado_zapretit (дата обращения: 15.05.2023).
13. О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»: Федер. закон от 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29 (ч. 3), ст. 5233.
14. Заключение Правового управления (повторно) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/115954-8> (дата обращения: 15.05.2023).
15. Осторожно, ЕГРН закрывается. Что будет дальше? [Электронный ресурс]. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/ostorozhno-egrn-zakryvaetsya-cto-budet-dalshe-2302> (дата обращения: 15.05.2023).

NFT – ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Исследуется феномен NFT через призму правовой реальности. Уделяется внимание вопросам отнесения невзаимозаменяемого токена к тому или иному объекту гражданских прав. Предлагаются пути к совершенствованию нормативной базы в области налогообложения NFT.

Ключевые слова: токен, NFT, блокчейн, криптовалюта.

D. P. Tsarapkin, I. A. Zhilichkina
Students, National Research Mordovia State University

NFT – ISSUES OF LEGAL REGULATION

The article examines the NFT phenomenon through the prism of legal reality. Attention is paid to the issues of attributing a non-fungible token to a particular object of civil rights. Ways to improve the regulatory framework in the field of NFT taxation are proposed.

Keywords: token, NFT, blockchain, cryptocurrency.

Ни для кого не секрет, что любое изображение, (будь то обычная фотография, картинка, коллекционная карточка, видео или аудио файл) может стать в умелых руках дорогостоящим инструментом на рынке цифровой индустрии. В данном случае, речь пойдет о таком криптографическом активе, как NFT. Особую популярность рынок NFT приобрел на рубеже 2020 г., когда его стоимость перешагнула за 200 миллионов долларов¹. NFT представляет собой невзаимозаменяемый токен, имеющий уникальный и неповторяющийся код, который позволяет собственнику отличать данный цифровой объект от других и использовать его в обороте.

Многие задаются вопросом: почему потенциальные покупатели готовы отдавать космические суммы за какую-то «электронную картинку»? Ответ кроется на поверхности, а именно в самом названии: NFT – невзаимозаменяемый токен. Следовательно, если у товара нет и не может быть аналога, то цена устанавливается соответствующая.

Феномен NFT до сих пор представляет загадку для широкого круга лиц. У большинства людей сами названия: «блокчейн», «криптовалюта», «токен», «NFT» вызывают ужас в глазах, и это нормально, поскольку рынок NFT не только непредсказуем, но и опасен в неумелых руках. Необходимо не только знать основы криптографических активов на блокчейне, но и умело владеть навыками по их использованию, начиная с создания учетной записи и заканчивая самой операцией по покупке/продаже NFT.

Если в отношении сделок с обычным товаром, мы можем сказать, что вопрос идентификации большинства денежных переводов отведен банкам (по проверке баланса клиента, возможности осуществления перевода и т.д.), то транзакции по блокчейн-технологиям осуществляются исключительно посредством инструментов самих пользователей. Иными словами, каждый компьютер участника в этой системе фиксирует и передает данные по сделкам в открытый доступ, что образует в итоге общую сеть, где любой имеет возможность ознакомиться со всеми операциями интересующего его пользователя².

Отсутствие конфиденциальности по совершенным сделкам позволяет отследить всю историю любого NFT, начиная от его создания и вплоть до последнего совершенного действия с ним. Поэтому многие приобретают токен только лишь для того, чтобы весь мир знал о его покупателе, продавце и цене, за которую его отдали.

Что касается России и ее законодательного регулирования данной сферы общественных отношений, то стоит отметить, что как таковая нормативная база, по нашему мнению, еще не до конца развита. Пока нет даже нормативной дефиниции NFT, в связи с чем возникают большие трудности в отнесении невзаимозаменяемого токена к тому или иному объекту гражданских прав.

Круг специалистов зачисляет NFT в ряды цифровой валюты или активов, ссылаясь на Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. Однако более убедительны доводы о том, что это не совсем так. В законе говорится, прежде всего, о цифровом праве на токен, поэтому NFT стоит рассматривать больше, как результат произведения искусства, т.е. объект, в отношении которого совершается сделка, а не право. Кроме того, справедливо отмечается, что для цифровых прав не характерно условие о не взаимозаменяемости, и то, что они могут осуществляться на любой платформе⁴.

В связи с тем, что нет точного ответа у нас в государстве, то может стоит обратиться к зарубежным странам? Но, как бы парадоксально не звучало, даже там нет точного ответа. Единственное, что можно заметить, это осуществление деления «цифровой монеты» на несколько групп, в зависимости от предназначения в использовании:

- 1) как валюты;
- 2) как услуги;
- 3) как картинки;
- 4) как ценной бумаги⁵.

Следовательно, правовой режим токена будет многогранен, и может быть использован лицом применительно к конкретному случаю.

На сегодняшний день национальные службы стран только разрабатывают комплекс превентивных мер в отношении граждан, касающийся предотвраще-

ния опасности в торговле на рынке NFT, так как нет точного понимания правовой природы невзаимозаменяемого токена. При этом возникает вопрос: можно ли применять в данном случае положения о криптовалюте?

На наш взгляд, если вернуться к национальному законодательству, то среди объектов гражданского права, правовой режим NFT больше свойственен для объектов интеллектуальной собственности. Как вещь, он не имеет природной оболочки, к нематериальному благу его тоже трудно отнести. Это не результат работ и услуг, так как нет заранее обусловленного соглашения между сторонами. И конечно, как мы выяснили выше, понятие «невзаимозаменяемый токен» не равно понятию «цифровые права».

NFT – это произведение, прежде всего, творческого труда, только в электронном виде, где собственник (приобретатель) не может в полном объеме распоряжаться произведением искусства, поскольку любое его преобразование допустимо только с согласия автора, если иное не установлено соглашением сторон. Не кажется ли, что это напоминает исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности?

Что касается законодательства о налогообложении, то действует следующая формула, носящая рекомендательный характер: доход от продажи – расход на покупку × ставку НДС для физических лиц или налога на прибыль организаций. При этом продавец не освобождается от подачи декларации в налоговый орган в установленный законом срок. Те же правила действуют и в отношении лица, решившего перепродать NFT.

Сложным вопросом остается момент признания дохода по сделке невзаимозаменяемого токена: в расчет стоит брать прибыль от продажи NFT на самой платформе или от получения уже фиатных денежных средств?

Для того чтобы избежать дискуссий и споров, необходимо законодательно закрепить правовой режим NFT, в частности ввести определение в ГК РФ, в статью 11 НК РФ, а также урегулировать вопросы налога от совершения сделок по нему.

Литература

1. CryptoKittiesraises \$12M from Andreessen Horowitzand Union Square Ventures URL: <https://techcrunch.com/2018/03/20/cryptokitties-raises-12m-from-andreessen-horowitz-and-union-squareventures/> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Что такое NFT: разрушаем мифы и отвечаем на главные вопросы URL: <https://dtf.ru/life/1001912-cto-takoe-nft-razrushaem-mify-i-otvechaem-na-glavnye-voprosy> (дата обращения: 12/03/2023).
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.03.2023)
4. *Валеева К. Р.* Правовая природа невзаимозаменяемых токенов (NFT) // *Аллея науки.* 2022. Т. 1, № 7(70). С. 285–288.
5. *Белов Н. И., Рахматулин Р. И.* NFT в России: проблемы правового регулирования // *Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 12 февраля 2022 года. Вып. 10. Юбилейный.* Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 101–104.

Ю. К. Черкашина

Студент Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Вологда)
Научный руководитель: А. А. Жариков

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Рассматриваются антикризисные меры государства, принимаемые для защиты и развития малого и среднего предпринимательства. Выделяются положительные стороны, акцентируется внимание на проблемные аспекты. Делается вывод о перспективах мер поддержки предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, меры поддержки, малый и средний бизнес, антикризисные меры.

Yu. K. Cherkashina

Student, Northwestern Institute (branch)
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Vologda)
Scientific supervisor: A. A. Zharikov

ON THE ISSUE OF MEASURES TO SUPPORT ENTREPRENEURSHIP IN AN UNSTABLE ECONOMIC SITUATION

The anti-crisis measures of the state taken to protect and develop small and medium-sized businesses are considered. The positive aspects are highlighted, attention is focused on the problematic aspects. The conclusion is made about the prospects of measures to support entrepreneurship.

Keywords: entrepreneurship, support measures, small and medium-sized businesses, anti-crisis measures.

В условиях экономической нестабильности многие аспекты общественной жизни, в том числе и предпринимательские отношения, нуждаются в государственном антикризисном регулировании. Благодаря поддержке государства уязвимые субъекты предпринимательства могут продолжать осуществлять свою деятельность на прежнем уровне и даже развиваться.

Еще в 2020 году Президент подписал указ, согласно которому одной из целей развития РФ является успешное предпринимательство¹. Во исполнение это акта Минэкономразвития осуществляет национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Рассмотрим некоторые меры поддержки, оказываемые в рамках этого проекта.

Во-первых, как указывает А. Р. Караева, малое и среднее предпринимательство вносит значительный вклад в экономическое развитие путем создания новых рабочих мест². Поэтому предприниматели могут получить субсидии за трудоустройство различных групп населения: бывших участников СВО, молодежи. Такие меры поддержки были установлены на 2022 год и продлены на 2023. Их суть заключается в том, что при предоставлении рабочих мест определенным категориям граждан работодатель-предприниматель сможет получить компенсацию затрат на выплату заработной платы. Ему полагается денежная сумма, состоящая из произведения МРОТ, увеличенного на сумму страховых взносов, и количества трудоустроенных³. Такая мера может быть оценена положительно, поскольку преследует сразу несколько значимых целей: поддержку социально уязвимых граждан и поддержку предпринимательства.

Во-вторых, для развития малого и среднего предпринимательства необходимы ресурсы. Поэтому государство совместно с банковскими организациями разрабатывает программы льготного кредитования. Так, «МСП Банк» предоставляет экспресс-кредиты для предпринимателей из туристической отрасли⁴. Также Правительство РФ запустило «Программу 1764», предусматривающую льготное целевое кредитование. А именно, деньги могут быть предоставлены для инвестирования, рефинансирования, пополнения оборотных средств. В этой программе участвуют около 100 банков, среди которых Сбербанк, ВТБ и иные, в том числе, региональные⁵.

Безусловно, финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства очень важна, т.к. создает благоприятные условия для развития. Однако существует побочный эффект от таких мер. Так, А. А. Адаменко отметил, что крупные предприниматели могут создавать фиктивные небольшие фирмы в стремлении получить льготы, на которые не должны рассчитывать⁶. Видится, что это несовершенство можно преодолеть с помощью ответственного подхода к вопросу предоставления льготного кредитования.

В-третьих, ограничены мероприятия по государственному и муниципальному контролю: в 2023 году, как и в 2022, у многих предпринимателей проверки проводиться не будут. Исключение составят лишь некоторые виды контроля и надзора в отношении объектов чрезвычайно высокого и высокого риска⁷. О. Н. Васильева и К. Ф. Козлова отмечают, что в целях защиты интересов предпринимателей необходимо распространить «мораторий» на все виды контроля⁸. На наш же взгляд, отсутствие проверок хоть и снижает нагрузку на субъектов предпринимательской деятельности, но влечет определенные риски. Отсутствие контроля может, наоборот, привести к снижению эффективности, финансовым проблемам и махинациям.

Таким образом, в условиях современных экономических вызовов поддержка малого и среднего предпринимательства является одной из первоочередных

задач государства. Для ее реализации принимаются различные антикризисные меры, в том числе, субсидирование, льготное кредитование и ограничение контрольных мероприятий. Рассмотренные меры поддержки направлены на достижение социально значимых целей, однако имеют ряд отрицательных побочных эффектов, требующих преодоления. В целом, отметим, что для развития малого и среднего предпринимательства прикладываются значительные усилия со стороны государства, поэтому можно сделать вывод о положительных перспективах этого направления государственной политики.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020, № 30, ст. 4884.
2. *Караева А. Р.* Государственная поддержка малого бизнеса: проблемы и перспективы развития // StudNet. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-malogo-biznesa-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 13.05.2023).
3. О государственной поддержке в 2023 году юридических лиц, включая некоммерческие организации, и индивидуальных предпринимателей в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан: Постановление Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 362 (ред. от 28.04.2023) // Российская газета. 2021. № 63.
4. Туристический льготный экспресс кредит // Официальный сайт МСП Банка URL: <https://mspbank.ru/credit/express-tourism/> (дата обращения: 13.05.2023).
5. Антикризисные программы льготного кредитования // Сайт Минэкономразвития РФ «Мой бизнес» URL: <https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/anticrisis/antikrizisnye-programmy-lgotnogo-kreditovaniya-msp-ot-banka-rossii> (дата обращения: 13.05.2023).
6. *Адаменко А. А., Хорольская Т. Е., Петров Д. В.* Меры поддержки малого и среднего предпринимательства в России в ретроспективе // ЕГИ. 2021. №1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-rossii-v-retrospektive-1> (дата обращения: 13.05.2023).
7. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336: Постановление Правительства РФ от 29 дек. 2022 г. № 2516 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 1 (ч. 2), ст. 316
8. *Васильева О. Н., Козлова К. Ф.* К вопросу об увеличении контроля за субъектами малого и среднего предпринимательства как сдерживающий фактор их развития // Legal Bulletin . 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uvvelichenii-kontrolya-za-subektami-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-kak-sderzhivayuschiy-faktor-ih-razvitiya> (дата обращения: 13.05.2023).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

(ежегодник)

ВЫПУСК 6

predprin.psu.ru

Корректор

А. В. Сятчихин

Компьютерная верстка:

Т. А. Басова

Подписано в печать 30.06.2023. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 10,23. Тираж 100 экз. Заказ 100

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Управление издательской деятельности

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

+7(342)239-66-36

Типография ПГНИУ

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15